

ОЧЕРКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ.

В. П. БЕЗОБРАЗОВА.

Vladimir Pavlovitch Bezobrazov

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о.)

1865.

Slav. 3198.2

Pierce fund

Дозволено цензурой. Москва, 13-го мая 1865 года.

Едва ли найдется на всей нашей государственной территории пунктъ, болѣе важный по всей совокупности своихъ географическихъ условій чѣмъ то мѣсто, на которомъ происходитъ нынѣ Макарьевская ярмарка, эта главная установка всего русскаго ярмарочнаго торгова и всей внутренней нашей торговли. Это мѣсто—уголь, образуемый насупротивъ Нижняго-Новгорода слияніемъ Оки съ Волгой, на правомъ берегу первой и на лѣвомъ послѣдней. Здѣсь Волга,—прикасающаяся своими истоками къ бассейну Балтійскаго моря и искусственно даже соединенная съ нимъ, а потому и со всѣми коммерческими путями Европы и всего образованнаго міра, и оканчивающая свое теченіе въ бассейнѣ центральной Азіи, въ другомъ историческомъ и политическомъ мірѣ,—принимаетъ въ себя одинъ изъ двухъ главнѣйшихъ своихъ притоковъ, а при нынѣшнихъ обстоятельствахъ Россіи едва ли не важнѣйшій. Къ этому послѣднему заключенію легко придти, принявъ въ соображеніе разнообразіе омываемыхъ Окой мѣстностей (губерніи Нижегородская, Владимірская, Тамбовская, Рязанская, Московская, Тульская, Калужская и Орловская), историческое и нынѣшнее ихъ экономическое значеніе, ихъ коренное русское народонаселеніе, многочисленность изгибовъ этой рѣки, дающихъ 2.400 верстъ теченія на этомъ относительно небольшомъ пространствѣ, гдѣ самая мануфа-

ктурная полоса Россіи соприкасается съ земледѣльческою и черноземною, въ предѣлахъ которой Ока начинаетъ свое теченіе. Не такъ далеко отъ впаденія Оки въ Волгу находится устье и другаго самаго великаго притока Волжскаго бассейна—Камы, соединяющей этотъ пунктъ съ самыми дальними сѣверными и сѣверовосточными краями Россіи, съ Ураломъ и Сибирью. Такимъ образомъ нынѣшнее мѣсто Макарьевской или Нижегородской ярмарки болѣе или менѣе соединено, посредствомъ водяныхъ сообщеній, съ самыми противоположными и отдаленными краями Россіи, а водяныя сообщенія пока преобладаютъ надъ всѣми другими путями внутреннихъ нашихъ сообщеній, и пока наиболѣе опредѣляютъ собою направленіе всѣхъ нашихъ коммерческихъ путей. Непосредственно принадлежа къ бассейну Волги, издавна и до сихъ поръ первенствующей во всей водяной системѣ Россіи, это мѣсто вмѣстѣ съ тѣмъ представляется пунктомъ наиболѣе *срединымъ* въ отношеніи ко всѣмъ остальнымъ рѣчнымъ нашимъ бассейнамъ и находится въ непосредственной связи съ первенствующимъ внутреннимъ коммерческимъ и промышленнымъ центромъ—Москвою, которая принадлежитъ также къ Окской системѣ, и откуда прямой путь къ государственному центру и къ преобладающимъ пока въ нашей вѣдѣнной торговлѣ балтійскимъ портамъ. Русскіе купцы, въ сужденіяхъ о значеніи Нижегородской ярмарки, справедливо указываютъ на *воды* какъ на главное и неотъемлемое ея богатство. Дѣйствительно, едва ли найдутся у насъ въ другомъ мѣстѣ такія *воды*, съ такимъ настоящимъ и съ такимъ прошедшимъ.

Но не однѣ воды, какъ способъ перевѣзда людей и перевозки товаровъ, благоприятствуютъ нынѣшнему мѣсту Макарьевской ярмарки: это мѣсто лежитъ въ средоточіи самаго населеннаго и самаго бойкаго какъ въ промышленномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи пространства Волжскаго бассейна. Здѣсь, приблизительно между границами Костромской и Казанской губерній (отъ Юрьевца до Казани), и въ особенности между Окой и Камой, происходитъ самое сильное встрѣчное движеніе судоходства вверхъ и внизъ по Волгѣ; здѣсь она течетъ посреди самыхъ энергическихъ промышленныхъ и коммерческихъ поселеній во всемъ ея бассейнѣ, пересѣкаетъ самую мануфактурную область Россіи, и здѣсь же, на этомъ пространствѣ теченія Волги, разыгрывались

знаменательнѣйшія движенія въ исторіи сложенія Русскаго государства. Здѣсь былъ театръ самыхъ ожесточенныхъ схватокъ въ борьбѣ племенныхъ элементовъ, на слияніи которыхъ зиждется все могущество господствующей государственно-этнографической стихіи—великорусскаго племени; здѣсь происходилъ, между прочимъ, тотъ великій процессъ поглощенія финскаго племени славянскимъ, который составляетъ одно изъ первостепенныхъ явленій въ нашей исторіи, и который здѣсь продолжается въ самыхъ ясныхъ чертахъ и до сихъ поръ. Здѣсь же происходилъ главный отпоръ русскаго народа противъ кочующихъ ордъ азійскаго востока и противъ этихъ многочисленныхъ, полуевропейскихъ и полуазійскихъ, полусторическихъ и полугражданскихъ угрскихъ племенъ, значительно стѣснявшихъ на востокъ естественный ростъ нашей государственной территоріи. Здѣсь, наконецъ, совокупно съ борьбой племенныхъ элементовъ христіанство, въ лицѣ русскаго народа, осиливало міръ язычества и магометанства, и это движеніе продолжается здѣсь и до сихъ поръ.

Происхожденіе Макарьевской ярмарки безъ всякой натяжки можетъ быть отнесено къ глубочайшей древности; ея начало, безъ сомнѣнія, надо искать въ Великой Болгаріи на Волгѣ и Камѣ. Уже съ X вѣка Болгарское царство, на среднемъ теченіи Волги, преимущественно на правомъ ея берегу, до самаго Урала, явственно выступаетъ въ исторіи, даже на памяти русскихъ лѣтописцевъ. Съ самыхъ древнихъ временъ Болгары были особенно знамениты какъ народъ коммерскій; ихъ главное становище *Болгары*, на Волгѣ ниже Камы (въ Спасскомъ уѣздѣ), съ незапамятныхъ временъ (по крайней мѣрѣ съ середины IX столѣтія) славилось какъ складочное мѣсто товаровъ. Всемирное географическое положеніе Болгарскаго царства чрезвычайно благоприятствовало развитію его коммерческой дѣятельности: * съ одной стороны, Волга свя-

* См. F. H. Müller. *Historisch-geographische Darstellung des Stromsystems der Wolga*. Berlin 1839, p. 410 и слѣд.; p. 309 и слѣд. Тутъ же цитируются относящіяся къ историческому развитію Макарьевской ярмарки мѣста изъ исторіи Карамзина. Также Бѣляева, *Разказы изъ Русской Исторіи*. 1861 г. p. 11, 16, 222 и др. Н. Storch. *Hist.-Statist. Gemälde des Russischen Reichs*, 1800, p. 107, 121, 152, 158 и 456. Въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* 1836 г., ст. „Болгары“.

звала ихъ съ Хозарами, также дѣятельно занимавшимися торговлей съ Каспійскимъ моремъ, Среднею Азіей, Персіей и даже Индіей; съ другой стороны, къ сѣверу, посредствомъ системы Камы и Вятки, Болгарія непосредственно соприкасалась съ *Бирміей* (гдѣ славился издревле торговлей Чердынъ), съ сѣверо-двинскимъ коммерческимъ путемъ (Холмогоры); сюда съ сѣвера проникали воинственные и коммерческіе набѣги Норманновъ, сюда же въ послѣдствіи распространилась колонизаціонная и торговая дѣятельность Великаго Новгорода, съ которымъ связывало Болгарію и верхнее теченіе Волги. Такимъ образомъ, черезъ Волжскую или Великую Болгарію лежалъ одинъ изъ всемірныхъ коммерческихъ путей, шедшій по всѣмъ окраиннымъ и пограничнымъ пространствамъ между Азіей и Европой, и соединявшій эти двѣ части свѣта, югъ съ сѣверомъ, и востокъ съ западомъ.

Судя по всѣмъ историческимъ преданіямъ и памятникамъ, здѣсь въ Болгарахъ (или Брахимовѣ) происходило издревле (по крайней мѣрѣ съ половины IX столѣтія) весьма оживленное торжище, къ которому стекались разные народы Азіи, изъ самыхъ отдаленныхъ ея краевъ (въ томъ числѣ, въ особенности, Арабы, Персіяне, Армяне и даже Индійцы), и Европы, и на которомъ пробуждалась коммерческая дѣятельность племенъ, населявшихъ сѣверные, сѣверозападные и сѣверовосточные края Россіи.

Болгарское царство мало-по-малу падаетъ подъ натисками возникающаго Русскаго государства (походы русскихъ князей въ XI и XII вѣкахъ противъ Болгаровъ) и потомъ подъ ударами Монголовъ; на развалинахъ его образуется Казанское царство, въ которомъ болгарское племя, слившись съ тюркъ-татарскими племенами, исчезаетъ изъ исторіи, и въ которомъ проявилось послѣднее могущество Монголовъ на русской территоріи. Коммерческое значеніе Болгаръ переходитъ въ концѣ XIV вѣка къ Казани, гдѣ образуется средоточіе финскихъ, угрскихъ и монгольскихъ народовъ сѣверовосточной Россіи, и гдѣ на Арскомъ полѣ, до сихъ поръ существующемъ по имени, уже по положительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, происходилъ въ лѣтніе мѣсяцы важный ярмарочный торгъ, на который сходились купцы Азіи, Россіи и, кажется, даже Западной Европы. Уже съ этихъ временъ казанскіе Татары или Монголы начинаютъ отличаться коммерческимъ духомъ, который мало-по-малу поглощаетъ въ

себя их воинственные наклонности. Эта ярмарка, происшедшая на Арскомъ полѣ въ лѣтніе мѣсяцы, очевидно, перешла въ Казань изъ Болгарь, хотя на это и нѣтъ положительныхъ историческихъ доказательствъ; она славилась преимущественно въ теченіе XV столѣтія и до начала XVI. Съ конца XIV столѣтія начинаются походы Московскаго государства противъ Казани и постепенное подчиненіе ея русскому владычеству, которое ознаменовалось въ 1487 г. взятіемъ Казани царемъ Иоанномъ III, а потомъ окончательнымъ покореніемъ Казанскаго царства Иоанномъ Грознымъ въ 1552 г.

Но до этой важной въ нашей исторіи эпохи окончательнаго присоединенія средняго и нижняго теченія Волги къ Московскому государству, отношенія Москвы къ Казани, политическія, а съ ними и коммерческія, не были еще прочны и перемѣшивались съ оскорбительными для Москвы дѣйствіями Казани. Вслѣдствіе умерщвленія русскихъ купцовъ на одной изъ ярмарокъ на Арскомъ полѣ, по распоряженію казанскаго хана, Махметъ-Аминя, въ концѣ царствованія Иоанна III, Василій Иоанновичъ воспретилъ московскимъ купцамъ торговать въ Казани и учредилъ въ 1524 году ярмарку въ крайнемъ граничномъ восточномъ пунктѣ Московскаго государства, на Волгѣ же, въ Василь-Сурскѣ, куда онъ думалъ перетянуть Арскую ярмарку изъ-подъ владычества Татарь. Этотъ періодъ въ исторіи нашей ярмарки самый темный; сколько можно судить по существующимъ историческимъ извѣстіямъ, ярмарка слабо принялась въ Василь-Сурскѣ и все еще продолжалась въ Казани, когда, наконецъ, съ покореніемъ ея, восточный ярмарочный торгъ перешелъ мало-помалу съ Арскаго поля къ окрестностямъ Макарьевскаго монастыря.

Съ переходомъ ярмарки * къ Макарьевскому Желтоводскому монастырю, на лѣвомъ или луговомъ берегу Волги, въ 80 верстахъ ниже Нижняго, насупротивъ знаменитаго села *Лыскова*, начинается для нея новый періодъ.

Желтоводскій монастырь (при урочищѣ Желтыя воды)

* Для этого періода Макарьевской ярмарки должно въ особенности указать на статьи П. И. Мельникова, которыми мы отчасти и пользовались: „Исторія Нижегородской ярмарки“ (см прибав. къ *Нижегородскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ* 1845 г.).

былъ построенъ въ первой половинѣ XV столѣтія, Св. Макаріемъ, урожденцемъ Нижняго - Новгорода и инокомъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Макарій прославился своею иноческою жизнью и миссіонерскою дѣятельностью посреди инородческаго населенія, которое онъ здѣсь обращалъ въ христіанство. Этотъ монастырь, на самомъ пути какъ торговаго движенія по Волгѣ, такъ и завоевательныхъ движеній Русскихъ противъ инородцевъ, былъ посѣщаемъ многочисленными поклонниками, и здѣсь, какъ всюду у насъ, въ мѣстѣ связанномъ съ религіозными вѣрованіями, преданіями и церковными обрядами народа, торговля наша благоприятна для себя условія.

Вскорѣ, однако, послѣ своего основанія (1439), Желтоводскій монастырь былъ разрушенъ казанскимъ ханомъ, Улу-Махметомъ. Самъ Св. Макарій съ своими учениками удался послѣ этого погрома на Унжу, въ Костромской губерніи, гдѣ и скончался (въ 1504 г.). Но память о Св. Макаріи и по уничтоженіи монастыря не пресѣклась въ окрестномъ населеніи. Въ 1624 г., при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, муромскій инокъ, Авраамій, возобновилъ Желтоводскій или Макарьевскій монастырь и перенесъ туда съ Унжи чтимую народомъ икону съ изображеніемъ Св. Макарія, и затѣмъ, 25-го іюля, день кончины Св. Макарія, дѣлается днемъ огромнаго стеченія поклонниковъ и днемъ ярмарки, которая, подъ наименованіемъ *Макарьевской*, уже дѣлается окончательно правильною ежегодною ярмаркою и безостановочно усиливается. Съ этого времени (1624 г.) начинается положительная и достовѣрная исторія Макарьевской ярмарки, и 1624 г. почитается многими * настоящимъ годомъ ея основанія. Все значеніе казанскаго торговаго перешло на Макарьевскую ярмарку; Казань и Москва сдѣлались ея самыми дѣятельными участниками. Съ покореніемъ Сибири и съ развитіемъ коммерческихъ связей Москвы съ сибирскими городами, а чрезъ Сибирь съ Китаемъ, присоединяется къ Макарьевской ярмаркѣ новый важный ея элементъ—сибирскій и китайскій торгъ, весьма дѣятельный на ней и доселѣ.

Всѣ пошлинные доходы отъ ярмарки отданы были царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ монастырю на свѣчи, ладанъ и

* Таково мнѣніе г. Мельникова (см. вышеприведенныя его статьи стр. 341).

церковное строеніе, и братіи на пропитаніе. Вся ярмарочная администрація и даже полиція были сосредоточены въ лицѣ архимандрита. Всѣ ярмарочныя помѣщенія были монастырскія. Монастырскія привилегіи по сбору доходовъ съ ярмарки, которыя то были отбираемы отъ монастыря въ казну, то вновь ему возвращаемы, были окончательно уничтожены только Петромъ Великимъ; по его же повелѣнію ярмарка была передана въ распоряженіе коммерцъ-коллегіи (1718 г.), которая командировала въ 1719 г. ассессора Мякивина, для описанія ярмарки. Любопытныя послѣдствія этого перваго изслѣдованія ярмарки неизвѣстны. Въ 1755 году были построены первые казенныя деревянные балаганы на Макарьевской ярмаркѣ, и доходъ отъ раздачи въ нихъ лавокъ сталъ поступать въ казну. Въ 1809 г. былъ уже открытъ казенный каменный гостиный дворъ, сооруженіе котораго начато было въ 1804 г., по докладу министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея.*

Мѣсто ярмарки, на зыблющихся пескахъ (по выраженію канцлера Румянцева) лѣваго берега Волги, подлѣ монастыря, постепенно превратившееся въ незначительный городъ, сдѣлалось съ развитіемъ ярмарки не совсѣмъ удобно для перевозки и склада товаровъ и для помѣщенія многочисленныхъ посѣтителей, и уже давно родилась мысль о переводѣ ярмарки на правый берегъ (въ Лысково), откуда, болѣе чѣмъ съ лѣваго берега, стекаются товары къ Макарьевскому торгу. При разлитіи Волги вся ярмарка на низкомъ лѣвомъ берегу затоплялась водой; послѣ высыханія, перевозка товаровъ по глубокимъ пескамъ была весьма затруднительна; много товаровъ оставалось на правомъ берегу Волги, въ Лысковѣ, откуда сообщеніе съ лѣвымъ было нелегко. Въ 1816 году, когда пожаръ уничтожилъ казенный гостиный дворъ, ярмарка была переведена, согласно мнѣнію графа Румянцева, въ Нижній-Новгородъ, который уже издавна (съ половины XVI вѣка) славился своимъ коммерческимъ значеніемъ, служилъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ для Волги и всего востока, и гдѣ при устьѣ Оки представлялось столько благоприятныхъ географическихъ условій.** Нижній-

* См. „Матеріалы для исторіи Нижегородской ярмарки“, въ *Нижегородскомъ ярмарочномъ листкѣ* №№ 30, 31 и 33.

** См. Костомаровъ *Очеркъ торговли Московскаго государ.* въ XVI и XVII ст., стр. 101.

Новгородъ былъ уже давно, по своимъ торговымъ оборотамъ и по судоходству, въ тѣсной связи съ Макарьевскимъ торгомъ; притомъ онъ ближе чѣмъ Макарьевъ къ Москвѣ. Эта большая близость къ Москвѣ, болѣе и болѣе дѣлающейся распорядительницей и хозяйкой на Макарьевской ярмаркѣ, была однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ, указанныхъ правительствомъ при переводѣ ярмарки.

Распланировка ярмарки подъ Нижнимъ и сооруженіе огромнаго казеннаго гостинаго двора поручены были извѣстному строителю нашему, генералу Бетанкуру. * Этотъ знаменитый гостиный дворъ сдѣлался въ послѣдствіи яблокомъ раздора, продолжающагося до сихъ поръ, и отчасти уже былъ предметомъ сужденій въ печати. ** Бетанкуровскія замѣчательныя сооруженія стали приходять въ упадокъ и настоятельно требовать исправленій; были исчислены огромныя (свыше милліона) суммы денегъ, необходимыя для кореннаго ремонта, а купечество, чрезвычайно недовольное нынѣшнимъ содержаніемъ казенныхъ ярмарочныхъ помѣщеній, заявило готовность избавить казну отъ этого расхода, съ тѣмъ чтобы весь казенный гостиный дворъ былъ проданъ въ его собственность. Дѣло, кажется, весьма простое, и для казны очевидно выгодно продать это имущество, противное всѣмъ современнымъ понятіямъ о государственномъ хозяйствѣ, за денежный капиталъ, который ей предлагаютъ, и который своими процентами обезпечить, лучше чѣмъ невыгодное казенное хозяйство, доходъ получаемый отъ найма лавокъ. Но что выгодно для казны, то не всегда выгодно для разныхъ интересовъ связанныхъ съ казеннымъ дѣломъ; вотъ причина почему такое дѣло нерѣдко является на глаза самого правительства такъ замаскированнымъ различными соображеніями, которыя вызваны этими интересами и способны ввести въ заблужденіе и вовсе незаинтересованныхъ людей, — что очевидно-выгодное дѣло получаетъ нерѣдко характеръ убыточнаго. Кромѣ, впрочемъ, финансовой стороны и многія другія причины заставляютъ желать скорѣйшей продажи

* См. объ этомъ подробнѣе въ *Современной Лѣтописи* 1864 г. № 36, статью г. Пановскаго: „Десять дней на Нижегородской ярмаркѣ.“

** См. *Совр. Лѣт.* 1864 № 36 г., статью г. Пановскаго; „*Торговый Сборникъ* 1864 г. № 22.“

казеннаго ярмарочнаго гостинаго двора въ собственность торгующаго на ярмаркѣ купечества. Мы сочли необходимымъ безотлагательно заявить это, въ виду противоположныхъ мнѣній, отчасти уже высказавшихся въ печати; мы предоставляемъ себѣ ближе разсмотрѣть это дѣло въ послѣдствіи, и коснулись его здѣсь только мимоходомъ, отступивъ нѣсколько отъ нити нашего изложенія.

Такъ этотъ знаменитый Макарьевскій торгъ, возникшій за окраинами Русскаго государства, на перепутьи между Азіей и Европой, постепенно, но неуклонно, въ теченіе вѣковъ передвигался съ востока на западъ и приближался къ Москвѣ, которая уже въ XVI и XVII столѣтіяхъ, собравъ и подчинивъ Русской державѣ всѣ земли и племена необъятной сѣверо-восточной равнины, сдѣлалась также и коммерческимъ ея центромъ: уже въ этихъ столѣтіяхъ „торговля всей Россіи управлялась Москвою; Москва давала ей вѣсь, мѣру, монету, направление.“ * Нельзя не замѣтить также, что совокупно съ движеніемъ отъ востока къ западу срокъ Макарьевской ярмарки начинается все позже, и это передвиженіе продолжалось даже въ самое послѣднее время, такъ что съ 1864 г. даже официальное окончаніе ярмарки назначено вмѣсто 25-го августа на 10-е сентября.

Мы не можемъ и не имѣемъ намѣренія излагать здѣсь исторію Макарьевской ярмарки; ея исторія какъ и статистика, строго говоря, до сихъ поръ еще не существуютъ. ** Но нашъ историческій очеркъ, кажется, достаточно выясняетъ тѣсную связь развитія Нижегородской ярмарки съ важнѣйшими событіями въ исторіи Русскаго государства и народа: съ колонизаціей Славянъ по всему теченію Волги на сѣверъ и сѣверо-востокъ, съ постепеннымъ поглощеніемъ ими всѣхъ раз-

* Костомаровъ. *Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ*. С.-Петербург. 1862 г., стр. 84.

** Кромѣ источниковъ вышеупомянутыхъ, отрывочныя историческія свѣдѣнія о Макарьевской ярмаркѣ можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Гурьянова. *Историческое Обзорніе Нижегородскаго Новгорода* 1824. Зубова. *Описаніе Нижегородской ярмарки*. С.-Петербург. 1837 г. Кандидата коммерціи А. И. *Обзорніе торговли на Нижегородской ярмаркѣ съ 1821 по 1843 г.* Москва, 1843 г. Впрочемъ, мы приводимъ всѣ эти сочиненія, мало заслуживающія вниманія, только для полноты библиографическихъ указаній.

нообразныхъ инородческихъ племенъ, финскихъ и азіатскихъ, занимавшихъ бассейнъ Волги и служившихъ первоначальными двигателями (Болгары) и посредниками торговли на этомъ бассейнѣ; связь исторіи ярмарки съ борьбой противъ Монголовъ, съ проповѣданіемъ Евангелія и водвореніемъ европейскаго просвѣщенія на этихъ окраинныхъ сѣверо-восточныхъ пространствахъ Европы, наконецъ, съ собираніемъ Русской земли около Московскаго государства. Можно ли послѣ этого удивляться тому глубоко-историческому, народному характеру, который имѣетъ это торжище въ понятіяхъ и преданіяхъ русскаго народа? Самая же замѣчательная черта въ историческомъ развитіи этой ярмарки, неразрывно связующая ее съ исторіей Россіи, есть это постепенное, въ теченіе вѣковъ, съ первоначальныхъ временъ Русскаго государства и донынѣ, передвиженіе ея вверхъ противъ теченія Волги, съ востока на западъ. Въ этомъ передвиженіи такъ мало случайнаго, оно такъ сильно запечатлѣно внутреннимъ смысломъ всей нашей исторіи, что на немъ нельзя не остановиться.

Очевидно, что согласно теченію водъ Волги и направленію всѣхъ главныхъ ея притоковъ (кромя Камы) всѣ *чисто-географическія* или физическія условія влекутъ этотъ необъятный Волжскій бассейнъ къ востоку, въ глубину Азіи, откуда нѣтъ никакого естественнаго исхода къ мореходнымъ путямъ, къ этимъ могущественнѣйшимъ проводникамъ всемірной торговли и всемірной цивилизаціи. Нѣкоторое и единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ Кама, съ своимъ теченіемъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Этотъ характеръ Камскаго бассейна едва ли и не послужилъ первымъ благоприятнымъ естественнымъ условіемъ, первымъ исходнымъ пунктомъ для тѣхъ иныхъ, противоположныхъ и противоазіатскихъ тяготѣній цивилизаціи и торговли, которыя издавна обнаружались на этихъ крайнихъ порубежныхъ пространствахъ Европы на востокѣ, и которыя, въ противоположность къ чисто-географическимъ тяготѣніямъ Волжскаго бассейна, стали медленно, но неуклонно привлекать его къ западу,—туда, гдѣ сосредоточились въ нашей части свѣта всемірная торговля и просвѣщеніе. Близкое соприкосновеніе Камскаго бассейна съ сѣвернымъ—Двинскимъ открывало для волжской торговли нѣкоторый доступъ ко всемірнымъ переходнымъ путямъ. Дѣйствительно, устье

Камы, составляющее настоящее средоточіе Волжскаго бассейна, безъ всякаго отношенія къ южнымъ и западнымъ краямъ и бассейнамъ Россіи,—устье Камы дѣлается съ давнихъ временъ центромъ торговли Волги и восточной Россіи.

Все внутреннее и вѣншее развитіе Московскаго государства заключалось въ приближеніи къ западному образованному и политическому міру; расширяясь къ востоку, собирая и перерабатывая его земли, народы и языки, и сплавливая, претворяя всѣ народности въ одну общую для всѣхъ славянскихъ племенъ народность, *русскую*, наше государство постепенно придвигало всѣ эти восточные географическіе и историческіе элементы къ западу, куда оно всячески пробивало себѣ пути, побораая духомъ и мечомъ физико-географическія влеченія всѣхъ этихъ элементовъ, земель и народовъ къ востоку. Вся исторія Волжскаго бассейна заключается въ этомъ всемірно-историческомъ процессѣ, постепенно обратившемъ движеніе всего волжскаго судоходства отъ устья къ истокамъ.

Первымъ всемірнымъ мореходнымъ путемъ, послѣ покинутаго Сѣвернаго океана, открывшимся для Россіи, было Балтійское море, куда съ такою силой передвинулся государственный центръ и устремилась вся вѣншая наша торговля, въ которой даже до сихъ поръ преобладаютъ балтійскіе порты. До пріобрѣтенія балтійскихъ портовъ и до пріобрѣтенія вслѣдъ за ними прибрежій Чернаго и Азовскаго морей, въ нашей иностранной торговлѣ, обуславливающей собою и направленіе внутренней, преобладала сухопутная западная граница наша, также постепенно подвигавшаяся на западъ; вслѣдствіе этого обстоятельства, очевидно, и была такъ тѣсно связана въ то время Макарьевская ярмарка съ Свенскою (близъ Брянска) и Коренною, упавшими послѣ пріобрѣтенія балтійскаго и черноморскаго поморій. Нынѣ эти югозападные связи Макарьевской ярмарки съ Украиною ослабли: важнѣйшія ея иностранныя связи направлены къ Москвѣ и Петербургу, къ которымъ она еще усиленно приближена, сверхъ водяныхъ путей, желѣзными дорогами. Такъ постепенно приближался главный центръ всей нашей внутренней торговли и торговли съ Азіей къ западу, изъ Болгаръ перешель въ Казань, потомъ въ Василь-Сурскъ, Макарьевъ, и наконецъ, въ Нижній-Новгородъ, въ этотъ самый западный и раньше всѣхъ усвоенный западу и Европѣ центръ нашего востока, въ

это важнѣйшее западное средоточіе Волжской системы, въ Окскій, то-есть важнѣйшій западный бассейнъ ея, въ этотъ срединный пунктъ для всѣхъ рѣчныхъ бассейновъ Россіи, для всей водяной ея системы, которая до сихъ поръ преобладаетъ въ нашихъ путяхъ сообщенія и въ нашей торговлѣ, и въ которой Волга, съ своими каналами, составляетъ главную артерію, соединяющую Каспійское море съ Балтійскимъ. Географическое значеніе этого пункта уже было нами указано выше. Железныя дороги пока только усилили это значеніе; въ послѣдствіи мы увидимъ въ какой степени измѣненіе обстоятельствъ можетъ измѣнить и значеніе нынѣшняго географическаго пункта Нижегородской ярмарки.

II.

Мы вовсе не имѣемъ претензіи представить читателямъ сколько-нибудь полное *описаніе* Нижегородской ярмарки. Еслибы мы даже и хотѣли, мы не были бы въ состояніи сдѣлать ничего болѣе *очерковъ*, ибо для сколько-нибудь исчерпывающаго описанія не только всего этого торжища, но даже важнѣйшихъ его отраслей, мы рѣшительно не имѣемъ достаточнаго количества данныхъ. Мы разумѣемъ здѣсь данныя, собранныя на мѣстѣ изъ первыхъ рукъ помощію собственныхъ наблюденій. Какъ ни многочисленны данныя, собранныя нами, благодаря радушному содѣйствію со стороны многихъ торгующихъ лицъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, * проведеннаго нами на ярмаркѣ 1864 года, когда всѣ дни, можно сказать, почти всѣ часы наши были посвящены исключительно этому торжищу, предварительное знакомство съ которыми мы уже имѣли, посѣтивъ его въ 1860 г.,—какъ ни многочисленны эти данныя, мы спѣшимъ, для предупрежденія всякихъ упрековъ, напередъ заявить, что считаемъ ихъ недостаточными для полнаго описанія ярмарки или даже главнѣйшихъ отраслей ея торговли. Мы признаемъ запасъ нашихъ данныхъ недостаточнымъ, ибо всячески старались избѣгнуть данныхъ, которыя извѣстны лишь изъ вторыхъ рукъ **

* Со 2-го августа по 3-е сентября.

** Иногда мы должны были пользоваться и чужими данными, и вообще старались имѣть въ виду всѣ безъ изъятія опубликованныя о ярмаркѣ свѣдѣнія. Ниже будутъ сдѣланы указанія на нѣкоторые источники.

(въ особенности официальныхъ), и которыя, конечно, можно было бы выдвинуть въ длинныхъ колоннахъ, въ качествѣ обширнаго статистическаго описанія Нижегородской ярмарки. Наши официальные статистическія свѣдѣнія о ярмаркахъ, хотя нѣсколько, сравнительно, болѣе совершенныя относительно Нижегородской ярмарки чѣмъ относительно другихъ ярмарокъ,* никакъ не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ всякаго безпристрастнаго неофициальнаго изслѣдователя. Наша дѣль, впрочемъ, вовсе и не заключалась въ статистическомъ изслѣдованіи Нижегородской ярмарки. Для этой дѣли были бы далеко недостаточны усилія одного лица: Нижегородская ярмарка находится въ такой связи со всею нашею торговлей, со всѣмъ нашимъ фабричнымъ производствомъ, не исключая и крестьянскаго, что полное изслѣдованіе ея повело бы къ изученію всего нашего торговаго движенія и всѣхъ важнѣйшихъ коммерческихъ путей, по которымъ слѣдуютъ главнѣйшіе потребляемые и производимые у насъ товары, наконецъ, къ изученію источниковъ и условій ихъ производства и потребленія. Такое изслѣдованіе могло бы служить лучшею точкой отправленія для промышленной и коммерческой статистики Россіи.

Но полное статистическое изслѣдованіе Нижегородской ярмарки было бы возможно лишь при дружныхъ и совокупныхъ усиліяхъ правительства и самого торгующаго на ярмаркѣ купечества. Этого даже мало: необходимо чтобы купечество само сознало пользу такого предпріятія и стало во главѣ его, передавъ исполненіе одному изъ нашихъ ученыхъ обществъ и снабдивъ его для этого нужными денежными средствами. Чисто-практическая польза такого дѣла для самихъ торгующихъ на ярмаркѣ лицъ несомнѣнна; точно также мы не сомнѣваемся и въ томъ, что она будетъ ими признана, а до тѣхъ поръ лучше отложить всякое помышленіе о статистикѣ Нижегородской ярмарки. Вызывать это сознаніе искусственно,

* На Нижегородской ярмаркѣ обычныя статистическія свѣдѣнія (представляемыя начальниками губерній министерству внутреннихъ дѣлъ) собираются чрезъ маклера, который, благодаря своей многолѣтней опытности и коммерческимъ связямъ, гораздо лучше чиновниковъ и полиціи можетъ провѣрить сообщаемыя ему отъ торгующихъ цифры. Однако и эти данныя заключаютъ въ себѣ слышкомъ много ошибочнаго, чтобы можно было положиться на выводы, дѣлаемые на ихъ основаніи.

официальными приказаніями, хотя бы они и были замаскированы формой предложенія и сопровождались одобрительными тостами за здравіе купечества, — только испортило бы дѣло. Польза его такъ очевидна, что не можетъ остаться не сознаною, и даже въ близкомъ будущемъ. Не можемъ не припомнить здѣсь одной встрѣчи на ярмарочномъ самокатѣ, куда не разъ придется намъ обращаться за наблюденіями и даже данными для Нижегородской ярмарки: одинъ простой работникъ (землекопъ) примѣтилъ насъ въ пестрой толпѣ, среди которой мы слишкомъ отличались нашею одеждой, и неотступно просилъ сообщить ему, какія предполагаются работы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, и въ особенности по южной линіи, какія проектируются новыя линіи и т. д. Между нами завязалась бесѣда на нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ мы должны были изложить нашему собесѣднику всѣ виды, обстоятельства и экономическія условія сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Онъ разспрашивалъ насъ съ самымъ жаднымъ любопытствомъ и въ оправданіе своихъ вопросовъ замѣтилъ, что до рабочихъ газеты не доходятъ, и дальше своей артели они ничего не знаютъ, а нынче чтобы добыть себѣ выгодный кусокъ хлѣба, надо рабочему знать не только гдѣ какая есть работа, а какая можетъ быть и будетъ, и не только въ своей губерніи, а во всей *Россей*, какіе въ разныхъ мѣстахъ есть заработки, какіе могутъ быть, на какія условія соглашаться, чего обождать, и прочее. Однимъ словомъ, нашъ собесѣдникъ сообразилъ, что нынче безъ статистическихъ и, пожалуй, даже политическихъ свѣдѣній не получишь себѣ много пользы. Онъ тутъ же записалъ въ своемъ бумажникѣ всѣ сообщенныя нами данныя. Не могутъ не сознать практической пользы статистики и сами *хозяева*, или купечество и фабриканты. Такого сознанія, казалось бы, можно было ожидать отъ купечества, когда оно, даже независимо отъ всякой практической для себя надобности, соревнуя успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія, дѣлало иногда значительныя пожертвованія на совершенно для него ненужныя географическія экспедиціи въ глубину Азіи или на столько же ему чуждыя учебныя заведенія, въ которыхъ притомъ въ ученикахъ тщательно воспитывалось чувство презрѣнія не только къ торговому, но и ко всякому дѣлу, и возбуждались стремленія къ разрѣшенію высшихъ задачъ

просвѣтленія человѣческаго рода, посредствомъ химическаго анализа фосфорныхъ соединеній въ мозгахъ, и т. п. Мысль * о необходимости точной статистики Нижегородской ярмарки не можетъ не возникнуть въ средѣ купечества, при нынѣшнемъ рѣшительномъ умственномъ пробужденіи нашего торговаго класса, и напрашивается въ виду поразительныхъ фактовъ незнанія ярмарки, какіе встрѣчаешь на каждомъ шагѣ въ средѣ самихъ торговцевъ.

Достаточно сказать, что не только торговцы по одной отрасли товаровъ не имѣютъ (исключая развѣ особыхъ случаевъ) никогда свѣдѣній о ходѣ дѣлъ по другой отрасли, но даже въ одномъ ряду трудно, а иногда и невозможно, узнать какъ пройти въ другой рядъ, хотя бы онъ былъ подлѣ перваго. Это обстоятельство сперва насъ озадачивало, но въ послѣдствіи мы такъ къ нему привыкли, что никогда и не обращались за мѣстными географическими свѣдѣніями къ служителямъ, стоящимъ передъ каждою ярмарочною лавкой несмотря на то что иногда приходилось на одной квадратной верстѣ блуждать около часу, чтобъ отыскать какую-нибудь лавку, *палатку* или *кладовую* ** (какъ по старинному обычаю называютъ лавки и магазины). Очень можетъ быть, что къ этому невѣдѣнію примѣшивается, какъ намъ объясняли, и значительная доля нехотѣнія отвѣчать, основаннаго на вкоренившемся убѣжденіи, что всякое раскрытіе истины о торговлѣ вредно для ея интересовъ, а тѣмъ болѣе сообщеніе свѣдѣній о чужой лавкѣ, могущее служить къ усиленію невыгодъ конкуренціи: можетъ-быть категория лавоч-

* Сколько намъ извѣстно, уже сдѣлано, со стороны одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ фабрикантовъ и главнѣйшихъ участниковъ Нижегородскаго торговаго, предложеніе нѣсколько подобное высказанному нами. Но это предложеніе—предпринять на способы купечества изданіе исторіи ярмарки, — по нашимъ понятіямъ, далеко отстоитъ отъ главной насущной потребности въ статистическомъ и экономическомъ ея изсажденіи. Жертвуя на удовлетвореніе этой потребности, купечество дѣйствовало бы съ ясною сознательною для него самою цѣлію, и независимо отъ денежнаго содѣйствія, могло бы даже само принять дѣятельное участіе въ ея достиженіи.

** Палатками зовутъ большею частію мѣста розничной продажи, а *кладовыми* и *амбарами* — лавки съ гуртовой продажей и также лавки весьма часто занимаемыя (особенно московскими купцами) единственно для расчетовъ и имѣющія характеръ конторъ.

ныхъ служителей, *молодцевъ*, * стоящихъ фронтомъ передъ лавками, дѣйствительно заражена, еще по предаію отцевъ, страхомъ этого предразсудка, хотя новое поколѣніе ихъ хозяевъ, къ чести современной нашей торговли, положительно отказалась отъ подобныхъ грубыхъ воззрѣній на свое дѣло. Впрочемъ, другая высшая категорія служителей (собственно *прикащики* и *доверенные*), сидящихъ внутри лавокъ и составляющихъ самый передовой классъ ярмарочнаго люда, заправляющій всѣмъ ходомъ ярмарки, весьма радушно дѣлится обширными коммерческими свѣдѣніями, которыми этотъ классъ обладаетъ, и которыя онъ даже иногда самъ не прочь пустить въ *Вѣдомости*, читаемыя здѣсь почти исключительно прикащиками. Укажемъ еще на одинъ фактъ, доказывающій не менѣе рѣзко какъ и предыдущій безызвѣстность ярмарки для самихъ ея участниковъ: часто вся группа торговцевъ одной отрасли не знаетъ ничего о новомъ товарѣ въ первый разъ появившемся на ярмаркѣ, даже въ этой самой отрасли. Такъ намъ первымъ случилось показать многимъ ситцевымъ фабрикантамъ новый, весьма замѣчательный, возбудившій общее любопытство товаръ одного изъ нихъ (Ивановскаго фабриканта Я. И. Горелина)—*набивное помято* или прѣжнюю нашу выбойку, но только механически отпечатанную. Въ послѣдствіи, когда мы познакомились въ ярмарочномъ мірѣ, намъ приходилось безпрестанно сообщать купцамъ о ходѣ дѣлъ на ярмаркѣ, даже по собственной ихъ части; и это весьма естественно: каждый занятъ своею торговлею и не имѣетъ никакой возможности не только слѣдить за всею ярмаркою, но даже объять обороты своего собственнаго торговаго, который онъ знаетъ только въ своемъ углѣ, и который представляется ему лишь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у него *внизу*, * за его собственнымъ

* Не можемъ здѣсь не замѣтить удивительной и отвратительной привычки стоящихъ въ рядахъ *молодцевъ* зазывать публику въ свои лавки. Казалось бы, это привычка несомнѣстима съ гуртовыми, а иногда и миллионными оборотами въ лавкахъ, шьющихъ по большей части свой кругъ покупателей и свою публанку и пользующихся всеобщемо, часто всероссійскою извѣстностью.

** Надъ каждою ярмарочною лавкою въ рядахъ расположены комнаты, въ которыхъ живутъ купцы съ своими служителями. Надо замѣтить, что свита послѣднихъ такъ велика, что мы знаемъ нѣкоторыхъ значительныхъ Москвичей, пріѣзжающихъ на ярмарку съ 30 человѣками прикащиковъ и всякихъ *молодцевъ*.

прилавкомъ, и потому часто въ весьма фальшивомъ видѣ. Этимъ объясняется между прочимъ и невѣрность извѣстій объ ярмаркѣ, сообщаемыхъ не только въ газетахъ, но и самими торговцами, поневолѣ судящими о ней по своимъ личнымъ, нерѣдко исключительнымъ впечатлѣніямъ.

Каждая отрасль товаровъ составляетъ особый міръ, съ своими интересами, съ своими воззрѣніями и съ своими даже нравами и обычаями, чуждыми другимъ отраслямъ: то что совершается въ Китайскомъ ряду находится отъ оборотовъ рыбнаго торгова на Пескахъ (то-есть на баржахъ на Окѣ) на такомъ же разстояніи, какъ китайскія чайныя плантаціи отъ мѣсторожденія огромныхъ массъ астраханской рыбы, сюда привозимой, а не какъ не на разстояніи одной версты, какъ есть въ дѣйствительности. Въ то время какъ рыбные хозяева, не имѣющіе помѣщеній на мѣстѣ своей торговли и только навѣзжающіе сюда по утрамъ изъ города, ведутъ правильный городской образъ жизни, чуждый ярмаркѣ,—обитатели Китайскаго ряда поневолѣ преданы всѣмъ ея тревоженіямъ. Между тѣмъ какъ эти Китайцы * (то-есть кяхтинскіе торговцы и московскіе чайные и другіе амбарщики, не вѣдающіе розничнаго торгова), въ качествѣ высшей аристократіи Макарьевской ярмарки, обѣдаютъ не иначе какъ въ 5—6 часовъ, у фашіонебельнаго Никиты,—гдѣ собираются всѣ иностранцы (большею частію Нѣмцы и Петербуржцы) и обѣдаютъ не иначе какъ съ шампанскимъ и трюфелями, хотя бы и безъ всякой неправославной скоромной приправы,—въ то же время бокъ-о-бокъ съ ними торгующіе, не менѣе первостатейные и не менѣе знатные хозяева стараго покроя (изъ какого-нибудь Пестрядиннаго или Пушнаго ряда) оканчиваютъ свою трапезу въ полдень, съ учащенными приемами роднаго хлѣбнаго вина, безъ всякой виноградной примѣси, хотя бы и съ тѣми же пищеварительными результатами. Спросите у первыхъ что дѣлается у вторыхъ, и если рѣчь идетъ о какомъ-нибудь товарѣ не идущемъ въ Кяхту или идущемъ мимо рукъ представителей крупной торговли, также занимающихъ палатки въ аристократическомъ Китайскомъ ряду, то вы получите такой же отвѣтъ какъ еслибъ обратились съ тѣми же вопросомъ къ жителямъ Марсеа или Нью-Йорка. Что имѣютъ, напримѣръ, общаго

* Настоящихъ Китайцевъ не бываетъ на ярмаркѣ.

Армяне, торгующіе калмыцкими тулупами, Хивинцы и Бухарцы, торгующіе хлопкомъ, и т. д. съ немѣе ихъ коренными участниками Макарьевскаго торговаго—иностранными, торгующими галантерейнымъ и всякимъ инымъ панскимъ или дворянскимъ товаромъ въ *Главномъ Домѣ* * и до тонкости изучившими la foire de Nijny. Эти послѣдніе, большею частію французскіе парикмахеры и всякаго рода мелочники, сѣзжаются изъ Петербурга и Москвы обывать здѣсь, à l'interieur de la Russie, всѣ свои залежавшіеся остатки и всякій заморскій бракъ и хламъ, подъ титуломъ разныхъ вновь изобрѣтенныхъ рѣдкостей и диковинныхъ штукъ, въ родѣ говорящихъ куколъ, раковинъ, издающихъ при поднесеніи къ уху необыкновенные внутренніе звуки и т. п., вообще вещи и всякія пошлости (напримѣръ соблазнительныя картинки) никому не нужны и по преданію сбываемыя à la noblesse Russe, тожь an die Russischen Herrschaften, которымъ будто бы, какъ увѣряютъ ярмарочные Французы, достаточно разказать всякій вздоръ, (il faut leur dire, voyez vous, des choses impossibles), чтобъ они заплатили баснословныя деньги за всякую дрянь не идущую съ рукъ въ Петербургъ. Замѣтимъ кстати, что эти люди единодушно вопіютъ нынѣ противъ раззоренія русскаго дворянства и никакъ не успѣваютъ сбывать тотъ же товаръ этимъ невѣжественнымъ бородачамъ, заступающимъ нынѣ, какъ они говорятъ, мѣсто дворянства въ Россійской имперіи à ce tiers-état ignorant et ces moujiks enrichis aux frais de leurs seigneurs. ** Чтò имѣетъ общаго эта особая

* *Главный ярмарочный Домъ*, составляющій средоточіе въ планѣ всѣхъ ярмарочныхъ рядовъ и вмѣщающій въ себѣ настоящій базаръ всякихъ магазиновъ, прилавковъ и шкапчиковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ квартиры для важнѣйшихъ ярмарочныхъ учрежденій и властей, въ томъ числѣ и генераль-губернатора. Здѣсь цѣлый день торгъ, музыка, прогулка и мѣсто всеобщихъ rendez-vous, и здѣсь же рѣшаются всѣ административныя и политическія дѣла ярмарки.

** Любопытно видѣть разницу между нынѣшними покупщиками всѣхъ этихъ бездѣлушекъ и прежними: бывало накинется помѣщикъ семейство на прилавокъ пріѣзжаго Француза и разомъ все захватитъ, не спрашивая о цѣнѣ; а разжирѣвшій купецъ послушаетъ музыку какой-нибудь табакерки съ секретомъ, раза три подойдетъ спросить о цѣнѣ, почешетъ затылокъ и кончитъ ничѣмъ; показывааетъ Французъ *хозяйкама* перчатки, которыя, по его словамъ, въ Петербургѣ продаются по 15 руб. дюжина, и которыя онъ здѣсь

группа коренных макарьевских торговцев съ другими не менѣе коренными, каковы напримѣръ Ярославки, составляющія свой замѣчательный рядъ, гдѣ продается всякая ветошь, въ томъ числѣ, однако, и самыя драгоценныя вещи, самыя неподдѣльные и дорогіе брилліанты и жемчугъ, или эти безчисленные мелкіе торгоши-крестьяне, эти коробочники и офени, одна изъ важнѣйшихъ стихій Макарьевского торговаго, только-что проснувшаяся и выпорхнувшая изъ-подъ гнета крѣпостной зависимости?

Не легко отыскать внутреннія нити, связующія въ одно цѣлое всѣ эти разобщенныя между собою группы, эти отдѣльные торги, и можно сказать, цѣлыя отдѣльныя ярмарки, каковы: хлѣбная, чайная, хлопчато-бумажная, пушная, рыбная, оптовая и розничная, иностранная и русская, азіятская и европейская, разыгрывающіяся здѣсь въ одинъ мѣсяцъ. Нужна длинная предварительная работа собиранія и разбора матеріаловъ и наблюденій, для того чтобы сдѣлалась ясною невидимая коммерческая связь оборотовъ, обнаруживающаяся между самыми отдаленными одна отъ другой составными частями ярмарки, между предметами и обстоятельствами не имѣющими между собою, повидимому, никакой связи, между средне-азіятскимъ хлопкомъ и льняными издѣліями Костромской и Владимірской губерній и шелковыми Москвы; между кавказскою мареною, тюленьимъ жиромъ, который идетъ на фабрики хлопчато-бумажныхъ издѣлій, и котораго спросъ зависитъ отъ усиленія производства послѣднихъ, * и американскимъ хлопкомъ; между польскимъ вопросомъ и цѣнами на сахаръ (съ 1862 г. стали меньше привозить сахару); между нижегородскими сундуками, идущими въ Азію, и движеніями въ Китаѣ, ослабившими спросъ на сундуки. Есть внутренній

уступаетъ по 5 руб. „Rien que pour le plaisir de vous parler“, прибавляетъ онъ. Но не вѣрять *хозяйки*, зная хорошо по опыту своихъ *хозяевъ*, что не торгуютъ же люди изъ одного удовольствія. Барыни, *les grandes dames Russes*, повѣрили бы, зная также по опыту своихъ супруговъ, что можно предпринимать безконечныя коммерческія операціи дѣйствительно изъ одного удовольствія. Къ тому же и не привыкли *хозяйки*, какъ ни богаты ихъ наряды, къ такому галантерейному обращенію, наводящему на нихъ сомнѣніе, хотя оно и пльзаетъ барынь.

* Такъ уже въ 1862 г. американскій кризисъ уменьшилъ распродажу тюленьяго жира на Нижегородской ярмаркѣ.

экономическій смыслъ, объемяющій все движеніе ярмарки, на всѣхъ ея концахъ, есть общія явленія отзывающіяся на всемъ ея механизмѣ, какъ напримѣръ: свободный трудъ, замѣдившій крѣпостной трудъ прежняго работника и разомъ отозвавшійся и на металлахъ уральскихъ горныхъ заводовъ, и на всѣхъ мануфактурныхъ издѣліяхъ, и на хлѣбѣ, — паденіе ассигнаціоннаго рубля и вексельныхъ курсовъ, или ослабленіе спроса на всѣ предметы роскоши, или недостаточность путей сообщенія, обуславливающая самое существованіе ярмарки; или, наконецъ, самыя коммерческія привычки русскаго купца, даже его чаепитіе и нескончаемые разговоры при сдѣлкахъ, его кредитный азартъ въ данную минуту и его необыкновенная осторожность въ другую.

Есть что-то общее посреди всего этого разнообразія и посреди всѣхъ этихъ противоположностей, но это общее можетъ раскрыться лишь по различенію и сличенію частныхъ; оно ни въ какомъ случаѣ не сознается даже самими участниками торга, въ той мѣрѣ чтобъ они въ состояніи были дать какой-нибудь готовый отвѣтъ на какіе-нибудь общіе вопросы. Есть общая связь всѣхъ оборотовъ и жизненныхъ отправленій ярмарки, но эта внутренняя связь не сознается участниками торга и всего меньше замѣчается на самой ярмаркѣ, которая даже во внѣшней своей обстановкѣ не имѣетъ никакого средоточія и правильности. Последнее обстоятельство представляетъ собою одну изъ самыхъ замѣчательныхъ и характеристическихъ особенностей ярмарки. Симметрия *первоначальнаго*, утвержденного правительствомъ, плана ярмарки и казенныхъ ярмарочныхъ рядовъ, — единственная и притомъ чисто внѣшняя симметрия, какая здѣсь встрѣчается, — давно уже нарушена позднѣйшими пристройками и разрастаніемъ ярмарки во всѣ стороны не только на сушѣ, но даже и на водѣ (торгуютъ на судахъ и на Окскихъ отмеляхъ, гдѣ возводятся временные балаганы). Недавно (почти съ 1863 г.) возникъ цѣлый огромный кварталъ съ каменнымъ гостинымъ дворомъ, такъ-называемая *Лубанка*,* за чертою первоначальной площади пред-

* Лубяной и Лубянками стали называть эту часть въ воспоминаніе деревянныхъ балагановъ прежде здѣсь бывшихъ, называвшихся въ насмѣлку лубками. Здѣсь торгуютъ пушнымъ и хлопчатобумажнымъ товаромъ главнымъ образомъ для низшаго класса народа. Многие купцы и фабриканты имѣютъ лавки и здѣсь и въ

назначенной для ярмарки, и уже превзошел размѣрами и отдѣлкою главную и центральную группу лавокъ—казенный гостивый дворъ, примыкающій къ Главному Дому. Не знаемъ какъ другимъ, а намъ пріятно видѣть это отсутствіе симметріи, доказывающее естественный ростъ, которому, къ счастью, не помѣшали ни административная распланировка, ни разнообразныя офиціальныя регламентаціи, изданныя для ярмарки; слава Богу, администрація еще не убила здѣсь жизни, со всѣми ея прихотливыми обнаруженіями, какъ это нерѣдко, къ сожалѣнію бываетъ; и гдѣ только торговля и жизнь могли здѣсь избѣжать централизирующихъ и опекающихъ предписаній ярмарочной конторы, онѣ распространились и распахнулись не вѣдая для себя никакихъ внѣшнихъ ограниченій и средоточій. Правильныя, уединеннообразныя линіи рядовъ и ихъ категорическія названія: Пушной, Пестрядинный, Часовой, Сундучный, Напиточный, Китайскій, Кожаный, суть только наружныя обманчивыя признаки правильности. Весьма ошибся бы тотъ, кто вздумалъ бы исчерпать статистику сундуковъ въ Сундучномъ ряду, или въ Напиточномъ ряду занялся бы исключительно статистикой напитковъ. Какъ ни изумительны массы сундуковъ въ Сундучной линіи, однако не меньшія массы ихъ можно встрѣтить и въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Въ Напиточныхъ рядахъ торгуютъ мыльнымъ товаромъ, но этотъ же товаръ встрѣчается и въ другихъ рядахъ, напримѣръ, въ Кожаномъ, Пушномъ, Пестрядинномъ, между косметическими лавками. Въ Пестрядинномъ ряду вовсе нѣтъ теперь пестряди, а въ Часовомъ хотя и пребываютъ часовщики, но рядомъ съ часовыми находятся мѣняльныя лавки, играющія здѣсь важную роль. Въ тѣхъ же краяхъ ярмарки, гдѣ прекращаются ряды и лавки, какъ напримѣръ, на Сибирской и другихъ пристаняхъ, прекращается даже и всякое наружное благоустройство: горы товаровъ сложены во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ и самыми ломаными проудками; тамъ и сямъ горы ободьевъ, мочалъ, азіятскаго хлопка, чайныхъ цибиковъ и т. д. Безъ сомнѣнія, и въ этомъ внѣшнемъ беспорядкѣ есть внутренній порядокъ, есть притягательныя силы, сближающія одни товары съ другими, какъ напримѣръ, чай, сахаръ и кофе, или желѣзо и стекло, почти вездѣ въ Россіи соединяющіяся въ

то же время въ казенномъ гостивомъ дворѣ, такъ какъ покупатели въ томъ и другомъ мѣстѣ различныя.

торговлѣ; есть экономическое средство, соединяющее товары при ихъ производствѣ, перевозкѣ или потребленіи.

Трудно было бы сказать, гдѣ главное средоточіе ярмарки: одинъ торгъ приросталъ здѣсь къ другимъ или наросталъ на другихъ; это, скорѣе, нѣсколько громадныхъ ярмарокъ, идущихъ въ одно время и на одномъ мѣстѣ и не имѣющихъ никакого общаго средоточія. На каждой изъ нихъ, какъ и въ каждомъ отдѣльномъ концѣ всего ярмарочнаго пространства, можно подумать, не зная о другихъ, что вотъ находишься въ самомъ средоточіи, куда стекаются всѣ обороты ярмарки. Такое впечатлѣніе могутъ произвести порознь: и Главный Домъ, и площадь передъ въѣздомъ на мостъ съ ярмарки, кишачая рабочимъ народомъ, и площадка передъ мостомъ со стороны города, гдѣ прежде сидѣли на скамейкахъ купцы и составляли нѣчто въ родѣ биржи, и Сибирская пристань (вовсе, впрочемъ, не обращенная къ Сибири, а къ Европейской Россіи), и Напиточная линия.

Положительно можно двумъ коротко знакомымъ между собою людямъ прожить на ярмаркѣ отъ перваго и до послѣдняго дня, принимать непосредственное участіе въ ея дѣлахъ и увеселеніяхъ и ни разу не услышать о существованіи другъ друга, а услышавъ не добиться встрѣчи, при самыхъ энергическихъ усиліяхъ. Крайнее усиліе въ этомъ отношеніи должно заключаться въ обращеніи за содѣйствіемъ къ высшей ярмарочной власти, которая одна можетъ, посредствомъ полиціи, и то съ грѣхомъ пополамъ, и лишь при самомъ непреодолимомъ желаніи, отыскать кого ей нужно. Единственными средоточіями, куда стекаются на Нижегородской ярмаркѣ люди всякаго рода и происхожденія, служатъ правительственныя учрежденія и увеселительныя заведенія. Надъ всѣми отношеніями къ правительственнымъ учрежденіямъ преобладаютъ личныя отношенія къ представителю высшей ярмарочной власти, у порога которой и разрѣшаются всякія недоумѣнія. Въ приемной генераль-губернатора толпятся, отыскивая высшей защиты и справедливости, послѣ тщетныхъ усилій на низшихъ ступеняхъ правосудія, и Бухарець, и Еврей, и великороссійскій старообрядецъ, и первостатейный московскій купецъ, и вязниковскій коробочникъ, и житель Тюмени, и житель Новочеркасска,—окидывая другъ друга взглядами, и не вступая, даже во время многочасовыхъ ожиданій, ни въ какія разговоры. Обычный, собственно дѣловой, результатъ этихъ

ожиданій, если очистить его отъ всякихъ постороннихъ примѣсей, любезностей или неудовольствія, неизмѣнно тотъ же: передача ходатайства въ существующія учрежденія, — результатъ, впрочемъ, самый законный и естественный. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что при всей нашей вынужденной страсти къ ходатайствамъ, приемная высшей власти постепенно рѣдѣетъ, ибо каждый мало-по-малу, наконецъ, убѣждается въ необходимости идти въ дѣлахъ законнымъ порядкомъ.

Что касается до другаго средоточія ярмарочной жизни — увеселительныхъ заведеній, то они до послѣдней крайности разрозненны и разобщены, распредѣляясь по группамъ и типамъ народонаселенія. Каждый знаетъ большею частію только свой трактиръ или свою харчевню, или, вѣрнѣе, только свою компанію, съ которою, смотря по надобности и обстоятельствамъ, располагается въ томъ или другомъ заведеніи. Въ этомъ заключается, между прочимъ, и важное затрудненіе въ отысканіи людей даже въ трактирахъ, гдѣ все-таки проводится бѣольшая и лучшая часть жизни на ярмаркѣ. Только веселье въ своемъ крайнемъ выраженіи централизовано въ двухъ или даже одномъ заведеніи, устроенныхъ на подобіе петербургскихъ танцевальныхъ вечеровъ и заимствованныхъ съ верною столицей для просвѣщенія Россіи изъ западно-европейскаго Вавилона. Но значительнѣйшая часть ярмарочнаго народонаселенія не посѣщаетъ вовсе и этихъ двухъ единственныхъ средоточій жизни на Нижегородской ярмаркѣ, — ни пороговъ высшей власти, въ такъ-называемомъ Главномъ Домѣ, ни танцевальныхъ вечеровъ, слывущихъ здѣсь подъ названіемъ маскараровъ или мушкараровъ.

Водвореніе маскараровъ въ обширной и прекрасной залѣ Главнаго Дома, предназначенной для собраній ярмарочнаго купечества и для официальныхъ торжествъ, было весьма прогрессивнымъ шагомъ въ исторіи макарьевскихъ маскараровъ, довольствовавшихся значительно болѣе скромными помѣщеніями; однако, несмотря на либерализмъ этой мѣры, несмотря на сгущеніе посредствомъ ея въ одномъ мѣстѣ всѣхъ принадлежностей ярмарочнаго веселья, съ прибавленіемъ моднаго удовольствія—лоттереи-аллегри; несмотря, наконецъ, на покровительство или, по крайней мѣрѣ, на весьма либеральное обращеніе съ маскараромъ со стороны полиціи, какъ будто уничтожавшейся во время самыхъ отчаянныхъ проявленій канкана, мѣра эта не удалась: маскараръ былъ весьма

малолюдентъ, окончился скандаломъ, даже не случавшимся при менѣ торжественной обстановкѣ, и затѣмъ не повторялся. Онъ не сосредоточилъ публики въ Главномъ Домѣ, а скорѣе разогналъ ее, ибо маски и дебардеры буквально ворвались въ залу посреди засѣдавшего тутъ собранія купечества, въ минуту произнесенія одной изъ энергическихъ рѣчей по вопросу, занимавшему всѣ умы,—о продажѣ казенныхъ лавокъ. Купечество послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ председателя биржеваго комитета воспрепятствовать на нѣсколькое времени вторженію маскарада въ засѣданіе, вынуждено было, однако, покориться этому нашествію парижскаго мабиля посѣтившаго Макарьевскую ярмарку съ Сѣвера, и закрыть засѣданіе.... Такая же почти участь постигла и другія попытки къ соединенію публики (напримѣръ, объѣды, устроенныя для *общенія* купечества съ пріѣзжими литераторами, весьма размножившимися на ярмаркѣ 1864 г.), хотя эти попытки и были относительно болѣе удачны. Но здѣсь приходится только повторить столь общеизвѣстную фразу: „какъ трудно соединять у насъ общество!“

Иная мѣра, уже гораздо болѣе серьезная, по крайней мѣрѣ въ своихъ преднамѣреніяхъ, чѣмъ описанныя, и исходившая изъ совершенно другаго источника также, кажется, не удалась. Почтенный председатель ярмарочнаго биржеваго комитета, воодушевленный самыми благими и просвѣщенными желаніями, возымѣлъ мысль сдѣлать это новое учрежденіе, вступившее въ силу лишь съ 1863 г., средоточіемъ для всего торгующаго купечества. Съ этою цѣлію зала биржеваго комитета снабжена была газетами, даже такими, которыя, вслѣдствіе своего вреднаго духа (свободы торговли въ нихъ проповѣдуемой), не покровительствовались биржевымъ комитетомъ; конечно, подаѣ нихъ разложены были, какъ противудіе, изданія * пользовавшіяся особымъ покровительствомъ комитета, вслѣдствіе своего протекціонистскаго направленія. Входъ въ залу былъ свободно открытъ для публики съ 9 часовъ утра до 9 часовъ вечера; рядскіе старосты (до 170 человекъ) приглашались разъ въ недѣлю въ эту залу въ видахъ

* Такъ петербургскій журналъ *Торговый Сборникъ* былъ въ особенности рекомендованъ биржевымъ комитетомъ для чтенія торгующимъ на ярмаркѣ лицамъ (см. циркуляръ председателя комитета 24 іюня 1864 г. напечатанный въ *Ярмарочномъ листкѣ* № 8).

общенія и обмѣна мыслей; они же обязывались при этомъ представлять подробныя свѣдѣнія о ходѣ торговли, и между прочимъ даже о количествѣ товаровъ поступившихъ и проданныхъ въ каждой лавкѣ въ теченіе недѣли. * Однако, и всѣ эти благія намѣренія, воодушевившія главу учрежденія уже не только правительственнаго, но и общественнаго, каковъ биржевой комитетъ, не увѣнчались успѣхомъ: затѣянное собраніе данныхъ о ходѣ ярмарочной торговли изъ первыхъ рукъ не обогатило вовсе, сколько намъ извѣстно, отечественную статистику. Торгующіе продолжали видѣть и въ новыхъ требованіяхъ, хотя и исходившихъ отъ представителя власти ими самими поставленнаго, тѣ же искони имъ извѣстныя статистическія свѣдѣнія, сочиняемыя по требованію начальства. Зала биржеваго комитета оставалась пустою, и къ ея литературнымъ сокровищамъ прикасалась лишь изрѣдка обычные посѣтители этого помѣщенія, просители и ходатаи по дѣламъ до биржеваго комитета касающимся. И самыя циркуляры предсѣдателя биржеваго комитета, составленные съ жаромъ, заслуживавшимъ большаго успѣха, — циркуляры, въ своихъ частныхъ обращеніяхъ и воззваніяхъ къ купечеству, ** гораздо болѣе проникнутыхъ духомъ литературы *** и педагогиче нежели какой бы то ни было официальной, — нисколько однако не собрали купечества около биржеваго комитета, на который, несмотря на его либеральныя отношенія къ публикѣ, продолжали смотрѣть какъ на правительственное учрежденіе. Самыя газеты и то исключительно для извѣстій о сѣверо-американской борьбѣ и дѣлахъ на хлопокъ, читались въ лавкахъ прикащиками, этими услужливыми снабдителями своихъ хозяевъ всякаго рода извѣстіями. Изъ всего нами сказаннаго не должно однако заключать, чтобы мы не цѣнили добрыхъ намѣреній почтеннаго предсѣдателя биржеваго комитета, употребившаго всѣ свои усилія, чтобы оправдать довѣріе

* См. любопытный печатный циркуляръ предсѣдателя биржеваго комитета 6 августа 1864 г.

** Любопытствующихъ обращаемъ къ *Ярмарочному листку*, гдѣ пропечатаны всѣ эти циркуляры и объявленія отъ предсѣдателя биржеваго комитета.

*** Въ нѣкоторыхъ циркулярахъ означались даже политико-экономическія начала (впрочемъ въ духѣ протекціонизма) и рекомендовались къ прочтенію разныя сочиненія.

многочисленнаго сословія его избравшаго и придать своей должности все то значеніе, какое она должна была бы имѣть подлѣ административныхъ и казенныхъ властей. Этого значенія мы отъ всей души ей желаемъ, хотя и знаемъ какъ трудно какому бы то ни было офиціальному учрежденію сдѣлаться общественнымъ центромъ.

Будущему свободному развитію нашей общественной жизни предстоитъ создать въ нашемъ общественномъ быту тѣ средоточія и узлы, которыми до сихъ поръ былъ крѣпокъ только нашъ офиціально-государственный бытъ, и которые или совершенно заглохли, или же появлялись въ нашемъ общественномъ быту, загроможденномъ со всѣхъ сторонъ бытомъ казеннымъ. Но эти средоточія всего менѣе могутъ быть устроены чужою, хотя бы то и самую попечительную рукой; они могутъ выработаться только сами собою, изъ движенія элементовъ самой жизни, освобожденной отъ всякихъ внѣшнихъ и искусственныхъ преградъ; наконецъ, для нихъ нужно время, ибо кому неизвестно, до какой степени издавна запугано у насъ всякое образованіе какихъ бы то ни было общественныхъ узловъ.

Вопросъ объ учрежденіи *биржи* и *клуба* уже не разъ возникалъ на Нижегородской ярмаркѣ, и мы сами были свидѣтелями громкихъ объ этомъ заявленій со стороны разныхъ торговцевъ участвующихъ въ ярмаркѣ. * Нынешняя биржа исключительно наполняется хлѣбными и рыбными торговцами и почти не имѣетъ отношеній къ другимъ ярмарочнымъ оборотамъ. Никакъ нельзя сказать, чтобы сами торгующіе не чувствовали потребности въ биржѣ, замѣняемой нынѣ встрѣчами въ трактирахъ и въ разныхъ закоулкахъ, и нельзя сказать чтобы они не замѣчали дикихъ явленій, происходящихъ отъ недостатка какого-либо средоточія для коммерческихъ оборотовъ. Укажемъ здѣсь на обращеніе этихъ явленій: цѣны, по которымъ состоялись сдѣлки, или вообще цѣны, которыя, что называется, стоятъ на ярмаркѣ, составляютъ вообще тайну, которую каждый по своему старается узнать, и которая, безъ сомнѣнія, не можетъ оставаться тайною, но только узнается не вовремя и съ большими или меньшими промахами; понятію какія вред-

* Между прочимъ, мы припоминаемъ слова шуйскаго городского головы, г. Калужскаго, на обѣдѣ даннымъ имъ шуйскому купечеству, принимающему большое участіе въ ярмаркѣ.

ныя послѣдствія для *правильной* торговли (а съ успѣхами правильной торговли связано,—что бы ни говорили,—большинство личныхъ интересовъ торгующихъ) имѣеть отсутствіе открытыхъ, гласныхъ биржевыхъ или ходячихъ цѣнъ на товары. Отсюда, между прочимъ, происходитъ поразительное явленіе, котораго мы сами были свидѣтелями: въ одной и той же линіи, въ одинъ и тотъ же часъ, тотъ же самый товаръ, фундаментальный, приводящій въ движеніе милліоны, продавался по разнымъ цѣнамъ. Понятна повтому неурядица, отсюда происходящая.

Также точно не слѣдуетъ думать, чтобы купечество предпочитало для своихъ бесѣдъ грязныя трактиры клубу; доказательствомъ можетъ служить развитіе Московскаго коммерческаго клуба. Но не вдругъ измѣняются привычки, сложившіяся вѣками, и во всякомъ случаѣ онѣ могутъ измѣниться лишь сами собой, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, хотя бы даже оно было столь же благонамѣренно какъ мѣропріятія одного извѣстнаго намъ просвѣщеннаго градоначальника, въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ. Дѣятельный начальникъ до того воодушевился благороднымъ негодованіемъ противъ испорченности нравовъ подвластныхъ ему гражданъ и желаніемъ водворить между ними начала благоустроеннаго общежитія, что на первыхъ же десяти дняхъ своего управленія запретилъ мужчинамъ и женщинамъ ходить вмѣстѣ по улицамъ позже десяти часовъ вечера, подъ угрозой арестованія безъ разбора чиновъ и сословія, возбранилъ бабамъ ходить по улицамъ на босую ногу, запретилъ купаться въ Волгѣ и проч., и затѣмъ приказалъ, никого не спрося, строить на счетъ города общественную купальню и вокзалъ для публичныхъ увеселеній. Многие, въ особенности изъ нашихъ передовыхъ администраторовъ, оплакивая медленные успѣхи просвѣщенія и общественной нравственности и недостатокъ въ этомъ отношеніи *самодѣятельности* въ нашемъ обществѣ, никакъ не хотятъ понять, что не говоря уже о положительныхъ внѣшнихъ преградахъ, отлучившихъ публику въ теченіе вѣковъ отъ всякой самодѣятельности, самая начальническая заботливость на этомъ пути можетъ оказаться столь же вредною какъ и препятствія, ибо она водворяетъ, съ одной стороны, убѣжденіе, что все должно идти отъ начальства, а съ другой—способна внушить недоувѣріе къ самому прогрессу, нерѣдко являясь въ такого рода прогрессивныхъ формахъ, ко-

тория противорѣчатъ самому обыкновенному здравому смыслу практическихъ людей.

Такова, между прочимъ, и наша офиціальная статистическая дѣятельность относительно ярмарокъ. Какъ ни желательно было бы имѣть вѣрныя до единицъ цифръ данныя о количествѣ каждаго товара, привезеннаго, проданнаго и оставшагося у каждаго торговца, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и понятіяхъ торговаго дѣла, не только у насъ, но и повсемѣстно въ Европѣ, мы рѣшительно отрицаемъ возможность даже приблизительно вѣрныхъ свѣдѣній относительно этого предмета.

Количество товара, привезеннаго каждымъ купцомъ на ярмарку и имъ *непроданнаго*, составляетъ слишкомъ щекотливую сторону въ торговыхъ оборотахъ, чтобы можно было требовать отъ торговца по этому вопросу не только полной, но даже и приблизительно откровенности; точный отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы въ большей части случаевъ полнымъ раскрытіемъ всего коммерческаго положенія торговца, а такое раскрытіе признается всюду, и не въ одной русской торговлѣ, рѣшительно невозможнымъ для торговаго дѣла; оно можетъ иногда нанести торговцу смертный ударъ. Только дѣла въ исключительныхъ обстоятельствахъ могутъ безвредно подвергаться подобному раскрытію. Между тѣмъ упомянутый вопросъ составляетъ главный элементъ нашей офиціальной ярмарочной статистики. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни были желательны точные отвѣты на подобные вопросы, ихъ невозможно задавать самимъ торговцамъ и ожидать чтобы они сами поднимали на себя руки. Если же трудно ожидать отъ нихъ подобныхъ показаній о движеніи ихъ оборотовъ по окончаніи торга, то еще менѣе можно ихъ ожидать въ продолженіи торга, напримѣръ еженедѣльно; такія показанія, еслибъ они были откровенны, могли бы разстроить весь ходъ торговли, ибо нерѣдко та или другая цѣна на товаръ, та или другая сдѣлка, зависятъ единственно отъ бѣльшей или меньшей извѣстности запасовъ товара, существующихъ и ожидающихся на рынкѣ. Уже изъ этого обстоятельства можно видѣть какъ щекотлива коммерческая статистика: въ ней соприкасаются и переплетаются интересы публичные съ интересами частными и домашними, общепольное изслѣдованіе общихъ вопросовъ, каковы, напримѣръ, вопросъ о паденіи или развитіи Нижегородской ярмарки, смѣши-

вается съ изслѣдованіемъ вопросовъ чисто *личныхъ*, разборъ которыхъ нерѣдко можетъ повредить частнымъ интересамъ того или другаго торговца. Вотъ, кажется намъ, самая трудная сторона коммерческой статистики, слишкомъ пренебрегаемая въ нашихъ официальныхъ статистическихъ приемахъ. Что сказали бы мы, еслибы составители нравственной статистики, не ограничиваясь свѣдѣніями о преступленіяхъ и проступкахъ, сдѣлавшихся достояніемъ полиціи и уголовного суда, то-есть достояніемъ публичнымъ, задались бы собираніемъ своихъ данныхъ изъ жизни каждаго гражданина и стали бы вторгаться съ своими вопросами въ его частный и домашній бытъ, требовать отъ каждаго члена государства чистосердечной исповѣди о преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ имъ и его ближними и избѣжавшихъ преслѣдованія закона? Такое направленіе нравственной статистики было бы едва ли болѣе неумѣно чѣмъ указанное нами направленіе коммерческой статистики, хотя, очевидно, нравственная статистика далеко не исчерпывается статистикой судебною и полицейскою. Нравственная статистика, ограничиваясь собираніемъ числовыхъ данныхъ въ предѣлахъ публичнаго разбирательства, старается, по возможности, пополнить эти данныя общими, наиболѣе крупными и характеристическими признаками нравственныхъ явленій страны, избѣгая всякаго обличенія какихъ-либо частныхъ и личныхъ обстоятельствъ. Также точно и задача коммерческой, въ томъ числѣ и ярмарочной статистики едва ли не заключается прежде всего въ выборѣ такихъ вопросовъ, относительно изслѣдуемыхъ ею явленій, и такихъ общихъ ихъ признаковъ, которые, по возможности, были бы отрѣшены отъ всякихъ личныхъ обстоятельствъ торгующихъ; конечно, при этомъ пришлось бы вовсе отказаться отъ многихъ числовыхъ данныхъ; но неужели эти данныя, въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, могутъ быть для кого-нибудь обольстительныя? Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобъ объяснить всеобщее недовѣріе, возбуждаемое нашими официальными статистическими приемами, не прибѣгая къ восклицаніямъ о невѣжествѣ купеческаго сословія, его свѣтобоязни и равнодушію къ успѣхамъ просвѣщенія, о чемъ такъ часто слышимъ мы возгласы въ кругу официальныхъ статистиковъ. Признаемся чистосердечно, что какою бы горечью для самихъ насъ ни сопровождалось иногда наши изысканія, мы все-таки, размышляя безпристрастно, обязаны свидѣтель-

ствовать, что всё эти возгласы весьма несправедливы, что радушная помощь была намъ оказываема со стороны коммерческихъ людей, вслѣдствіе разъ когда они приходили *къ убѣжденію въ искренности* нашихъ намѣреній, и когда имъ дѣлались положительно и несомнѣнно извѣстны наши цѣли и задачи. Такое убѣжденіе необходимо вездѣ и всегда, а въ особенности у насъ, гдѣ подъ покровомъ науки и именно статистическихъ изслѣдованій совершалось не мало злоупотребленій, которыя не могли не возбудить недовѣрія.

Мы не можемъ, однако, не упомянуть здѣсь, хотя мимоходомъ, о затрудненіяхъ, какія встрѣчаютъ со стороны купечества весьма размножившіеся нынѣ авторы газетныхъ статей о положеніи коммерческихъ дѣлъ,—о затрудненіяхъ также нерѣдко поставляемыхъ въ обвиненіе противъ купечества. Дѣйствительно, наши изысканія были всего болѣе затруднительны въ тѣхъ случаяхъ, когда насъ принимали за корреспондента какой-нибудь изъ столичныхъ газетъ. Положительно можно сказать, что эта категорія изслѣдователей внушаетъ нынѣ коммерческимъ людямъ даже болѣе недовѣрія и ненависти, чѣмъ другая совершенно ей противоположная — полицейская категорія. И этому нечего удивляться, и за это, конечно, всего менѣе можно винить купечество, какъ мы въ особенности убѣдились во время посѣщенія Нижегородской ярмарки. Если офиціальная статистика по необходимости и безъ особыхъ намѣреній касается весьма щекотливыхъ для торговыхъ людей вопросовъ, и поневолѣ вторгается въ частныя дѣла, то наши газетныя корреспонденціи какъ будто исключительно посвятили себя обличенію коммерческой тайны и описанію частныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, не имѣющихъ инаго интереса кромѣ интереса празднаго любопытства и скандала. Большая часть статей такого рода ничто иное какъ обличенія, и даже въ самыхъ невинныхъ изъ нихъ разказываются вещи совершенно чуждыя вопросу объ общемъ положеніи дѣлъ: сколько такой-то такому-то продалъ и по какой цѣнѣ, и сколько при этомъ получилъ барыша и т. д. Притомъ обличенія эти почти всегда основываются на ложныхъ слухахъ и сплетняхъ, какъ иначе и быть не можетъ. Представьте же себѣ удовольствіе видѣть себя пропечатаннымъ на весь міръ, да еще иной разъ съ самыми наглыми искаженіями и комментаріями; какое право имѣемъ мы требовать, чтобъ обличенный занимался каждый разъ возраженіемъ.

ами и разъясненіями въ газетахъ, до которыхъ ему нѣтъ никакого дѣла? Какъ же послѣ этого удивляться, что серьезные торговцы обращаются рѣшительно въ бѣгство отъ дилтераторовъ. Газетныя корреспонденціи, до сихъ поръ мало подвинувшія изученіе коммерческихъ дѣлъ, сдѣлались новымъ препятствіемъ для добросовѣстнаго изслѣдователя. Не легко было прежде уничтожить всякое подозрѣніе въ своемъ полицейскомъ характерѣ, но чуть ли не труднѣе теперь доказать свою неприкосновенность къ неменѣ заподозрѣнному газетному дѣлу.

Цѣль нашихъ изысканій на Нижегородской ярмаркѣ не была, впрочемъ, собственно статистическая, а скорѣе экономическая; мы сосредоточили наши изслѣдованія преимущественно на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ и спеціальныхъ экономическихъ вопросахъ, которыхъ разрѣшеніе преслѣдовали на ярмаркѣ и около которыхъ старались сгруппировать собираемыя нами свѣдѣнія. Многіе другіе не менѣе и даже болѣе важные вопросы мы должны были вовсе оставить въ сторонѣ, ограничивая притомъ наши изслѣдованія лишь нѣсколькими отраслями торговли и вовсе не касаясь другихъ. Мы не занимались вовсе собираніемъ числовыхъ данныхъ о количествѣ товаровъ, для которыхъ личныя нашихъ усилій было бы совершенно недостаточно, и старались ограничиться лишь общими или качественными признаками явленій, наиболѣе поддававшимся наблюденію.

Главными задачами, занимавшими насъ на Нижегородской ярмаркѣ 1864 года, были двѣ слѣдующія:

1) Обозрѣть въ ходѣ этой ярмарки тѣ факты, которые могутъ служить признаками общаго положенія нашихъ коммерческихъ и промышленныхъ дѣлъ, и вывести общія заключенія относительно этого положенія.

2) Изучить, измѣняется ли, и въ чемъ именно, характеръ Макарьевской ярмарки подъ вліяніемъ современныхъ условій торговли, народнаго хозяйства и всѣхъ вообще успѣховъ просвѣщенія (усовершенствованныхъ путей и способовъ сообщенія, усиленія коммерческихъ центровъ въ разныхъ краяхъ Россіи, открытія новыхъ рынковъ, новыхъ обычаевъ торговли и проч.), и наконецъ коснуться вопроса о томъ, какое значеніе можно предвидѣть для ярмарки въ будущемъ?

Издавая собранныя нами свѣдѣнія по этимъ главнымъ во-

просамъ, мы постараемся, по возможности, коснуться и другихъ болѣе или менѣе сродственныхъ вопросовъ, насколько, впрочемъ, не принуждая себя къ систематическому изложенію данныхъ. Въ заключеніе же мы приведемъ нѣкоторыя наблюденія характеристическихъ чертъ народнаго быта и признаковъ современнаго нравственнаго состоянія нашего общества, насколько они отражаются въ тѣхъ явленіяхъ, какія намъ удалось изучить на ярмаркѣ.

III.

Обращаемся къ первому вопросу, поставленному нами въ предыдущей статьѣ: какіе были въ ходѣ Нижегородской ярмарки 1864 г. признаки общаго положенія нашихъ коммерческихъ и промышленныхъ дѣлъ? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы должны, по возможности, устранить въ описаніи ярмарки все что имѣло лишь временный интересъ въ эпоху ея совершенія, и удовольствоваться самыми общими и крупными чертами. Впрочемъ, говоря о разныхъ отрасляхъ нашей промышленности и торговли, мы позволимъ себѣ касаться нѣкоторыхъ изъ ихъ характеристическихъ особенностей, не совсѣмъ необходимыхъ для нашего предмета; подобныя отступленія совершенно соотвѣтствуютъ общему характеру труда, названнаго нами *очерками*.

Одинъ смышленный и бойкій ярмарочный торговецъ средней руки на вопросъ нашъ о результатахъ Нижегородской ярмарки 1864 г. отвѣчалъ намъ: „Торговали пожалуй-что и не больно плохо, да и не *задорно!*“ Этотъ отвѣтъ кажется намъ весьма мѣткимъ и хорошо характеризующимъ эту ярмарку. Она была *не задорна* — въ этомъ ея сущность и ея современное народно-хозяйственное значеніе.

Судя по предшествовавшему ярмаркѣ оживленію торговыхъ дѣлъ въ Москвѣ (въ маѣ, юнѣ и юль), особенно по части хлопчато-бумажныхъ издѣлій играющихъ столь важную роль на Макарьевскомъ рынкѣ, и принявъ въ соображеніе небольшое, сравнительно съ предыдущими годами (преимущественно съ 1863 г.), количество всѣхъ вообще товаровъ, отправленныхъ на ярмарку, можно было ожидать, и всѣ ожидали, что она бу-

дети чрезвычайно бойкая, или, какъ говорятъ, *горячая*. Между тѣмъ эта надежда рѣшительно не сбылась: ярмарку 1864 г. можно назвать вообще *тихой*. Въ этомъ заключается, кажется, причина, почему многіе были такъ недовольны ею, и почему о ней составилось даже мнѣніе, отчасти выказанное и въ журналистикѣ, что результаты ея весьма *неутѣшительны*. Дѣло въ томъ, что ярмарка положительно не удовлетворила составившимся относительно ея ожиданіямъ. Несмотря, однако, на это, и отчасти даже именно поэтому, мы признаемъ результаты ярмарки 1864 г., съ общей народно-хозяйственной точки зрѣнія, для интересовъ всей нашей торговли и промышленности *весьма утѣшительными*. Нижегородская ярмарка, выражающая собою все движеніе отечественной торговли и промышленности въ каждый минувшій годъ и опредѣляющая собою движеніе ихъ въ послѣдующій годъ, была въ 1864 г. такова какъ только можно было пожелать.

Оживленіе дѣлъ, до ярмарки, въ Москвѣ произошло, по всемъ признакамъ, преимущественно отъ истощенія запасовъ мануфактурныхъ товаровъ, для которыхъ Москва—главное складочное мѣсто всей Имперіи. Производство и потребленіе мануфактурныхъ товаровъ, какъ извѣстно, усилились въ неслыханныхъ прежде размѣрахъ, вслѣдъ за Восточною войной и экстраординарными выпусками бумажныхъ денегъ, въ эпоху всеобщаго лихорадочнаго нашего промышленнаго возбужденія и акціонернаго ажіотажа; но съ наступленіемъ промышленнаго и монетнаго кризиса (приблизительно съ 1859 г.), при всеобщемъ усиленіи дороговизмы, непроизводительной растратѣ капиталовъ на военныя операціи, а также и на безчисленное множество необдуманныхъ предпріятій, съ перемѣщеніемъ имуществъ и потрясеніемъ всѣхъ частныхъ хозяйствъ, вслѣдствіе всеобщей государственной перестройки и въ особенности крестьянской реформы, — потребленіе сократилось. Насколько оно сократилось, и сократилось ли въ сравненіи съ нормальною эпохой до Восточной войны, это трудно опредѣлить; и хотя нельзя, повидимому, предполагать послѣдняго, однако, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ внутренніе сбыты уменьшились, въ сравненіи съ чрезвычайнымъ оживленіемъ ихъ въ эпоху 1856—59 гг. Между тѣмъ и послѣ этого перелома (приблизительно въ 1859—

1860 гг.) производство мануфактурныхъ товаровъ, несмотря на неуспѣшный ходъ ярмарокъ и повсемѣстные случаи банкротствъ, *никакъ не уменьшалось* (по крайней мѣрѣ въ средѣ производителей; располагавшихъ достаточными капиталами чтобы выдержать кризисъ) *сократиться* и выйти изъ чрезвычайныхъ размѣровъ, принятыхъ имъ вслѣдъ за Восточною войною. * Рѣшительное сокращеніе выработки на крупныхъ фабрикахъ, дающихъ тонъ всему производству, произошло не ранее какъ съ 1862 и даже 1863 гг. Главнымъ толчкомъ къ этому неизбежному повороту былъ, кажется, сѣверо-американскій хлопчатобумажный кризисъ, весьма крѣпко сошедшійся съ нашимъ внутреннимъ кризисомъ; въ томъ же направленіи намъ послужили также, до известной степени: результаты размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету (въ 1862—1863 гг.), изъятіе нѣкоторой части билетовъ изъ обращенія (въ 1863 г.) и польская смута. Такимъ образомъ въ послѣдніе годы (1859—1863) накопились у насъ огромные запасы мануфактурныхъ товаровъ, которые тщетно искали для себя сбытовъ на всѣхъ ярмаркахъ, и въ торговлѣ которыми обнаружилась всеми ощущавшійся застой. Эти запасы начали, однако, въ 1864 г. истощаться; и тутъ-то произошло въ Москвѣ то оживленіе дѣлъ, о которомъ мы упомянули выше, и которое вывѣсть съ оживленіемъ нашего вывоза, подъ дѣйствіемъ низкаго вексельнаго курса, многіе считали предвѣстникомъ болѣе благоприятнаго оборота во всей отечественной промышленности и торговлѣ. Таковъ, кажется намъ, въ самыхъ крупныхъ чертахъ, ходъ нашихъ коммерческихъ дѣлъ, предшествовавшій Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. Нѣкоторыя известныя намъ и заслуживающія вниманія частности въ этомъ общемъ движеніи и его дальнѣйшіе повороты мы увидимъ ниже.

Всего лучше отражаются разнообразныя превратности, испытанныя нашею промышленностью въ послѣднія десять лѣтъ, на хлопчатобумажной фабрикаціи, которая, впрочемъ,

* Подъ ненормальнымъ усиленіемъ производства надо всегда понимать чрезмѣрное усиленіе однихъ отраслей насчетъ ослабленія другихъ, а не общее усиленіе народнаго производства, которое желательнее и никогда не можетъ быть чрезмѣрно (какъ мы это объяснили подробно въ другомъ мѣстѣ).

заслуживаетъ вниманія и сама по себѣ. Чтобы судить до какой степени важно значеніе этой фабрикаціи въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, достаточно сказать, что она производила въ послѣдніе нормальные годы, по приблизительному исчисленію, до 120 милл. руб. всякихъ издѣлій * ежегодно. Она же обуславливаетъ собою множество другихъ отраслей отечественной фабрикаціи и торговли. Едва ли хлопчато-бумажнымъ издѣліямъ не принадлежитъ нынѣ на Макарьевской ярмаркѣ та роль, которая въ прежнее время приписывалась кяхтинскимъ чаямъ; едва ли отъ какого-нибудь другаго товара зависятъ судьба такого множества другихъ товаровъ и развязка такого огромнаго количества дѣлъ на ярмаркѣ какъ отъ хлопчато-бумажнаго. Съ нимъ неразлѣчно связана привозная и отвозная торговля наша съ Азіей, привозъ средне-азіятскаго хлопка и красильныхъ веществъ, вывозъ нашихъ хлопчато-бумажныхъ и всякихъ иныхъ издѣлій и звонкой монеты, идущихъ въ обмѣнъ на хлопокъ, занимающій весьма значительное мѣсто на Нижегородской ярмаркѣ. Наконецъ, отъ хлопчато-бумажнаго товара зависятъ многія условія сбыта сродственныхъ ему товаровъ, относящихся къ нашей одеждѣ.

Послѣ чрезвычайнаго возбужденія, произведеннаго таможеннымъ тарифомъ 1822 г. и, сверхъ того, еще нѣкоторыми позднѣвшими частными возвышеніями покровительственныхъ и запретительныхъ пошлинъ, наша хлопчато-бумажная фабрикація непомѣрно усилилась и даже нисколько не остановилась въ своемъ развитіи съ пониженіемъ пошлинъ въ 1851 и 1857 годахъ. Такъ съ 1843 по 1853 г. число бумагопрядильныхъ веретенъ почти утроилось (съ 350 тысячъ до 1 милл.). ** Въ періодъ съ 1814 по 1824 г. привозилось къ намъ, среднимъ числомъ, въ годъ до 200 т. пудовъ хлопка, въ 1852 г. 1.750.000, а между 1858 и 1860 г. отъ 2.300.000 до 2.500.000. Во время Восточной войны и послѣ нея эта фабрикація, несмотря на преды-

* Эту цифру, по ея источнику (рукописному), мы считаемъ достовѣрною, насколько, конечно, могутъ быть достовѣрны подобныя приблизительныя исчисленія. Нѣкоторые (г. Шереръ) полагаютъ ее нѣсколько ниже.

** Ср. Шерера о хлопчато-бумажной промышленности въ *Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи*. Спб. 1863. г. Изъ этой статьи заимствованы наши нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше цифръ.

лучшее усиленное развитие, и несмотря на ослабление таможенного покровительства въ 1851 и 1857 гг., получила еще большіе размѣры, такъ что привозъ хлопка, постоянно возраста съ 1853 г., достигъ въ 1859 г. 2.800.000 пуд., а въ 1860 г.— 2.600.000 пуд. Эти замѣчательныя цифры наводятъ на многія размышленія: онѣ, между прочимъ, указываютъ на страшное усиленіе у насъ хлопчато-бумажнаго дѣла * не только подъ вліяніемъ естественныхъ условій потребленія и искусственнаго таможеннаго покровительства отечественному производству, но также и подъ вліяніемъ экстренныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, столь неимоверно и болѣзненно усилившихъ потребленіе и роскошь въ 50-хъ годахъ (1856—1859). Могло ли такое усиленіе быть нормальнымъ и здоровымъ, и могло ли оно не сократиться? Прибавимъ далѣе, что до американскаго кризиса, или до 1861 г., мы вывозили изъ Америки $\frac{1}{11}$ часть всей массы туземнаго хлопка. Россія занимаетъ по хлопчато-бумажному производству пятое мѣсто на всемъ земномъ шарѣ, почти равняется Германскому Союзу и уступаетъ только Англій, Сѣверо-Американскимъ Штатамъ и Франціи. Изъ всѣхъ главныхъ волокнистыхъ веществъ (хлопка, льна, пеньки, шерсти и шелка) на долю хлопка приходится у насъ одна треть всего итога; $\frac{1}{70}$ часть рукъ всего народонаселенія Россіи занята тою или другою работою, входящею въ составъ хлопчато-бумажной фабрикаціи. Если можно хоть приблизительно довѣриться офиціальнымъ статистическимъ цифрамъ, то хлопчато-бумажный товаръ составляетъ на Нижегородской ярмаркѣ около 15 проц. всего количества товаровъ по цѣнѣ.

Изъ всего этого уже можно заключить не только о томъ какое громадное значеніе имѣеть у насъ хлопчато-бумажная фабрикація сама по себѣ, но и о томъ сколь вразумительнымъ свидѣтельствомъ, относительно общаго положенія промышленныхъ дѣлъ Россіи, могутъ служить всѣ перевороты, испытанныя у насъ этою фабрикаціей. Всего любопытнѣе взглянуть на движеніе цѣнъ. Приблизительно до 1860 г., въ теченіе 20 лѣтъ, цѣны на хлопчато-бумажныя издѣлія у насъ, какъ и на всемірныхъ рынкахъ, постоянно понижались

* Потребленіе *индиго*, служащаго однимъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ хлопчато-бумажной фабрикаціи, возрасло у насъ съ 1822 по 1859 г. слѣшкомъ въ семь разъ.

(отъ 20% до 30%); * усовершенствованіе техническихъ, въ особенности механическихъ приспособленій; и конкуренція, подстрекаемая какъ чрезвычайнымъ размноженіемъ фабрикъ, такъ и пониженіями таможеннаго тарифа въ 50-хъ годахъ, низводила до-нельзя цѣны на всѣ бумажныя ткани. Выдѣланный хлопчато-бумажный товаръ не дорожалъ, несмотря даже на всеобщее вздорожаніе всѣхъ нашихъ товаровъ послѣ Восточной войны; фабриканты наверстывали свои барыши на *количество* товара, вслѣдствіе чрезвычайно усилившейся его распродажи въ 1856 — 1859 годахъ; и такъ продолжалось до той поры, когда, съ обнаруженіемъ нашего внутренняго кризиса, всѣ расходы производства стали возрастать, а потребленіе и сбытъ сокращаться. Посреди заминки хлопчато-бумажнаго товара, излишняго накопленія его запасовъ и, вообще, невыгоднаго оборота дѣлъ, начавшихся приблизительно съ 1859 г., разразился сѣверо-американскій кризисъ. Движеніе, принятое цѣнами, было весьма не одинаково въ разныхъ категоріяхъ хлопчато-бумажнаго товара, начиная отъ первоначальнаго матеріала до окончательно обдѣланныхъ издѣлій. Общее направленіе заключалось въ томъ, что вздорожаніе хлопчато-бумажнаго товара было обратно пропорціонально степени его обработанности (хлопокъ, пряжа, миткаль (или бязь), ситцы): всего болѣе дорожалъ хлопокъ и все-го менѣе ситецъ. Таково было общее направленіе цѣнъ съ 1861 по 1864 г., при нѣкоторыхъ необходимыхъ исключеніяхъ и колебаніяхъ. Мы уже имѣли случай въ другомъ мѣстѣ ** говорить объ этомъ фактѣ; всѣ наши изысканія на Нижегородской ярмаркѣ и многочисленныя данныя, собранныя на ней отъ торговцевъ о цѣнахъ на разные хлопчато-бумажные товары въ періодъ 1861—1864 г., еще болѣе подтвердили для насъ справедливость этого взгляда. Мы не можемъ утомлять читателей приведеніемъ всѣхъ добытыхъ нами цифръ, но укажемъ здѣсь только на ихъ важнѣйшія особенности и на отношеніе ихъ къ обстоятельствамъ всего нашего народнаго хозяйства за послѣднее время.

До какой степени возвышались, съ возникновеніемъ американскаго кризиса, цѣны на хлопокъ, это можно видѣть изъ слѣ-

* Существоющія теперь высокія цѣны на ситцы, по показанію старыхъ прикащиковъ, такія же, какія были 47 лѣтъ тому назадъ.

** См. *О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи.*

дующихъ цифръ: средне-азіятскій, или бухарскій, хлопокъ продавался до кризиса по 5 и 4 р. за пудъ; на Нижегородской ярмаркѣ 1861 г. онъ поднялся до 7 р. 75 к., въ 1862 г. до 12—13 р., а въ 1864 г. (въ началѣ ярмарки) до 22 и 23 р. Средне-азіятскій хлопокъ цѣнился у насъ до кризиса весьма низко и поднялся сильнѣе американскаго. Американскій хлопокъ въ этомъ періодѣ учетверился въ цѣнѣ. Вообще можно приять, что хлопокъ (бухарскій) возвысился въ цѣнѣ на 300, даже на 400 и болѣе процентовъ.

Пряжа сильно вздорожала, но уже не въ такой пропорціи: * Въ то время, напримѣръ, какъ хлопокъ на Нижегородской ярмаркѣ 1862 г. поднялся на 70%, пряжа на той же ярмаркѣ подыалась только на 20—25%. Вообще цѣна пряжи въ періодъ 1861—1864 увеличилась приблизительно *втрое* и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже нѣсколько болѣе.

Въ слабѣйшей пропорціи возвысились цѣны на миткаль и вообще на категорію суровыхъ (набивныхъ) хлопчато-бумажныхъ тканей. ** Скольکو намъ извѣстно, вздорожаніе миткаля не достигло вовсе тройной цѣны (или 200% на цѣну до американскаго кризиса), а по нѣкоторымъ низкимъ сортамъ, какова напримѣръ бязь; цѣна увеличилась только вдвое или нѣсколько болѣе. ***

* Такъ:

	1861 г.	1864 г.
Пряжа № 20	10	32—33
Утокъ №№ 38—40	13½	42—45
Американскій медіо	17	52—55
Основа №№ 30—32	18	47—51

Если мы не ошибаемся, цѣны высшихъ номеровъ поднялись слабѣе низшихъ. Если это такъ, то это объясняется вполнѣ общимъ нашимъ взглядомъ.

** Замѣчательно-сильнѣйшее вздорожаніе *своихъ* хлопчато-бумажныхъ издѣлій, сравнительно съ *отечественными*, въ нѣкоторой степени обусловлено паденіемъ иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, хотя только въ *нѣкоторой* степени, ибо всякое вздорожаніе иностранныхъ товаровъ само по себѣ уже дѣйствуетъ и на вздорожаніе отечественныхъ.

*** Машинный миткаль, продававшійся въ 1861 г. по 8 и 9 коп. аршинъ, продавался въ 1864 г. 21 и 22 к.; девятивершковая бязь самаго низшаго сорта въ 1861 г.—4 к., а въ 1864 — 8 к.; широкая бязь въ 1861 г.—7 к., а въ 1864 — 16 к.; миткаль низкаго сорта въ 1861 г. стоилъ 6 к. аршинъ, а въ 1864—10, 12½ коп.

Между тѣмъ ситцеъ и всѣ вообще набивныя хлопчато-бумажныя издѣлія вздорожали въ періодъ 1861—1864 г. въ гораздо слабѣйшей пропорціи; въ то время какъ хлопокъ удвоивался и утроивался въ цѣнѣ, продавцы ситцевъ, на всѣхъ нашихъ ярмаркахъ въ 1862 и 1863 гг., едва могли повысить цѣну, а иногда и вовсе не могли, такъ что каждая копѣйка возвышенія доставалась послѣ самой упорной борьбы, оканчивавшейся, какъ мы много разъ сами видѣли, въ эти годы, увозомъ съ ярмарокъ огромныхъ запасовъ не проданнаго товара. Всѣ помнятъ громкія и несомнѣнно искреннія жалобы продавцовъ, сопровождавшія окончаніе почти всѣхъ нашихъ ярмарокъ въ 1862 и 1863 гг. Кажется, самымъ крайнимъ предѣломъ вздорожанія ситцевъ должно признать удвоеніе цѣны (или 100%), но этотъ крайній предѣлъ достигнуть былъ лишь послѣ быстрого и почти внезапнаго возвышенія цѣнъ (на 10%—20%) весной 1864 г. въ Москвѣ и къ началу Нижегородской ярмарки, о чемъ было сказано выше. Въ большей части случаевъ цѣны обдѣланныхъ хлопчато-бумажныхъ тканей даже въ эпоху самаго высшаго вздорожанія были нѣсколько ниже двойной (или 100%), въ сравненіи съ цѣнами 1860 и 1861 гг. *.

Всего очевиднѣе будетъ различіе въ степени вздорожанія обдѣланныхъ и не обдѣланныхъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ, когда мы скажемъ, что вздорожанію ситца, въ періодъ 1861—1864 г., съ 16 до 27 коп. соответствовало вздорожаніе того миткала, который идетъ на этотъ ситцеъ, съ 8 до 21%, и вздорожанію набивной бязи съ 5% до 10% коп.,—вздорожаніе той же не набивной бязи съ 4 до 8 коп. И здѣсь еще взяты самые низкіе сорта товара; чѣмъ выше сортъ ситца и

* Мы можемъ указать на слѣдующія цифры въ нашихъ сортахъ, идущихъ въ Азію:

	1861 г.	1864 г.	
	к.	к.	
Самый низкій сортъ ситца	5	9	аршинъ
Другой сортъ	12	22	—
Блаоземельный	10	17½	—
Александрійка	9	13	—
Кубовые	13	23	—
Высшіе кубовые	25	43	—
Высшіе (прохоровскіе) ситцы	20	33	—
Паатки (прохоровскіе)	1 р. 70	2 р. 30	штука

вообще хлопчато-бумажных тканей (какъ видно изъ приведенныхъ цифръ), чѣмъ болѣе сортъ подходитъ къ предметамъ роскоши, чѣмъ болѣе идетъ въ сравнительно высшіе слои потребителей, тѣмъ слабѣе было его вздорожаніе, несмотря на то что на высшіе сорта тканей идетъ гораздо болѣе американскаго хлопка чѣмъ азіятскаго, изъ котораго нынѣ почти исключительно работаютъ низшія ткани, и который долженъ былъ бы (вслѣдствіе вексельнаго курса и американскаго кризиса) вздорожать менѣе чѣмъ американскій или вообще западно-европейскій хлопокъ. * Это обстоятельство всего разительнѣе выставляетъ указанный нами общій фактъ чрезвычайнаго накопленія у насъ отечественнаго мануфактурнаго товара въ послѣдніе годы и ослабленія спроса и потребленія, очевидно угнетавшихъ цѣны на ситцы и не позволявшихъ имъ подняться соразмѣрно съ цѣнами хлопка и пряжи. **

Конечно, въ расходы производства или *стоимости* хлопчато-бумажныхъ издѣлій входитъ многое сверхъ первоначальнаго матеріала, и чѣмъ обдѣланнѣе товаръ, тѣмъ онъ менѣе долженъ обуславливаться цѣною одного хлопка: работа, краски, машины и другіе элементы стоимости ситца не должны утрачиваться и учетверяться въ цѣнѣ, вслѣдствіе вздорожанія хлопка въ 3 и 4 раза. Но это соображеніе не только не ослабляетъ, а еще болѣе усиливаетъ наше предположеніе, что относительная дешевизна обдѣланныхъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій произошла у насъ вслѣдствіе упадка спроса и потребленія, и вслѣдствіе накопленія запасовъ; ибо отъ всеобщаго вздорожанія у насъ всѣхъ цѣнъ послѣ Восточной войны, и въ томъ числѣ въ особенности заработной платы, и прочіе расходы производства хлопчато-бумажныхъ издѣлій значительно увеличились, и притомъ гораздо прежде хлопкового кризиса. По всѣмъ этимъ причинамъ ситцами тор-

* Сильнѣйшее вздорожаніе средне-азіятскаго хлопка, сравнительно съ американскимъ въ періодъ 1861—1864 гг., объясняется сильнѣйшимъ спросомъ среднихъ и низшихъ тканей сравнительно съ высшими. Подъ общимъ названіемъ американскаго хлопка надо всегда разумѣть хлопокъ привозимый къ намъ черезъ посредство западной Европы (Англіи), то-есть, кромѣ американскаго, и египетскій, индійскій, и проч.

** Ясно, между прочимъ, что потребители высшихъ сортовъ тканей переходили къ низшимъ сортамъ.

говали у насъ въ некоторое время послѣ хлопкового кризиса въ Абытокъ; во тотъ кризисъ въ то же время былъ въ одномъ отношеніи для насъ даже благодѣтеленъ: онъ усилилъ и ускорилъ разрѣшеніе нашего собственнаго промышленнаго кризиса, съ послѣдствіями котораго наша мануфактурная производительность никакъ не хотѣла примириться. Съ 1863 г. фабричное производство рѣшительно сократилось, и производство начало соразмѣряться со сбытами. Оживленіе цѣвъ передъ Нижегородскою ярмаркою возбудило новыя надежды, которыя никакъ не могутъ покинуть фабрикантовъ и торговцевъ, вспоминаящихъ боікія дѣла 1856—1858 гг. Но окончательный розыгрышъ ярмарки значительно отрезвилъ умы: въ началѣ ея цѣвы на хлопчато-бумажныя издѣлія еще держались, но подъ конецъ, вмѣстѣ съ азіатскимъ хлопкомъ, быстро пошли подъ гору. Послѣ ярмарки, въ Москвѣ, гдѣ она окончательно разрѣшается, цѣвы упали еще ниже (такъ хлопокъ, продававшійся въ началѣ ярмарки по 27 руб. пудъ, упалъ въ концѣ ярмарки ниже 20 и пряжа съ 55—до 45 руб.) и продолжали падать въ теченіе зимы (1864—1865), когда дѣла были весьма тихи. Только послѣ Святой недѣли 1865 г. чрезвычайное паденіе цѣвъ на хлопокъ и хорошая развязка зимнихъ ярмарокъ вызвали естественную реакцію, и нынѣ (въ апрѣлѣ и маѣ 1865 г.) дѣла нѣсколько оживились въ центрахъ нашей хлопчато-бумажной фабрикаціи.

Паденіе цѣвъ на хлопчато-бумажные товары, съ окончаніемъ Нижегородской ярмарки 1864 г., нельзя приписывать вліянію однихъ внѣшнихъ причинъ: надеждамъ на близкій миръ въ Америкѣ и дѣйствию иностранныхъ рынковъ, на которыхъ далеко не было такого крутаго паденія цѣвъ и застоя въ сбытахъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ какъ у насъ. Внезапно распространившіяся въ концѣ ярмарки 1864 г. вѣсти о близкомъ мирѣ дѣйствительно послужили рѣшительнымъ переломомъ въ движеніи цѣвъ, но послѣдующія событія въ Америкѣ, не оправдавшія первоначальныхъ надеждъ, не имѣли ни малѣйшаго вліянія на цѣвы, которыя неуклонно продолжали падать. (Послѣднее оживленіе сбытовъ у насъ даже совпало съ рѣшительнымъ поворотомъ дѣлъ въ Америкѣ къ окончанію междуусобія.) Огромные запасы средне-азіатскаго хлопка, не проданные въ Нижнемѣ, отправлены были въ Москву на комиссію и на расплату по обязательствамъ Азіатцевъ предыдущаго года: никакія уступки и усилія развязаться, съ ихъ

стороны, не помогали имъ сбыть товаръ за деньги. Это обстоятельство нельзя также объяснить, какъ многіе дѣлали на ярмаркѣ, стачкой московскихъ гуртовщиковъ для прижатія Азіятцевъ. Если даже и были подобныя поползновенія, то они были бы невозможны безъ извѣстнаго общаго положенія рынка, общихъ его условій, неблагоприятныхъ для предложенія и сбыта товара. Конечно, поздній пріѣздъ Бухарцевъ, задержанныхъ сперва на границѣ, по распоряженію правительства, неблагоприятно подѣйствовалъ на развязку хлопчато-бумажнаго дѣла на ярмаркѣ, но все-таки эта развязка главнѣйше обуславливалась общимъ состояніемъ торговыхъ дѣлъ во всей внутренней Россіи. Наконецъ, чтобъ еще болѣе подтвердить мысль о происхожденіи застоя въ распродажѣ хлопчато-бумажнаго товара отъ внутреннихъ, а не внѣшнихъ причинъ, и отклонить предположеніе, будто бы сбытъ былъ на реализованъ дороговизной товара (а не наоборотъ), напомнимъ, что замѣтка въ сбытѣ началась у насъ гораздо ранѣе (въ 1859 г.) американскаго междоусобія и всемірнаго хлопковаго кризиса.

Поворотъ промышленности отъ тишины и застоя къ оживленію, конечно, желателенъ какъ нельзя болѣе, но для этого необходимы такія условія народнаго хозяйства, какія способны были бы поддержать это оживленіе, оправдать его нормальными продолжительными требованіями бытовъ. и не дали бы оживленію обратиться въ болѣзненное раздраженіе, за которымъ неминуемо слѣдуетъ реакція.

Болѣе бойкій ходъ Нижегородской ярмарки 1864 г. непременно послужилъ бы для нашихъ фабрикантовъ ободреніемъ къ усиленію производства, для котораго они ожидаютъ малѣйшаго толчка со стороны покупателей, и которому они готовы тотчасъ, по свойственной имъ привычкѣ, дать самыя преувеличенные размѣры. Но ярмарка была чрезвычайно *благоразумна*; благоразуміе и сдержанность, столь у насъ рѣдкія, были ея отличительными чертами по всемъ отраслямъ товаровъ, и въ хлопчато-бумажномъ дѣлѣ эти черты были особенно явственны. Нѣкоторую бойкость придавала ярмаркѣ только продажа товара въ Азію (между прочимъ, для Кяхты, какъ увидимъ ниже) и въ особенности на Кавказъ, котораго умиротвореніе замѣтно возбудило надежды на усиленіе сбыта русскихъ мануфактурныхъ товаровъ. По многимъ отраслямъ и отъ многихъ торговцевъ намъ приходилось

слышать слова: „Кавказъ выручилъ“, и онъ выручилъ бы, вѣроятно, еще болѣе, еслибы не чрезвычайный неурожай въ Ставропольской губерніи и вообще въ сѣверномъ Кавказѣ, въ 1864 г. Доказательствомъ вообще оживленія нашей торговли съ Азіей (задержка Бухарцевъ была не болѣе какъ временнымъ и для будущаго не безвреднымъ событіемъ) служить относительно хорошей сбытъ мануфактурныхъ товаровъ, спеціально назначаемыхъ для азіятской торговли, и, между прочимъ, кубовыхъ ситцевъ, продававшихся лучше всякихъ другихъ.

Несмотря на истощеніе запасовъ, покупатели, и именно городовые купцы, внутренніе наши гуртовщики и мелочники сѣзжающіеся въ такомъ огромномъ количествѣ къ Макарію, упорно удерживались забирать товаръ и крайне ограничивали свои покупки, хотя и пріѣхали съ деньгами. Последнее доказывается *положительно* хорошими полученіями на ярмаркѣ 1864 г.: платежи, въ общей сложности, были весьма удовлетворительны, и о банкротствахъ, связанныхъ съ общимъ ходомъ дѣлъ, не было слышно ни съ окончаніемъ ярмарки, ни послѣ нея. Въ деньгахъ не было недостатка, и рѣшительно не было жалобъ на *безденежье*. Это подтверждается низкимъ учетнымъ процентомъ, бывшимъ на ярмаркѣ, въ послѣдствіи еще упавшимъ въ Москвѣ и сравнявшимся, что бываетъ чрезвычайно рѣдко, съ размѣромъ учета государственнаго банка. Кажется, достоверно, что предложеніе денегъ превосходило спросъ, и значительныя суммы свободныхъ денегъ (намъ извѣстны многіе случаи) возвратились съ ярмарки, гдѣ онѣ не пошли ни на покупку товаровъ, ни на учетъ векселей. Торговый кредитъ, какъ извѣстно, подвергся у насъ въ послѣдніе годы сильному сжатію; ороки значительно сократились, и о прежнемъ лебезуванномъ кредитѣ, по всѣмъ показаніямъ, нѣтъ болѣе и помину. Сдержанность замѣтна была съ обѣихъ сторонъ; покупатели, не ожидая оживленія сбытовъ въ своихъ краяхъ, не хотѣли пользоваться всѣми размѣрами даже тѣхъ кредитовъ по отпуску товаровъ, которые имъ были открываемы и часто вовсе отъ него отказывались. Конечно, высокія цѣны именно хлопчато-бумажнаго товара отпугивали покупателей, и въ этомъ, какъ мы уже замѣтили, заключалось важнѣйшее благотворное вліяніе хлопкового кризиса на нашу промышленность; но высота цѣны была здѣсь только одною изъ причинъ усилившею дѣй-

ствіе другихъ, тѣмъ болѣе что уровень цѣнъ и на прочіе товары, кромѣ хлопчато-бумажнаго, вообще не былъ высокъ, а по нѣкоторымъ отраслямъ даже скорѣе низокъ.

Такое вялое и тихое состояніе нашихъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, конечно, не представляетъ собою ничего утѣшительнаго, но оно задано было всѣми предыдущими экономическими обстоятельствами; Нижегородская ярмарка, дающая рѣшительный толкъ всей внутренней торговлѣ, ничего въ 1864 г. не прибавила и не убавила въ этомъ общемъ положеніи, она ничего въ немъ не измѣнила, нисколько не ободрила отечественной промышленности, продуктами которой она преимущественно снабжается, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она и не нанесла внутреннему производству никакого удара. Эта ярмарка только самымъ явственнымъ образомъ закрѣпила сдержанность и отрезвленіе внутреннихъ рынковъ, уже не отваживающихся на новыя испытанія, послѣ бурныхъ порывовъ и коловратныхъ приключеній, предшествовавшихъ нынѣшнему затишью и сопровождавшихся крушеніями и банкротствами, очистившими коммерческій воздухъ на злополучныхъ ярмаркахъ въ 1862—1863 гг. Къ усилению производительности, къ затратѣ новыхъ капиталовъ и оживленію спекуляціи нѣтъ достаточныхъ побужденій: таково общее мнѣніе. Замѣтимъ мимоходомъ, что къ веснѣ 1864 года замѣчается накопленіе свободныхъ денегъ и на петербургской биржѣ. Лучшимъ доказательствомъ нашего (по своему весьма благоприятнаго) взгляда на ярмарку 1864 г. служить ходъ всѣхъ прочихъ ярмарокъ послѣ нея; ни одна не отличалась излишнею бойкостью, но не было слышно и жалобъ на дурныя развязки: ярмарки Ирбитская, Харьковская, Кіевская, Крещенскія и Ростовская (великопостная) были, по общимъ отзывамъ, хороши, вслѣдствіе уступки въ цѣнахъ товаровъ (или, по крайней мѣрѣ, при уступкѣ). Нижегородская ярмарка 1864 г. разыгралась для внутренней промышленности и торговли *настоящимъ нулемъ, что и требовалось* какъ для настоящаго времени, такъ и для ближайшаго будущаго. Но мы можемъ, по крайней мѣрѣ, порадоваться завершенію (относимому нами преимущественно къ 1864 г.) нашего внутреннего промышленнаго кризиса и развязкѣ коммерческихъ затрудненій, сопровождавшихся банкротствами въ предыдущіе годы. Этой развязкѣ сопутствуетъ тишина

въ дѣлахъ, весьма благоприятная для затраты капита-
ловъ и возбужденія предприимчивости, необходимыхъ для
успѣховъ народнаго благосостоянія. Мы достигли, по край-
ней мѣрѣ, нѣкотораго равновѣсія въ фабричномъ производ-
ствѣ (не сельско-хозяйственномъ) и сбытѣ. Дальнѣйшее дви-
женіе дѣлъ будетъ зависеть отъ выгоднаго сочетанія многихъ
обстоятельствъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, и въ числѣ послѣд-
нихъ—преимущественно отъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ и
упроченія монетной единицы. Дальнѣйшія колебанія монет-
ной единицы могутъ произвести новыя потрясенія въ про-
мышленности.

Возвратимся къ хлопчато-бумажной фабрикаціи. Не мало
благоприятнымъ для нея условіемъ служатъ наши низкіе ино-
странные курсы, парализующіе ввозъ иностранныхъ хлоп-
чато-бумажныхъ тканей. Этотъ ввозъ, лишь весьма кратко-
временно усилившійся послѣ тарифа 1857 года, постепенно па-
далъ, такъ что съ одного милліона, въ 1856 г., таможенный до-
ходъ отъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій спустился, въ 1863 г., до
 $\frac{1}{2}$ милліона.* О конкуренціи иностранныхъ хлопчато-бумаж-
ныхъ тканей мыѣ на внутреннихъ рынкахъ совѣмъ не
слышно.

Въ числѣ обстоятельствъ, сопровождавшихъ хлопковый
кризисъ, одно можетъ имѣть въ будущемъ важныя послѣд-
ствія. Мы говорили о значеніи, которое приобрѣлъ для хлоп-
чато-бумажной фабрики средне-азиатскій хлопокъ. Этого
хлопка привозили къ намъ въ тридцатыхъ годахъ, когда
хлопчато-бумажная фабрикація уже имѣла большое развитіе,
только десятки тысячъ пудовъ (30 и 40 т.), а теперь его при-
возятъ сотни тысячъ; уже въ 1861 г. опредѣляли привозъ
приблизительно въ 200 т. п., а въ 1864 г. на одну только Ниже-
городскую армарку привезено было около 500 тыс. пуд. Преж-
де было невысказано работать изъ этого хлопка тѣ №№ пря-
жи и издѣлія, которыя выдѣлываются теперь: напримѣръ, не
такъ давно считалось невозможностью прясть изъ него основу,
а теперь нѣкоторые сорта тканей выдѣлываются изъ него

* По опубликованнымъ свѣдѣніямъ, привозъ хлопчато-бумажныхъ
издѣлій въ 1864 г. былъ еще меньше чѣмъ въ 1863 г., ибо, несмотря на
чрезвычайное вздорожаніе цѣмъ (по нѣкоторымъ товарамъ удвоив-
шился), всего завезено въ 1864 г. на 2 милліона руб., а въ 1863 г. на
1.700.000 руб.

цѣлкомъ, безъ всякой примѣси американскаго хлопка. * Хлопковый кризисъ послужилъ поэтому къ значительнымъ техническимъ усовершенствованіямъ въ нашей хлопчатобумажной фабрикаціи. Можно предполагать, что, по минованіи Сѣверо-американской войны, эта отрасль промышленности будетъ поставлена въ особенно благоприятное положеніе и должна получить еще большее развитіе. Азіятскій хлопокъ утвердился въ цѣнѣ и до американскаго кризиса продавался по 5 и 4 р. за пудъ и даже дешевле, тогда какъ въ послѣднее время доходилъ до 18 и даже 20; ** но онъ можетъ не только снизойти до прежнихъ цѣнъ, а даже обходиться еще дешевле ихъ, вслѣдствіе чрезвычайно расширившагося нынѣ производства хлопка въ Средней Азіи и болѣе тѣснаго сближенія съ нею нашихъ купцовъ, если только средне-азіятскіе правители не заразятся таможенными теоріями русскихъ протекціонистовъ и не будутъ налагать запрещенія на вывозъ своего хлопка. *** Вслѣдствіе нынѣшнихъ высокихъ цѣнъ этого хлопка нживаются не одни только продавцы ихъ въ Россіи (кромѣ Бухарцевъ и Хивинцевъ, торгуютъ имъ также русскіе купцы восточной Россіи, преимущественно Оренбургскіе и также касимовскіе Татары), а цѣлый рядъ торговцевъ, между которыми въ самой Азіи возбудилась страшная спекуляція на хлопокъ. Поэтому послѣдніе продавцы, закупивъ его сами по высокимъ цѣнамъ, терпятъ нынѣ большіе убытки отъ малѣйшаго пониженія цѣнъ. **** Въ ближайшемъ будущемъ (то-есть въ 1865 г.) должно ожидать реакціи въ приливъ къ намъ средне-азіятскаго хлопка. Но чтобы хлопокъ этотъ сдѣлался существеннымъ элементомъ нашей хлопчатобумажной фабрикаціи, необходимо чтобы онъ освободил-

* Во многихъ случаяхъ употребленіе азіятскаго хлопка въ пряжу и ткани еще до сихъ поръ екрывается фабрикантами и продавцами.

** Цѣны этого хлопка, равно какъ сорты и качества его, весьма разнообразны.

*** По нѣкоторымъ слухамъ, въ Коканѣ уже сдѣлана въ этомъ смыслѣ попытка съ 1865 г.; тамъ наши что выгодно въ вывозитъ издѣлія нежели земледѣльческія продукты. Вотъ какъ заразителны нѣкоторыя повѣія, которыя легко могли быть занесены въ Ташкентъ съ Макарія.

**** Такъ въ 1864 г. наши купцы (продавцы на ярмаркѣ) сами платили за хлопокъ въ Бухарѣ до 22 р. 75 к. за пудъ, а между тѣмъ онъ уже на ярмаркѣ упалъ ниже 20 р.

ся отъ тѣхъ неисчислимыхъ плутней, на которыя такъ дерз-
ки Азіятцы. * Эти плутни значительно повредили распро-
страненію у насъ азіятскаго хлопка. При развитіи прямыхъ
сношеній нашихъ фабрикантовъ съ средне-азіятскими кра-
ями, ** куда военныя экспедиціи открыли намъ теперь
широкій путь, и при вліяніи, чрезъ посредство наше, евро-
пейскихъ коммерческихъ понятій (только не протек-
ціонистскихъ) на азіятскіе обычаи, можно надѣяться, что
ввозъ къ намъ азіятскаго хлопка будетъ имѣть богатую бу-
дущность. Между прочимъ, желательно увеличеніе привоза
персидскаго (мазандаранскаго) хлопка, котораго волокно цѣ-
нится несравненно выше прочихъ привозимыхъ къ намъ азі-
ятскихъ сортовъ. *** Если, съ другой стороны, прежнія низкія
цѣны американскаго хлопка не скоро возстановятся даже и
послѣ мира, а можетъ-быть и никогда не возстановятся, то
положеніе отечественной фабрикаціи будетъ особенно вы-
годно, преимущественно для низкихъ и среднихъ категорій
бумажныхъ тканей, въ которыхъ можетъ господствовать азіят-
скій или, какъ его называютъ, *нашъ* хлопокъ, и которыя
(вслѣдствіе исчисленія размѣра таможенныхъ пошлинъ по
вѣсу, болѣе благоприятному для грубыхъ тканей чѣмъ для
тонкихъ) пользуются у насъ преимущественнымъ таможен-
нымъ покровительствомъ. Водвореніе въ нашей фабрикаціи
средне-азіятскаго хлопка важно еще въ томъ отношеніи, что
на западно-европейскихъ рынкахъ предвидятся въ ближай-
шемъ будущемъ (и можетъ-быть надолго, вслѣдствіе американ-
ской неурядицы) чрезвычайныя колебанія въ цѣнахъ на
хлопокъ. Слѣшкомъ крутыхъ колебаній, столь пагубныхъ
для фабрикаціи и торговли, мы можемъ, кажется, из-
бѣжать посредствомъ снабженій изъ Средней Азіи. Уже въ
концѣ 1864 г. и въ началѣ 1865 мы видѣли примѣръ благо-

* Обыкновенная примѣсь къ бухарскому и хивинскому хлопку
орѣшковъ есть еще наименьшая плутня. Доходило до того, что внутри
купъ находили напр. сѣдла и гвозди.

** Любопытно, что по различію этихъ краевъ для сбыта нашихъ
товаровъ (и именно бумажныхъ издѣлій), купцы называютъ Бухару
деревней въ сравненіи съ Коканскими владѣніями. Это наде-
житъ знать всѣмъ нашимъ торговцамъ: торговать съ Коканомъ выго-
днѣе чѣмъ съ Бухарой, если только сообщенными намъ свѣдѣнія вѣрны.

*** Сверхъ того, сдѣланы попытки возвращенія хлопка на Кавказѣ,
увѣнчавшіяся успѣхомъ; къ сожалѣнію, свѣдѣнія объ этомъ скудны.

дѣтельнаго дѣйствія запасовъ средне-азіятскаго хлопка, предотвратившихъ внезапное паденіе цѣны, которое неминуемо послѣдовало бы за пораженіями южныхъ армій въ Северо-Американскихъ Штатахъ. Но если можно надѣяться, что *наши* хлопокъ придастъ нѣкоторую самостоятельность хлопчато-бумажной промышленности, получившей у насъ столь непожѣрное развитіе, сколько-нибудь оправдаетъ излишнее покровительство, оказанное ей въ ущербъ другимъ гораздо болѣе естественнымъ отраслямъ отечественнаго производства, и освободить ее изъ-подъ чрезвычайной зависимости отъ чужестранныхъ обстоятельствъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ должно желать, чтобы развитіе хлопчато-бумажной фабрикаціи, очистившись отъ таможенныхъ привилегій, перестало угнетать другія отрасли народнаго труда и потому сопряжено было съ возможно-большими выгодами для всей массы потребителей. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что сближеніе съ Среднею Азіею важно для хлопчато-бумажнаго дѣла еще и въ томъ отношеніи, что оно можетъ расширить сбытъ нашихъ бумажныхъ издѣлій: въ Средней Азіи мы имѣемъ неоспоримое первенство по этому товару и лучше другихъ народовъ умѣемъ принаравливать его ко вкусамъ и привычкамъ Азіятцевъ. *

Здѣсь мѣсто упомянуть о торговлѣ красками, столь зависимою отъ хода набивной фабрикаціи. Краски вообще нѣсколько вздорожали сравнительно съ ярмаркой 1863 г.: такъ, марена съ 5 р. 25 к. за пудъ поднялась на 5 р. 65 к., индиго вздорожало около 10%. Кавказская марена получила огромное значеніе, и торговля ею въ послѣднія десять лѣтъ испытала много тревожныхъ, частію связанныхъ съ общимъ ходомъ дѣла, частію происшедшихъ отъ нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ этого товара. Необходимость четырехлѣтняго періода для ея воздѣлыванія и обработки и дальнее разстояніе мѣста производства отъ нашихъ мануфактурныхъ рынковъ чрезвычайно способствовали захвату этого товара въ одніи руки и спекуляціи на него, достигшей крайняго своего развитія на Нижегородской ярмаркѣ 1857 г. На этой ярмаркѣ цѣна марены была поднята до 15 и даже 17 руб. сер. за пудъ (то-есть болѣе тройной нынѣшней цѣны), тогда какъ передъ ярмаркой она покупа-

* Какъ она прихотлива и упряма, можетъ служить примѣромъ, что для нихъ непременно надо готовить ткани извѣстной ширины (узкія). Таковы *бязь* и *даби*, идущія туда отъ насъ въ огромныхъ количествахъ (изъ Владимирской и особенно Костромской губерній).

лась и была закуплена въ однѣ руки въ Дербентѣ по 6 руб. сер. (и тотчасъ же поднялась до 11 руб.). Вслѣдствіе этого, въ Дербентѣ всѣ бросились на воздѣлываніе марены, такъ что трудно было отыскать работника или слугу. Но скоро произошелъ кризисъ какъ всегда бываетъ съ достиженіемъ крайняго предѣла спекуляціи: цѣны вдругъ упали до 10 руб. на ярмаркѣ же 1857г., когда главный продавецъ рѣшился раздѣлаться съ захваченными запасами, и съ тѣхъ поръ паденіе цѣны на марену до 1864 г. не останавливалось, и особенно усилилось съ хлопковымъ кризисомъ. Но можно ли видѣть въ этой исторіи дѣйствіе одной только случайной личной спекуляціи? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта спекуляція была чрезвычайно поощрена крайнимъ возбужденіемъ нашей промышленности, именно около 1857 г., и даже только благодаря ему была возможна. Чтобы покончить съ красками, замѣтимъ кстати, что особенно бойко шла синяя краска, индиго, которая въ большомъ количествѣ закупается крестьянами для собственныхъ ихъ издѣлій (нитокъ, пестряди, и проч.), въ особенности съ тѣхъ поръ какъ вздорожалъ хлопокъ.

Хлопчато-бумажный кризисъ имѣлъ важное вліяніе на всѣ сродственные отрасли товаровъ и въ особенности на льняное дѣло, для котораго онъ былъ благодѣтеленъ. Льняной товаръ всѣхъ разборовъ былъ изъ числа самыхъ счастливыхъ товаровъ на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. До какой степени льняная наша фабрикація, когда-то, еще въ началѣ XIX столѣтія, столь блистательная и потомъ совершенно упавшая, подавлена хлопчато-бумажною, доказывается быстрымъ пробужденіемъ ея, вмѣстѣ съ дороговизной хлопка, въ настоящее время. Нѣтъ, конечно, отрасли отечественной промышленности заслуживающей теперь большаго вниманія какъ льняная. Несмотря на самыя естественныя условія процвѣтанія въ Россіи, она ничтожна сравнительно съ хлопчато-бумажною. Объ этомъ можно приблизительно судить по отношенію цифръ привоза на Нижегородскую ярмарку: всѣхъ издѣлій льняныхъ и пеньковыхъ было на сумму около 3 милл., а бумажныхъ до 15 милл. Чтобы нынѣшнее оживленіе льняной фабрикаціи, проистекающее отъ возвышенія цѣны на всѣ ея издѣлія, имѣло прочную будущность, само собою разумѣется, необходимо знать, можетъ ли она процвѣтать при цѣнахъ менѣе возвышенныхъ, то-есть такихъ, которыя могли бы, какъ нынѣ, конкурировать съ цѣнами бумажныхъ издѣлій, при

будущем удешевленіи хлопка, которое, какъ мы говорили, по всей вѣроятности, будетъ весьма значительное. Цѣны на льняныя издѣлія возвысились особенно сильно въ 1864 г.; до сентября 1863 г. возвышенія почти не было, по всей вѣроятности, потому что бумажныя издѣлія до того времени еще не вздорожали до той степени, чтобы льняныя ткани, вообще болѣе дорогія, могли съ ними соперничать въ употребленіи. * На Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. льняная пряжа (механическая) вздорожала въ сравненіи съ эпохой до американскаго кризиса ** приблизительно на 40% и до 43%. Полотна вздорожали позже и менѣе, однако, отъ 30% до 40%. Холсты и вообще грубыя крестьянскія льняныя ткани вздорожали, сколько мы замѣтили, сильнѣе полотня, по всей вѣроятности, вслѣдствіе замѣны бумажнаго товара холщевымъ въ простомъ народѣ. Всего же менѣе вздорожалъ ленъ съ 1863 г.—не болѣе 20%, какъ намъ объясняли, вслѣдствіе значительнаго увеличенія производства льна въ послѣдніе годы, преимущественно крестьянами. Но независимо отъ послѣдняго обстоятельства, въ неравномѣрности возвышенія цѣнъ на льняную пряжу и на ткани выражается явленіе, однородное съ тѣмъ, которое мы уже замѣтили въ хлопчато-бумажномъ дѣлѣ, то-есть слабость спроса и сбытовъ. Фабричныя льняныя издѣлія давно вытѣсненныя, въ категоріи дешевыхъ нарядовъ, бумажными, вообще составляютъ предметъ болѣе роскоши и требуютъ для возрастанія своего сбыта болѣе успѣховъ народнаго благосостоянія нежели хлопчато-бумажныя; обширный сбытъ льняныхъ издѣлій обуславливается успѣхами воспитанія, комфорта и опрятности въ народѣ. Нельзя удивляться слабому спросу на льняныя из-

* Удивительный экономистъ одного петербургскаго журнала (см. *Торговый Сборникъ* 1865 г. № 15) полагаетъ, что между бумажными и льняными издѣліями нѣтъ конкуренціи, что каждый товаръ удовлетворяетъ особой потребности. Тотъ же писатель полагаетъ, что развитіе нашей льняной фабрикаціи въ послѣднее время произошло отъ открытія какихъ-то новыхъ машинъ (?!). Съ такими-то куріозными понятіями, о которыхъ достаточно упомянуть мимоходомъ, выступаютъ у насъ нѣкоторые люди въ борьбу съ положеніями экономической науки!

** Напр., пудъ пряжи, стоившій на ярмаркѣ 1863 г. 12 р., продавался въ 1864 г. по 17¹/₂ р. По другимъ показаніямъ, нѣкоторые NN пряжи (преимущественно толстой) подыались съ 1863 г. до 50%.

дѣла, когда простыня, наволочка, салфетка составляютъ диковинку не въ одномъ такъ-называемомъ простомъ народѣ, когда постельное бѣлье съ трудомъ можно достать (значитъ не требуется публикой) въ лучшихъ губернскихъ и даже многихъ столичныхъ гостиницахъ, когда, напримѣръ, намъ случилось обходиться безъ этой еще заморской принадлежности ночлега въ многэтажныхъ, наполненныхъ шелковою мебелью и бронзою, роскошныхъ купеческихъ домахъ. Съ другой стороны, конечно, распространение въ массахъ употребленія бѣлья обуславливается, въ свою очередь, его дешевизной; хлопчато-бумажные фабрикаты какъ у насъ, такъ и въ Европѣ перешли изъ высшихъ слоевъ въ низшіе и получили такое громадное употребленіе, именно вслѣдствіе своей дешевизны, съ которою не могли соперничать никакія другія прядильныя вещества. Вслѣдствіе дешевизны даже въ бѣльѣ,—въ этой области льна по преимуществу,—бумажныя ткани стали въ послѣднее время какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ вытѣснять льняныя и пеньковыя; желательно, чтобы то же явленіе не возникло и у насъ. Льняныя издѣлія имѣютъ передъ бумажными неоспоримое превосходство *прочности*, значительно парализующей ихъ дороговизну; но въ недостаточныхъ классахъ эта относительная выгодность льнянаго товара большею частію ступшевывается передъ печальною необходимостью затратить на болѣе прочную вещь *болѣе значительный наличный капиталъ*, котораго не имѣется; сверхъ того, льняной товаръ имѣетъ въ сравненіи съ бумажнымъ то важное неудобство въ торговлѣ, что первый вообще тяжелѣе втораго. Это неудобство особенно чувствительно въ Россіи, при нашихъ способахъ перевозки. Какъ на любопытный примѣръ, относящійся къ этому важному для насъ современному вопросу о соперничествѣ льна и хлопка, мы укажемъ на слѣдующій фактъ. Однимъ значительнымъ ситцевымъ фабрикантомъ (Я. П. Гарелинымъ изъ с. Иванова) былъ въ первый разъ пущенъ въ продажу на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. новый придуманный имъ, вслѣдствіе дороговизны хлопка, товаръ—*набивной холстъ*. Это ситецъ, отпечатанный по самому обыкновенному крестьянскому холсту, или прежняя *набойка*, которая была такъ распространена въ нашемъ народѣ до введенія дешевыхъ хлопчато-бумажныхъ тканей, съ тою только разницею, что новая набойка отпечатана механически, а прежняя ручною работою. Это новая матерія (10-ти вершковъ ширины) идетъ

въ продажу (оптомъ) по 15 к. аршинъ (на наличный деньги 14 к.); холстъ, плущій на выдѣлку этой матеріи, платится крестьянамъ по 11 к. аршинъ (до хлопковаго кризиса онъ стоилъ только 8 к.), * остальные 3 к. полагаются на выдѣлку. Крестьянская рубашка изъ такой набойки (8 арш.) обошлась бы до 1 р. 20 к., а изъ соответствующаго ей ситца (5 арш. по 19 к.)— 95 к. Стало-быть, льняная ткань обошлась бы на 26% дороже бумажной; разница въ цѣнѣ значительная, но прочность первой по меньшей мѣрѣ вдвое больше второй, а насъ удосто- вѣряли, что—даже втрое и вчетверо. Наружный видъ (вслѣд- ствіе шероховатости холста) ситцовой рубашки нѣсколько красивѣе холщевой, но чѣмъ болѣе носилась и мылась бы первая, тѣмъ это превосходство дѣлалось бы незамѣтнѣе. Этотъ новый, весьма интересный товаръ, привезенный въ весьма маломъ количествѣ на ярмарку, былъ весь распро- данъ. Спрашивается: какая ожидаетъ его будущность съ из- мѣненіемъ обстоятельствъ? Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, онъ можетъ, по минованіи хлопковаго кризиса (вслѣд- ствіе возвращенія холста къ болѣе нормальнымъ цѣнамъ), уде- шевиться; но тогда же можетъ удешевиться, и притомъ въ гораздо большей степени, и ситецъ. Не возбудитъ ли новый товаръ воспоминанія въ народѣ о прежней когда-то столь любимой набойкѣ? Не покажется ли ему весьма выгоднымъ и сподручнымъ замѣнить покупку ситца пропускомъ на ва- лахъ (у фабрикантовъ) своего собственнаго холста, который, при длинныхъ зимахъ и вечерахъ, достается его семьи почти даромъ? Отъ другихъ фабрикантовъ, на ярмаркѣ же, мы слы- шали, что подобный набивной холстъ, но гораздо болѣе гру- бой выдѣлки (по 8 к. аршинъ), совсѣмъ не пошелъ въ ходъ. Чтобы пополнить сравненіе цѣнъ льняныхъ и бумажныхъ издѣлій, прибавимъ, что полотно (въ 25 к. аршинъ), стало идти въ продажу (сколько намъ извѣстно, въ Азію) на мѣ- сто *бязи* (въ 20 к. арш.), вслѣдствіе ея чрезвычайно

* Изъ этого можно заключить, что холстъ вздорожалъ во время хлопковаго кризиса болѣе чѣмъ на 37%; эта цифра приблизительно соответствуетъ вышепоказанному нами проценту вздорожанія льня- ныхъ издѣлій. О другихъ низкихъ сортахъ холста намъ показывали гораздо сильнѣйшее вздорожаніе: съ 3¼ до 6 коп. на аршинъ. Льня- ная пестрядь на ярмаркѣ 1863 г. продавалась по 10 к. аршинъ, а на ярмаркѣ 1864 г.—12½ к. (тутъ вздорожаніе только на 25%).

плохой вывѣшенной выдѣлки. Здѣсь разниця въ цѣнѣ прибли- зительна та же—25%.

Итакъ, льняное дѣло вращается пока между двумя взаимно противорѣчащими условіями: съ одной стороны, желательно чтобы цѣны на льняныя издѣлія были довольно высоки, съ тѣмъ чтобы привлечь возможно болѣе капиталовъ къ этому дѣлу, страдающему у насъ отъ недостаточной затраты капиталовъ; съ другой стороны, желательно чтобы цѣны были довольно низки, дабы привлечь къ этому товару массы недостаточныхъ классовъ. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ: чтобы судить въ какой степени нынѣшнія цѣны на льняной товаръ выгодны для фабрикантовъ и нормальны (то-есть соотвѣтствуютъ расходамъ производства и общему уровню прибылей въ другихъ фабричныхъ отрасляхъ), нужно было бы знать, насколько дороговизна льняныхъ издѣлій обуславливается общимъ высокимъ уровнемъ всѣхъ нашихъ цѣнъ (то-есть дешевизною денегъ), и насколько она обуславливается хлопковымъ кризисомъ (то-есть возможностью, открывшеюся для фабрикантовъ, независимо отъ стоимости товара, получать болѣе чѣмъ прежде барышъ). Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать, чтобы льняные фабриканты неувлекались случайно выгоднымъ положеніемъ, а воспользовались нынѣшнимъ хлопковымъ кризисомъ для возможно большаго расширенія своихъ сбытовъ и распространенія своего товара, посредствомъ его удешевленія, въ массѣ народа, который въ своемъ обиходѣ туго держится привычнаго товара и небыстро его мѣняетъ. Возможно большее замѣщеніе нынѣ бумажныхъ тканей полотняными и холщевыми въ высшей степени желательно.

Трудная задача соединенія хорошихъ барышей для производителей съ дешевизной и общедоступностью льняного товара преимущественно разрѣшается нынѣ механическимъ (паровымъ) льнопряденіемъ и льноткачествомъ. Успѣхи этой отрасли произведенія, столь у насъ слабой, весьма замѣтны въ самое послѣднее время, и ими мы обязаны главнѣйшимъ образомъ хлопковому кризису. Наши фабрики этого рода, еще весьма малочисленные и возникшія почти всѣ въ недавнее время (въ Ярославлѣ, Костромѣ, Нерехтѣ, Вязникахъ, сверхъ того, одна въ Москвѣ, и, какъ слышно, устраиваются и новыя) значительно увеличили свою выработку. Нельзя не привѣтствовать усилія главныхъ дѣятелей этой отрасли: гг. Сеньковыхъ, Де-

мидова, Хлудова, Брюханова, Зотова и Дьяконовых, какъ усилія въ пользу дѣла не только промышленнаго, но и вполне патриотическаго. Замѣчательно, что на всѣхъ этихъ фабрикахъ механическое *льнопряденіе* значительно господствуетъ надъ *льноткачествомъ*; нѣкоторыя изъ этихъ фабрикъ занимаются нынѣ даже исключительно пряденіемъ, покинувъ ткачество. Получаемая пряжа покупается въ огромномъ количествѣ крестьянами для ручной выдѣлки полотень и совершенно вытѣснила ручную пряжу; что же касается до механическихъ полотень, вырабатываемыхъ на фабрикахъ, то они идутъ весьма туго, съ трудомъ конкурируя съ ручнымъ ткачествомъ, столь распространеннымъ въ губерніяхъ, гдѣ находятся упомянутыя фабрики. На Нижегородской ярмаркѣ всего лучше шли среднія, такъ-называемыя *рошныя* полотна, выдѣланныя на ручныхъ станкахъ. Въ высшихъ сортахъ наши полотна не выдерживаютъ конкуренціи съ иностранными, по показанію фабрикантовъ, будто бы единственно вслѣдствіе предубѣжденія публики (?). Поэтому, между прочимъ, и указывается нѣкоторыми на необходимость воспитать публику посредствомъ запретительнаго тарифа.

Вопросъ о льняной фабрикаціи въ особенности интересуется наше сельское хозяйство, въ связи съ которымъ она приобретаетъ у насъ всеобщее государственное значеніе. Здѣсь интересы фабрикантовъ удивительнымъ образомъ согласуются съ интересами собственно помѣщичьяго хозяйства. Мы производимъ много льна, составляющаго одинъ изъ главныхъ нашихъ вывозныхъ товаровъ; по натуральнымъ своимъ качествамъ, нашъ ленъ признается даже выше иностраннаго. Между тѣмъ наша выдѣлка такъ плоха, что фабриканты не только употребляютъ иностранный ленъ, но едва ли не находятъ даже выгоднѣе прядь изъ англійскаго льна, который имъ обходится 8 р. пудъ, чѣмъ изъ русскаго, за который платятъ 4 р. Въ то время какъ изъ пуда нашего льна вырабатывается только 15% тонкой пряжи (остальное угаръ или *очески*), изъ англійскаго и бельгійскаго вырабатываютъ отъ 20% до 25% пряжи. При лучшей выдѣлкѣ нашего льна, фабриканты согласились бы платить за него гораздо болѣе высокія цѣны чѣмъ теперь. Въ усовершенствованной выдѣлкѣ этого продукта заключается для нашего помѣщичьяго хозяйства одно изъ лучшихъ средствъ возвысить цѣнность

своихъ произведеній, и притомъ возвысить ко всеобщей пользѣ потребителей и всей страны, въ то самое время, когда помѣщичье хозяйство именно угнетается отъносительно дешевой своихъ продуктовъ и конкуренціей крестьянскаго хозяйства; послѣднее, нынѣ по преимуществу доставляющее лень фабрикантамъ, не можетъ, однако, улучшить выдѣлку льна, по крайней мѣрѣ, не можетъ безъ содѣйствія и примѣра со стороны помѣщичьяго хозяйства. Изъ приведенныхъ цифръ можно также заключить насколько, при улучшенной выдѣлкѣ льна, можетъ возрасти и по цѣнѣ, и по количеству производство этого товара какъ вывозной статьи. * Неужели помѣщики выпустятъ изъ своихъ рукъ это дѣло, въ самую выгодную его пору? Между тѣмъ, по отзывамъ фабрикантовъ, это дѣло пока болѣе удается крестьянамъ чѣмъ помѣщикамъ, которые „горячо за него принимались, а потомъ кидали.“

Изъ всего сказаннаго нами о льняномъ дѣлѣ ** можно, кажется, вывести то общее заключеніе, что вообще излишнее вздорожаніе льняныхъ издѣлій было бы большимъ препятствіемъ для успѣховъ у насъ этой отрасли, и что поэтому всего менѣе можетъ быть желательно призываемое многими усиленіе таможеннаго покровительства для льняной фабрикаціи, которое, безъ сомнѣнія, содѣйствовало бы поддержанію дороговизны льняныхъ издѣлій. ***

Теперь упомянемъ объ остальныхъ двухъ прядильныхъ товарахъ — *шерсти и шелку*.

Торговая шерстянымъ товаромъ, какъ извѣстно, также значительно оживилась со вздорожаніемъ хлопка. Это отозвалось и на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г., несмотря на значительный на нее привозъ шерстяныхъ издѣлій (сравнительно съ 1863 г.). Особенно хорошо шли сукна, которыя преимущественно передъ другими товарами закупались для Кяхты. Сбытъ *пласа*, въ прежнее время одного изъ важнѣйшихъ кях-

* Всего болѣе славится у насъ лень Псковской губерніи, въ значительномъ количествѣ идущій даже на фабрики Ярославской и Владимирской губерніи. Сколько намъ извѣстно, псковской лень обязанъ своимъ превосходствомъ главнымъ образомъ помѣщичьему хозяйству, а не крестьянскому.

** Срав. статью г. Овсянникова о льняномъ дѣлѣ въ *Нижегородскомъ Ярмарочномъ Листкѣ* № 18, 1864 г.

*** Срав. передовую статью *Московскихъ Вѣдомостей* 1865 г. № 40.

тинскихъ товаровъ, а нынѣ одного изъ злополучнѣйшихъ, былъ слабый. При этомъ, несмотря на умѣренное (относительно хлопка) вздорожаніе свое, съ начала кризиса на 41%, а съ ярмарки 1864 г. на 25%, плюсъ чрезвычайно вздорожалъ сравнительно съ сукномъ, идущимъ въ Кяхту, которое возвысилось въ цѣнѣ лишь на 3%. * Конечно, не всѣ шерстяныя издѣлія такъ слабо вздорожали; однако, по всѣмъ отзывамъ, они вздорожали весьма умѣренно сравнительно съ бумажными, которыя они отчасти стали замѣнять. Такъ какъ шерстяныя издѣлія удовлетворяютъ вообще условіямъ болѣе изысканной одежды и потребностямъ болѣе достаточныхъ классовъ, то не выражается ли и въ умѣренномъ вздорожаніи ихъ всеобщая слабость нашихъ бытовъ и потребленія (въ особенности въ высшихъ классахъ), оживившихся единственно вслѣдствіе относительной дешевизны этихъ издѣлій? По крайней мѣрѣ цѣны на сырую шерсть возвысились въ 1864 г. значительно сильнѣе чѣмъ не обдѣланный шерстяной товаръ, и едва ли можно приводить для этого факта весьма ходячее у насъ объясненіе (приводившееся и для сравнительно слабыхъ цѣнъ на ситцы въ 1862 и 1863 гг.), что обдѣланный шерстяной товаръ изготовляется изъ прежнихъ, болѣе дешевыхъ запасовъ шерсти: подобное объясненіе движенія цѣнъ совершенно противорѣчитъ какъ здравому практическому смыслу, такъ и основному экономическому закону образованія цѣны изъ отношенія предложенія къ спросу. Мы весьма сожалѣемъ, что не могли собрать точныхъ данныхъ о движеніи цѣнъ на шерсть, которыя, впрочемъ, устанавливаются на украинскихъ ярмаркахъ (въ Харьковѣ), а не на Нижегородской, гдѣ торговля сырою шерстью не играетъ никакой роли. Шерсть испытала у насъ въ послѣдніе годы, послѣ Восточной войны, много переворотовъ, весьма крутыхъ и весьма любопытныхъ. Сколько намъ извѣстно, цѣны на шерсть вообще значительно оживились въ 1864 г., но поднялись весьма не одинаково для разныхъ сортовъ (всего выше идущіе за границу), такъ что нѣкоторые даже вовсе не вздорожали. Отпускъ за границу, въ сравненіи съ 1863 г., не могъ не усилиться подъ вліяніемъ паденія курса и измѣнившихъ

* Вообще исчисляють вздорожаніе шерстяныхъ издѣлій на ярмаркѣ 1864 г. отъ 10% до 15%, а сырой шерсти около 25% (смотря по сортамъ). Но за эти послѣднія данныя, не нами собранныя, мы не ручаемся.

ся денежных обстоятельств, но усилилася въ довольно незначительной степени (съ 1.142.000 пуд. до 1.383.000). Нынѣшнее (съ 1864 г.) возвышеніе цѣнъ на шерсть послѣдовало послѣ весьма крутого ихъ паденія на украинскихъ ярмаркахъ въ 1862 г.; но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что цѣны на шерсть, подѣ влияніемъ спекуляціи, непомѣрно возвысились на украинскихъ рынкахъ послѣ Восточной войны. Этимъ-то ненормально высокимъ уровнемъ, съ которымъ обыкновенно сравниваютъ нынѣшнія цѣны, и должно, кажется, объяснить слабость возвышенія, сравнительно съ вздорожаніемъ хлопка и съ паденіемъ вексельныхъ курсовъ.

Торговля *шелкомъ* на ярмаркѣ весьма характеристична по отношенію къ общему положенію нашихъ дѣлъ. Шелкъ, какъ извѣстно, подѣ вліаніемъ различныхъ причинъ, весьма вздорожалъ на всемірныхъ рынкахъ; шелкъ-сырецъ (бухарскій) поднялся на ярмаркѣ 1864 до 200 р. и болѣе за пудъ съ 140—150 р. въ 1863 г. (то-есть болѣе чѣмъ на 42%). Несмотря на такое вздорожаніе матеріала, постоянно усиливавшееся, шелковые и золотокружевные издѣлія, составляющія потребленіе исключительно достаточныхъ классовъ (хотя бы въ томъ числѣ и богатыхъ крестьянъ въ мануфактурныхъ губерніяхъ) и вообще предметъ роскоши, возвысились въ цѣнѣ сравнительно съ 1863 г. лишь на 10 % и шаш, несмотря даже на эту относительную дешевизну (въ особенности сравнительно съ бумажнымъ товаромъ), очень тихо. Это заслуживаетъ вниманія. Золотокружевные издѣлія не могли даже подняться соразмѣрно съ вздорожаніемъ золота и серебра. Сокращеніе потребленія и сбытовъ замѣчается въ этой отрасли болѣе чѣмъ въ какой-либо другой.

Переходимъ къ одной изъ важнѣйшихъ и болѣе спеціальной отрасли Макарьевского торгова—къ *яхтинской чайной торговлѣ*, когда-то считавшейся самою главною и господствующею на ярмаркѣ статьей. Мы не можемъ изложить здѣсь всего хода этой торговли, чрезвычайно сложной и обширной, и всѣхъ многостороннихъ вопросовъ ею затрогиваемыхъ; * мы по-

* Желающимъ ближе ознакомиться съ этимъ предметомъ, мы можемъ рекомендовать обширный трудъ бывшаго управляющаго яхтинскою таможней, Н. К. Крита, — *Матеріалы для обсу жденія вопроса о чайной торговлѣ*, Спб. 1864 г. Также его: *Будущность яхтинской торговли*. Спб. 1872 г. Также срав. А. Корсака: *Истори-*

отараемся только представить бѣглый очеркъ кяхтинскихъ чайныхъ оборотовъ, преимущественно въ отношеніи къ общему положенію дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ укажемъ на нѣкоторыя своеобразныя и малоизвѣстныя публичкѣ черты этого дѣла, возбуждающаго нынѣ столько разнорѣчивыхъ у насъ толковъ.

Съ 1862 г., когда былъ дозволенъ ввозъ кантонскаго чая, то-есть чая привозимаго къ намъ моремъ чрезъ западную Европу, болѣе чѣмъ вѣковой * кяхтинскій чайный торгъ вступилъ въ кризисъ, до сихъ поръ окончательно еще не разрѣшившійся; этотъ кризисъ порождаетъ какъ въ нашемъ коммерческомъ мірѣ, такъ даже и въ журналистикѣ много споровъ и ожесточенія. Для безпристрастнаго изслѣдователя очевидно, что съ обѣихъ сторонъ, какъ защитниками, такъ и противниками упомянутой государственной мѣры, было высказано много ошибочныхъ и до крайности преувеличенныхъ взглядовъ. ** Вся наша кяхтинская чайная торговля основана, говорятъ одни, только на невѣжествѣ, рутинѣ и обманѣ; она существуетъ единственно для личныхъ выгодъ нѣсколькихъ торговцевъ, захватившихъ ее въ свои руки и по своему произволу назначающихъ цѣны на чай; она никакъ не можетъ устоять при успѣхахъ отечественнаго просвѣщенія, и даже желательно чтобъ она какъ можно скорѣе рушилась. Нѣкоторые прибавляютъ, что она уже и пала окончательно со ввозомъ кантон-

ческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Казань 1857 г.; П. Овсянникова: *Нижегородская ярмарка* (ст. I въ *Библиотекѣ для Чтенія* 1865 года № 1). Въ основаніе нашего изложенія кяхтинской торговли легли почти исключительно данныя, нами лично собранныя (исключая мѣсть, въ которыхъ сдѣланы нами указанія на чужіе источники), хотя мы постоянно справлялись и съ другими данными.

* Началомъ этого торга должно признать трактатъ русскаго правительства съ китайскимъ, заключенный въ 1728 г. и открывшій для торговли нашей два пограничные пункта: Кяхту и Цурухайту.

** Какъ на образецъ этого рода полемики мы можемъ указать на „Кризисъ Кяхтинской торговли“ (*Нижегородскій Ярмарочный Листокъ* 1861 г. №№ 19, 20 и 21) и возраженія на эту статью А. П. Шипова (тамъ же № 24 и друг.); сверхъ того, недавно появилась въ *Библиотекѣ для Чтенія* 1865 г. № 1 статья того же автора и въ томъ же духѣ безусловной вражды къ дозволенію ввоза такъ-назымаемаго кантонскаго чая.

скаго чая, съ которымъ кяхтинскій, ни на что выгодный и теряющій свой ароматъ, вслѣдствіе небрежной перевозки, соперничать не можетъ. Въ доказательство рутинны и невѣжества приводятъ, между прочимъ, даже и то, что русскіе купцы не покидаютъ Кяхты, и не обращаются къ гораздо болѣе выгоднымъ мѣновымъ пунктамъ около западной границы Китая, тогда какъ, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ торговыми путями Китая и съ географическими и политическими ихъ условіями, сомнительна даже возможность развитія нашей торговли на западной границѣ Китая, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. * Въ доказательство своекорыстія русскаго купечества, торгующаго въ Кяхтѣ чаемъ, приводится, между прочимъ, дороговизна русскихъ товаровъ, обвиняемыхъ на чай; русское купечество обвиняется, что оно не улучшило судоходства на Ангарѣ и Енисеѣ, и даже, что не заводитъ въ Сибири, (вмѣсто Московской и Владимірской губерній), фабрикъ для снабженія Китая русскими товарами, и прочее и прочее. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство увѣщивается какъ можно скорѣе покончить съ кяхтинскою чайною торговлей и съ извлеченіемъ какого бы то ни было таможеннаго дохода изъ пошлинъ на чай, которыя оно должно замѣнить прямымъ налогомъ или увеличеніемъ питейнаго акциза и т. п. Не менѣе, конечно, ошибочны странны воззрѣнія, возглашаемыя нѣкоторыми поборниками и противоположной стороны, и можетъ-быть всего ошибочнѣе ихъ борьба ** противъ понятій, подобныхъ вышеизложеннымъ, какъ противъ понятій науки и экономистовъ, къ рядамъ которыхъ нельзя же, какъ бы они того ни желали, причислять людей, печатающихъ всякій вздоръ во имя науки торговли. *** Въ

* См. любопытную и прекрасную статью Н. К. Крива о торговых путяхъ изъ Китая въ Россію (въ извѣстіяхъ *Императорскаго Русскаго Географическаго Общества* 1865 г. № 2). Здѣсь, между прочимъ, доказывается, что Кяхта нынѣ самый удобный и выгодный для насъ торговый пунктъ на границахъ Китая.

** Напримѣръ, см. приведенныя выше статьи г. Шипова.

*** Что касается до людей официально и спеціально занимающихся политическою экономіей, и въ то же время не только проповѣдующихъ самыя превратныя о ней понятія, но даже уподобляющихъ экономистовъ (за начала свободы торговли) мятежнымъ Полякамъ и демагогамъ, и причисляющихъ, во всеуслышаніе, Тюрго и Буля къ протекціонистамъ (см. *Торговый Сборникъ* 1875 г. № 19 „Еще нѣ-

параллель взятымъ выше примѣрамъ, и въ лагерѣ противниковъ кантонскаго чая раздаются не менѣе удивительныя рѣчи въ родѣ слѣдующихъ: Удешевленіе чая, какъ и всякаго другаго товара, вовсе не есть благо для народа, которому все равно платить 2 р. или 1 р. с. за фунтъ чая; гораздо важнѣе такого удешевленія чая умноженіе количества рабочихъ рукъ, употребляемыхъ для чайной торговли, ямщиковъ между Китаемъ и Москвою, числа работниковъ на фабрикахъ, производящихъ товары для Китая и т. д.; кантонскій чай вреденъ для Россіи, потому что въ обмѣнъ на него идетъ наша звонкая монета, а кяхтинскій чай полезенъ, потому что мы уплачиваемъ за него товарами; притомъ, кяхтинскими чаями торгуетъ русское купечество, а кантонскими иностранное. Таковы главные аргументы высказываемые противъ дозволенія ввоза кантонскаго чая и въ пользу искусственнаго покровительства кяхтинской торговлѣ. Разсуждая такимъ образомъ, какъ будто нарочно умышленно, что и въ Кяхту идетъ звонкая русская монета, а иногда пла даже преимущественно передъ товарами, и что въ обмѣнъ на кантонскіе чай, какъ на всякіе иностранные товары, идетъ русскій товаръ; что кантонскіе чай выписываютъ такіе же коренные русскіе купцы какъ кяхтинскіе торговцы, и что нынѣ нѣтъ русскаго чайнаго торговца (считая въ томъ числѣ и всѣхъ прямыхъ участниковъ кяхтинскаго торгова), который бы не торговалъ кантонскимъ чаемъ. Наконецъ, говорились и печатались даже и такія диковинки, будто бы съ пониженіемъ таможенныхъ пошлинъ усиливается контрабанда, и будто бы ввозъ кантонскихъ чаевъ увеличилъ на западной нашей границѣ контрабанду, отъ которой преимущественно страдаетъ кяхтинская торговля.

Безпристрастный и здравый экономическій взглядъ на это дѣло долженъ установить иныя о немъ понятія. Не очевидно ли, что было бы безразсудно и легкомысленно пренебречь развитіемъ и можетъ-быть даже всею судьбою такой важной отрасли нашей народной дѣятельности какъ кяхтинская торговля, связывающая интересы нашей промышленности и просвѣщенія съ интересами все болѣе и болѣе подпадающаго

сколько словъ и проч.), то о подобныхъ куріозахъ стоить упомянуть лишь для полноты представленной нами выше картины политики о кяхтинской и свободной международной торговлѣ.

нашему вліянню азіатскаго материка, и равнодушно видѣть истощеніе этой живой жилы, проникающей изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ Россіи на внутренніе рынки Китая, въ эпоху можетъ-быть важнѣйшихъ его историческихъ переворотовъ, въ эпоху всеобщихъ усилій Европейцевъ овладѣть китайскою торговлей. Точно также было бы безразсудно пребречь потрясеніемъ и гибелью сотенъ и можетъ-быть тысячъ милліоновъ капиталовъ и труда, прямо или косвенно затраченныхъ на обороты кяхтинской торговли. Но, съ другой стороны, не менѣе легкомысленно было бы забыть весьма существенные интересы потребителей, то-есть всего народонаселенія Россіи, массъ котораго до сихъ поръ доступна только одна роскошь — водка, и пожертвовать въ пользу одной отрасли торговли не менѣе почтенными интересами другихъ ея отраслей, связывающихъ насъ съ западною Европой, въ которой мы не менѣе нуждаемся чѣмъ въ Китаѣ, а также интересами государственныхъ финансовъ, для которыхъ пошлинный доходъ составляетъ весьма существенную статью, способную значительно возрасти при пониженіи пошлинъ. Говорить, по поводу нѣкоторыхъ злоупотребленій, что дѣлая организація вѣковой международной торговли основана на однѣхъ плутняхъ, значитъ судить слишкомъ идеалистически о торговомъ дѣлѣ и не знать исторію, которая не только у насъ, но и на всемъ земномъ шарѣ совершала величайшія нравственныя завоеванія, пересаждала всемірную цивилизацію съ одного континента на другой и переходила океаны съ помощью коммерческихъ предпріятій, равно въ такой же мѣрѣ возвышенныхъ и чистыхъ какъ наша кяхтинская торговля (припомнимъ колоніальную политику западной Европы); въ особенности мы не должны забывать, что въ исторію нашихъ отношеній къ Азіи торговля играетъ роль одну изъ главныхъ.

Но очевидно также, что кяхтинская торговля должна стоять на своихъ ногахъ, и тогда только можетъ имѣть цѣну для народной жизни, когда не поддерживается искусственными привилегіями въ ущербъ другимъ сторонамъ жизни. Во всякомъ случаѣ, при обсужденіи вопросовъ, относящихся до этой торговли, должны быть строго взвѣшены многосторонніе государственные и народные интересы, ею обусловленные: интересы непосредственныхъ участниковъ торга, русскихъ купцовъ Сибири и внутренней Россіи, про-

мысленниковъ-Сибиряковъ, которыхъ товары (пушныя) привозятся въ Россію вмѣстѣ съ чаемъ, интересы фабрикантовъ, работающихъ на Кяхту, и рабочаго класса на ихъ фабрикахъ, интересы потребителей и, наконецъ, казны. Каждый изъ этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ интересовъ имѣетъ право на уваженіе и охраненіе при измѣненіи таможенной системы, которая нынѣ, однакоже, должна неуклонно уступать требованіямъ времени и стремиться къ возможно большому устраненію всякихъ стѣсненій международной торговли и къ возможно большому возрастанію обмѣновъ (какъ ввоза, такъ и вывоза).

Впрочемъ, кяхтинская торговля до сихъ поръ энергически выдерживаетъ наступившій для нея кризисъ, и на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. выдержала его даже съ особеннымъ блескомъ. Какова бы ни была ея будущность, она, славу Богу, далеко не покончила свое существованіе и этимъ всего лучше отвѣчала на мечтательныя гаданія и своихъ защитниковъ, и своихъ противниковъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ обстоятельствамъ чайной торговли на Нижегородской ярмаркѣ 1864 года, считаемъ не излишнимъ сообщить вкратцѣ нѣкоторыя особенности организации этой торговли.

Чтобы переселиться съ китайскихъ плантацій подъ края русскихъ самоваровъ, кяхтинскій чай долженъ перейти черезъ руки многихъ посредниковъ чайной торговли; каждая категория этихъ посредниковъ имѣетъ свое особенное назначеніе, свою экономическую функцію, отличную отъ другихъ. Упомянемъ о важнѣйшихъ категорияхъ. Въ Кяхту или Маймачинъ доставляютъ чай не сами производители его въ Китаѣ, а китайскіе торговцы-перекупщики. У нихъ русскіе *купцы-Сибиряки* вымѣниваютъ чай на русскіе товары. Эти первые покупщики чая (или настоящія первыя руки), именуемые большею частью *Сибиряками* (хотя они, какъ увидимъ, и не всѣ Сибиряки), продаютъ чай въ Нижнемъ, Москвѣ, Ирбиту и вообще въ Россіи и покупаютъ русскіе товары для обмѣна на чай съ Китайцами. * Макарьевская или Нижегородская

* Хотя мимоходомъ назовемъ русскіе товары, идущіе въ обмѣнъ на кяхтинскій чай: шерстяные (сукно, драдедамы, камлоты: это важнѣйшая статья нашего вывоза); кожаные (козловые, сафьянные, юфтовые: эта статья дѣлается все болѣе и болѣе важною); хлопчатобумажные (платъ, нанка: эта статья совсѣмъ упала); аянныя и пеньковыя (чешуи́ка, тикъ, канаватъ: эта статья также падаетъ).

ярмарка составляет, вслѣдствіе удобства своего географическаго положенія (на водяномъ пути изъ Сибири въ Москву), и вслѣдствіе издавна вкоренившагося обычая производить здѣсь раздѣлку чаевъ и платежи за нихъ, составляетъ главный складочный центръ кяхтинской торговли; но кяхтинскіе чаи идутъ въ Россію и помимо ярмарки, въ теченіе цѣлаго года, преимущественно въ Москву, куда, приблизительно, доставляется такое же ихъ количество какъ и на ярмарку. У Сибиряковъ покупаютъ чай большими партіями (нѣсколькими тысячами ящичковъ или цубиковъ) гуртовщики, большею частью московскіе купцы (отчасти и казанскіе, много занимавшіеся чайною торговлей). Эти гуртовщики называются партіонными покупателями или *первыми руками* (также амбарными продавцами чая), хотя они въ дѣйствительности суть уже вторыя руки. Отъ партіонныхъ покупателей чай переходитъ въ третью руку (называемыя обыкновенно *вторыми*), или къ городovýmъ купцамъ, которые въ большомъ числѣ связываются со всею Россію къ Макарію запастись чаемъ, и здѣсь ожидаютъ его раздѣлку и покупки гуртовщиками у Сибиряковъ. Эти *вторыя* или въ дѣйствительности третья руки—розничные торговцы или магазинщики (въ противоположность амбарщикамъ, не имѣющимъ вовсе магазиновъ для розничной торговли), покупаютъ чай сотнями ящичковъ, вообще до одной тысячи, и хотя они уже продаютъ чай потребителямъ, въ открытыхъ лавкахъ (чего не дѣлаютъ первыя руки, имѣющія только амбары или склады чая), но и ими большею частию не заканчивается рядъ торговцевъ чая: они верѣдко закупаютъ большія партіи чая, которыми на мѣстахъ снабжается несмѣтное количество мелочниковъ. Но сверхъ этихъ категорій продавцевъ чая являются еще весьма существенные участники торга: *коммисіонеры*, большею частью Москвичи, не покупающіе чай у Сибиряковъ за свой счетъ, а получающіе его только на коммисію и на складъ на цѣлый годъ; далѣе, *доставщики* * чая изъ Кяхты до Нижняго и Москвы, принимающіе на свою отвѣтственность доставку чужаго чая и, вслѣдствіе трудности и обширности этой операціи, отправляющіе особую, весьма важную экономическую функцію; наконецъ, *спекулянты*, которые покупаютъ пар-

* Эти доставщики суть кяхтинскіе торговцы, вмѣстѣ съ своимъ чаемъ доставляющіе и чужой.

тію чая, только для того чтобъ ее перепродать тутъ же, и которые существуютъ и въ чайной торговлѣ подобно всякой другой (хотя и въ гораздо меньшемъ числѣ). Московскіе комиссіонеры играютъ важную, едва ли не важнѣйшую роль въ кяхтинской чайной торговлѣ и въ особенности въ главнѣйшемъ актѣ ея годоваго круга—въ разцѣнкѣ и распродажѣ чая у Макарія; они главные посредники между Сибиряками, большею частію не являющимися на ярмарку самолично, а присылающими чай съ *доверенными*, и первыми или партіонными покупателями: они-то собственно разцѣнщики товара и уставщики цѣны. Эту силу даетъ комиссіонерамъ кредитъ, который они открываютъ Сибирякамъ, нуждающимся въ наличныхъ деньгахъ или кредитъ для закупки русскихъ товаровъ въ Нижнемъ и Москвѣ и чая въ Кяхтѣ, и не могущимъ ждать на ярмаркѣ или въ Москвѣ, въ случаѣ невыгодно состоявшихся цѣнъ на чай, или въ случаѣ остатка у нихъ непроданнаго чая. Это послѣднее обстоятельство именно и придаетъ особенное значеніе комиссіонерамъ: взявъ товаръ на комиссію и доставивъ Сибирякамъ наличныя деньги или же товаръ для обмѣна на чай, они даютъ имъ возможность выиграть время, не быть прижатыми и избѣжать слишкомъ злополучныхъ катастрофъ, въ какія неминуемо могли бы попадать люди, находящіеся въ подобныхъ обстоятельствахъ торга какъ Сибиряки. Какимъ образомъ эти комиссіонеры, занимающіеся также и спекуляціей, которая всего для нихъ сподручнѣе, въ сущности уравниваютъ цѣны на чай и устраняютъ слишкомъ крутые повороты въ цѣнахъ? Они знаютъ досконально положеніе торговыхъ и фабричныхъ дѣлъ въ Москвѣ—главномъ и настоящемъ центрѣ всѣхъ кяхтинскихъ операций; слѣдятъ за движеніемъ цѣнъ на фабричныя товары, изготовляемые для Кяхты, за требованіями на чай и его запасами въ Москвѣ, наконецъ,—за положеніемъ дѣлъ партіонныхъ покупателей. На нихъ лежитъ вся корреспонденція. Понятно какъ они необходимы для Сибиряковъ. Такихъ комиссіонеровъ бываетъ весьма немного, иногда (какъ въ прежнее время) одинъ, два (нынѣ, кажется, гораздо болѣе); понятно въ какой степени велико ихъ вліяніе на дѣло. Когда-то существовалъ одинъ такой человекъ, который всесильно орудовалъ всею чайною операціей, и отъ котораго зависѣла вся развязка торга. Этихъ московскихъ комиссіонеровъ не

должно смѣшиваться съ кяхтинскими комиссіонерами, которые берутъ на комиссію отъ Москвичей (партионныхъ покупателей чая) покупку за ихъ счетъ чая въ Кяхтѣ. Специальныя занятія каждой изъ названныхъ категорій участниковъ кяхтинскаго торга часто соединяются въ одномъ лицѣ; это не мѣшаетъ, однако, каждой категоріи имѣть свою особую функцію. Такъ почти все или по крайней мѣрѣ важнѣйшіе московскіе партионные или амбарные чайные торговцы, вышедшіе большею частію изъ среды кяхтинскихъ Сибиряковъ, выписываютъ прямо для себя чай изъ Кяхты; даже настоящихъ мѣстныхъ Сибиряковъ теперь немного. Московскіе комиссіонеры имѣютъ и свой чай для продажи; городовые розничные купцы торгуютъ и оптомъ; доставщики продаютъ и свой чай и т. д.

Каждый посредникъ и участникъ этого торга пользуется прибылью на чай, имѣетъ свою пользу и потому очевидно, что чай переходитъ къ потребителямъ съ огромною надбавкой въ цѣнѣ въ сравненіи съ первоначальною (кахтинскою) его стоимостью. Чай переходитъ отъ партионныхъ къ розничнымъ торговцамъ вообще съ надбавкой отъ 5 до 10 руб. на ящикъ, смотря по обстоятельствамъ торга. Комиссіонеры получаютъ отъ 1% до 1½% прибыли, независимо отъ вознагражденія за кредитъ. Однако, каждое звено въ этомъ механизмѣ торга необходимо, и каждая прибыль достается не даромъ, тѣмъ болѣе что чистая спекуляція, которая также не бесполезна, весьма незначительна въ этомъ торговѣ. Публикѣ, никогда не задумывающейся надъ вопросомъ какъ перешелъ чай изъ Китая въ ея чашки, лишь бы онъ былъ какъ можно дешевле, можетъ казаться излишнимъ такое сложное посредничество, какъ будто заведенное по прихоти купцовъ и единственно для ихъ наживы. Всего болѣе излишними могутъ казаться партионные торговцы, которые, получая товаръ отъ Сибиряковъ, раздаютъ его во вторыхъ руки; между тѣмъ они, вмѣстѣ съ комиссіонерами, составляютъ главное и необходимое звено всего дѣла: они и комиссіонеры представляютъ въ своемъ лицѣ *знаніе* (товара и рынковъ), *капиталъ* и *кредитъ*, безъ всесильной помощи которыхъ невозможно было бы то безостановочное снабженіе продуктомъ, произрастающимъ близъ береговъ Восточнаго океана, каждаго самаго дальняго и глухаго закоулка Россіи, хотя бы онъ лежалъ внѣ всякихъ не только морскихъ, но и какихъ бы то ни было путей и

вдалекѣ отъ всякихъ коммерческихъ центровъ. Какъ комиссіонеры, въ ряду этихъ трехъ основныхъ элементовъ всякаго торговаго дѣла, представляютъ собою преимущественно знаніе и отчасти кредитъ, такъ партіонные торговцы преимущественно капиталъ. Для правильнаго хода розничной торговли во всемъ государствѣ нужно существованіе постоянныхъ запасовъ чая въ Москвѣ, куда они *не могутъ* ежедневно и непрерывно приходиться изъ Сибири, и откуда они *должны* ежедневно и непрерывно расходиться, и дѣйствительно такъ расходятся по всей Россіи. Для безостановочнаго обмѣна чая въ Кяхтѣ, куда ежедневно прибываютъ караваны съ мелкими и крупными партіями чая изъ Китая, Сибирякамъ нужны постоянныя наличныя деньги или русскіе товары, на которые они и получаютъ чай въ теченіе цѣлаго года. Деньги, то-есть звонкую монету (кредитные билеты нынѣ также принимаются Китайцами, но, разумѣется, по курсу, то-есть настолько, насколько на нихъ можно получить монеты), и товары они закупаютъ и заказываютъ преимущественно на Макарьевской ярмаркѣ, гдѣ даютъ задатки за товаръ или прямо его покупаютъ. Таково главное значеніе для нихъ Макарьевской ярмарки; и для этого имъ нужны наличныя деньги или кредитъ, безъ которыхъ, что называется по-русски, *ничего не подѣлаешь*. Партіонные торговцы сортируютъ и разомъ разбираютъ товаръ, снабжая деньгами Сибиряковъ и раздавая чай въ сроки (отъ ярмарки до ярмарки на 12 мѣсяцевъ, или до Ирбитской) городовымъ купцамъ, которые продавая чай на мѣстахъ по мелочамъ, въ теченіе цѣлаго года, и не имѣя возможности въ точности опредѣлить свой сбытъ, вынуждены непременно пользоваться кредитомъ, и расплачиваются большею частію уже за прошедшее время, за распроданный ими чай. Для этого партіонными торговцами затрачивается капиталъ, и нуженъ кредитъ ихъ самихъ или комиссіонеровъ, посредствомъ котораго они всегда могутъ (учетомъ векселей, выданныхъ ихъ покупателями, или иначе) достать наличныя деньги; далѣе, имъ нужно короткое знакомство съ положеніемъ городскихъ купцовъ, совершенно неизвѣстныхъ Сибирякамъ. Въ крайнемъ случаѣ комиссіонеры исполняютъ обязанности партіонныхъ торговцевъ. Городовые купцы могли бы съ значительною для себя выгодой покупать чай прямо отъ Сибиряковъ, съ Сибирской приставы (гдѣ стоятъ горы цыбиковъ, около которыхъ

живутъ довѣренныя Сибиряковъ въ рогожныхъ балаганахъ) такія покупки и случаются, но только въ видѣ исключенія, ибо для этого необходимы наличныя деньги, и притомъ весьма большія, такъ какъ чай Сибиряками продается вообще только большими партіями. Надо, кромѣ того, замѣтить, что въ партіяхъ Сибиряковъ заключаются обыкновенно ящики самыхъ разнообразныхъ сортовъ; можетъ случиться также и наоборотъ, что въ Кяхтѣ закупленъ только одинъ какой-нибудь сортъ, тогда какъ розничному торговцу нужны другіе сорта. Наконецъ, изъ первыхъ амбарныхъ рукъ во вторыя розничныя партіи могутъ переходить не по кяхтинскимъ фактурамъ, * но уже въ томъ видѣ, и въ тѣхъ сортахъ, какіе требуются для розничной продажи; другими словами,—по раздѣлкѣ и по новой сортировкѣ чаевъ, что и составляетъ неотъемлемую принадлежность розничной торговли.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить одну изъ особенностей кяхтинской чайной торговли въ раздѣлкѣ товара. По каждой партіи и фактурѣ, заключающихъ въ себѣ весьма разнообразныя по качеству и цѣнѣ чаи, выводится общая средняя цифра цѣны каждаго ящика, посредствомъ простаго арифметическаго раздѣленія общей суммы денегъ, въ какую оценена партія, на число ящиковъ. Объ этой средней цифрѣ и говорится какъ о цѣнѣ чая на ярмаркѣ; но фактуры и партіи могутъ быть весьма различныхъ качествъ и цѣнъ, а потому и среднія цѣны ящиковъ въ разныхъ партіяхъ бываютъ различны. Понятно поэтому, что эта средняя цѣна ящика только приблизительно вѣрна для опредѣленія состоявшихся ярмарочныхъ цѣнъ на чай. Эта система раздѣлки товара происходитъ вслѣдствіе перехода изъ однихъ рукъ въ другія тѣхъ же самыхъ китайскихъ партій, составленныхъ

* Кяхтинскія русскія фактуры (кромѣ ихъ есть еще китайскія, по которымъ продаются чаи Китайцами Сибирякамъ) составляются на гербовой бумагѣ съ необыкновенною тщательностью: въ нихъ показывается качество чая, вѣсъ его и вѣсъ тары (первоначальной китайской упаковки, то-есть корзины, и шири или кожи, въ которую зашивается корзина русскими купцами для отправаенія въ Россію), въ каждомъ ящикѣ, съ точностью до $\frac{1}{8}$ фунта. Тара (средняя до 12 фунтовъ на ящикъ, а въ ящикѣ среднимъ числомъ 87 фунт. чая) составляетъ важный вопросъ, ибо вслѣдствіе дороговизны перевозки она увеличиваетъ цѣну чая; притомъ она и сама по себѣ стбать отъ 5 до 7 руб. на ящикъ.

изъ различныхъ сортовъ чая; *разцѣнка* по сортамъ чая, а не по партиямъ, и составленіе особыхъ фактуръ и партій по каждому сорту были бы правильнѣе. Но такая *разцѣнка* относительно кяхтинскихъ чаевъ бываетъ лишь при переходѣ ихъ отъ гуртовщиковъ къ мелочникамъ. Порядокъ торговли кантонскимъ чаемъ совершенно иной; онъ привозится въ Россію въ томъ количествѣ по каждому сорту, какое выписывается по образцамъ первыми гуртовыми торговцами; очевидно, что этотъ порядокъ правильнѣе и удобнѣе для торговли чѣмъ порядокъ, господствующій въ кяхтинской торговлѣ.

Доставка товаровъ отъ Кяхты до Нижняго и Мооквы сама по себѣ огромное и сложное дѣло. Наемъ ямщиковъ, перекладка ящиковъ чая на новые возы новыми ящиками, проба чая въ каждомъ ящикѣ (на 4-хъ главныхъ станціяхъ: въ Иркутскѣ, Томскѣ, Тюменѣ и Перми) составляютъ цѣлый рядъ весьма важныхъ операций, возлагаемыхъ на находящееся при каждомъ караванѣ особое довѣренное отъ доставщика лицо. Обычай и опытъ установили особыя на все правила; такъ, напримѣръ, для пробы подается 2 фунта на ящикъ (по $\frac{1}{2}$ ф. на каждую станцію или по $\frac{1}{4}$ ф. на каждый изъ двухъ совковъ, вынимаемыхъ изъ ящика).

Такова, въ общихъ чертахъ, эта организація, сложившаяся сама собою, естественнымъ образомъ; понятно, что еслибы приходилось заводить и устраивать ее искусственно, напримѣръ, административнымъ порядкомъ, то понадобились бы цѣлые департаменты и безчисленное множество агентовъ и присутственныхъ мѣстъ во всѣхъ краяхъ слѣдованія и продажи. Мы воспользовались настоящимъ случаемъ для многихъ цѣлей, кромѣ ознакомленія собственно съ кяхтинскою торговлей; такъ, между прочимъ, изъ сказаннаго выясняется одна изъ важнѣйшихъ ролей всей Нижегородской ярмарки въ нашей внутренней торговлѣ, ибо относительно и многихъ другихъ товаровъ повторяется, въ другомъ видѣ, то же самое что мы прослѣдили для чая.

Переходъ чая отъ Сибиряковъ въ первыя руки, или такъ называемая *разцѣпка чаевъ*, составляетъ первое дѣйствіе чайнаго торга на Макарьевской ярмаркѣ; къ нему приступаютъ послѣ многочисленныхъ и продолжительныхъ совѣщаній, чаепитій и закусокъ. Отъ этого дѣйствія, называемого также *развязкой* чайнаго дѣла, зависитъ судьба товара на цѣлый

годъ и судьба многочисленныхъ городскихъ купцовъ, въ теченіе недѣли и болѣе ежеминутно чающихъ движенія воды у дверей палатокъ партіонныхъ торговцевъ и коммисіонеровъ, главенствующихъ въ своемъ каменномъ Китайскомъ ряду надъ всѣмъ людемъ чайнаго торгова. Извѣстіе о развязкѣ, совершающейся посреди глубочайшаго молчанія участниковъ и окруженной таинственностью на подобіе священнодѣйствія, мигомъ разносится по ярмаркѣ. Чай пошелъ во вторыя руки. Эта торжественная минута въ былое время и считалась самымъ трагическимъ моментомъ Макарьевской ярмарки,—моментомъ господствующимъ надъ ея судьбой. Милліоны, уплаченные за кяхтинскій чай, приводятъ, говорили, въ движеніе всю ярмарку. Сибиряки закупаютъ и заказываютъ мануфактурные товары, фабриканты и торговцы мануфактурныхъ товаровъ расплачиваются съ своими кредиторами, покупаютъ и заказываютъ нужные имъ товары и матеріалы, и т. д. Наконецъ, съ окончаніемъ чайной развязки, ярмарочный міръ и во главѣ его толстые Сибиряки подымались къ развѣзду, *ко дворажъ* (какъ говорится по-владимірски) и къ прощанью: наставала самая шумная эпоха для увеселительныхъ заведеній! Справедливъ ли преувеличенъ господствовавшій въ прежнее время взглядъ на развязку съ чаемъ, нынѣ эта развязка вовсе не имѣетъ такого значенія для ярмарки.

Теперь мы можемъ уже перейти къ развязкѣ кяхтинскаго чая на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. и посмотрѣть какъ на причины этой развязки, такъ и на возможные по ней указанія будущаго. Развязка 1864 г. была, какъ извѣстно, самая блестящая; кяхтинскіе торговцы, разумѣя подъ ними какъ привозителей—Сибиряковъ, такъ и прямыхъ выписчиковъ чая—Москвичей, то-есть настояція первыя руки, получили, по собственному ихъ признанію, большіе барыши, вознаградившіе ихъ за злополучную развязку и убытки на ярмаркѣ 1863 г. въ этомъ году болѣе половины кяхтинскаго чая осталось непроданнымъ, и цѣны состоялись на 10%—20% ниже цѣны 1862 г. Въ 1864 г. кяхтинскіе чаи проданы отъ 15 даже до 40 р. дороже на ящикъ чѣмъ въ 1863 г. (приблизительно отъ 100 до 140 р. за ящикъ, тогда какъ въ 1863 г. цѣны были отъ 75 р. до 100 р.). Это вздорожаніе, составляющее отъ 25 % до 40%, весьма значительно, и оно сдѣлалось чрезвычайно быстро, ибо еще за два мѣсяца до ярмарки цѣ-

ны стояли въ Москвѣ около 85 р. на ящикъ. Во вторыя и третьи руки чай шел весьма быстро и съ значительными надбавками. Почти весь запасъ чая на ярмаркѣ проданъ; ничтожный остатокъ придержанъ самими продавцами, которые могли бы все сбыть. Но одно вздорожаніе цѣнъ на товаръ еще не доказываетъ барышей торговцевъ. А здѣсь барыши были значительные, ибо по собственному признанію Кяхтинцевъ, даже при возможномъ въ послѣдствіи пониженіи чая на 10%, они могутъ надѣяться продавать чай съ выгодой для себя. Вздорожаніе кяхтинскаго чая на ярмаркѣ, по общему мнѣнію, произошло отъ гораздо меньшаго привоза его въ сравненіи съ 1863 г. (почти на половину), * отъ меньшаго привоза кантонскаго чая въ сравненіи съ 1863 г., отъ вздорожанія послѣдняго, вслѣдствіе паденія нашихъ вексельныхъ курсовъ, отъ уменьшенія привоза контрабанднаго чая съ западной границы и, наконецъ, отъ улучшенія добротности кяхтинскаго чая въ сравненіи съ предыдущими его привозами и въ сравненіи съ кантонскимъ чаемъ.

Разсмотримъ ближе всѣ эти обстоятельства. Кяхтинцы не только могли дороже продать свой товаръ чѣмъ въ 1863 г., но онъ и обошелся имъ дешевле, ибо, закупивъ у Китайцевъ немного болѣе половины пропорціи 1863 г., они заставили ихъ уступить въ цѣнѣ, да и самый провозъ отъ Сибири до Нижняго былъ въ 1864 г. дешевле чѣмъ въ предыдущихъ годахъ. Затѣмъ, выбранные у Китайцевъ чаи были лучшаго достоинства чѣмъ въ прежніе годы, и потому потребители чая собственно ничего не проиграютъ отъ повышенія его цѣны. Довольные такою развязкой, Кяхтинцы бойко покупали и заказывали на ярмаркѣ товары для будущихъ своихъ размѣновъ на чай. Такимъ образомъ, мы видимъ, что конкуренція кантонскаго чая, вслѣдствіе малаго его привоза въ 1862 г. и довольно высокой цѣны (при довольно низкихъ вексельныхъ курсахъ, около 10% ниже пари), не испугала Кяхтинцевъ: послѣ

* Привезено на ярмарку.	Кяхтинскаго чая (байковаго).	Кантонскаго.
1862 г.	52.000 ящ.	600.000 фунт.
1863 г.	60.000 —	1.400.000 —
1864 г.	38.500 —	800.000 —

цифры привоза чая на ярмарку достовѣрнѣе всѣхъ прочихъ цифръ. Хотя не весь чай идетъ въ Россію чрезъ посредство Нижегородской ярмарки, но количество проданное на ней служитъ главнымъ масштабомъ всего привоза въ теченіе года.

удовлетворительной распродажи 1862 г. они привезли на ярмарку 1863 г. еще большее количество своего товара, но тутъ потерпѣли страшное поражение, при дешевизнѣ кантонскаго чая, которому исключительнымъ образомъ благоприятствовали наши высокіе вексельные курсы 1863 г. (пари). Въ 1864 г. дѣло снова повернулось, какъ мы уже видѣли.

Въ какой же степени кяхтинская чайная торговля можетъ процвѣтать и на будущее время? Въ какой степени долговѣчны условія, нынѣ для нея благоприятныя?

Вникая въ сущность обстоятельствъ *выгодной* распродажи чая въ 1864 г., нельзя не убѣдиться, что эти обстоятельства во многихъ отношеніяхъ *исключительныя*, и что кризисъ, наступившій для кяхтинской торговли съ допущеніемъ въ 1862 г. кантонскаго чая, еще не миновалъ.

Чтобы судить въ какой степени кяхтинскій чай можетъ выдержать въ будущемъ соперничество кантонскаго, кажется, прежде всего необходимо сравнить *стоимость* (расходы приобрѣтенія и доставки) того и другаго и опредѣлить наименьшую возможную ея величину; и затѣмъ, повидимому, уже легко сдѣлать самыя точныя предсказанія относительно будущности кяхтинской торговли. Но именно, потому что относительно кяхтинскаго чая невозможны точныя изысканія по этому коренному вопросу * (хотя и было не мало попытокъ, по нашему мнѣнію, однако безуспѣшныхъ), всѣ предсказанія болѣе или менѣе гадательны. Невозможность точнаго изслѣдованія *стоимости* кяхтинскаго чая явствуется изъ слѣдующихъ соображеній:

Исчисленіе расходовъ приобрѣтенія, возможныхъ барышей и убытковъ для купцовъ, участвующихъ въ кяхтинской чайной торговлѣ, чрезвычайно сложно и запутано, какъ сложны и запутаны различныя, и отчасти даже противоположныя, коммерческія обстоятельства и интересы, обуславливающія этотъ торгъ въ двухъ его составныхъ элементахъ — *чай* и *товарахъ* (цѣнностяхъ), идущихъ въ обмѣнъ на чай. Поэтому, между прочимъ, читатели не должны удивляться, если встрѣтятъ въ самомъ нашемъ

* Поэтому мы не занимаемся вовсе этимъ вопросомъ въ настоящемъ трудѣ, хотя и имѣемъ нѣсколько вычисленій, сдѣланныхъ нами самими торговцами.

изложеніи нѣкоторыя какъ будто противорѣчія, которыя возникаютъ по необходимости изъ свойствъ самого дѣла. *

Въ особенности затрудняетъ всякіе коммерческіе расчеты, относительно кяхтинской торговли, ея исключительно *мѣн-новой* характеръ, лишающій ее по самой своей сущности не только настоящей денежной, но и всякой сколько-нибудь прочной *разчетной единицы*. Потому-то собственно и фантастичны всякія исчисленія *стоимости* кяхтинскаго чая: на чемъ можетъ быть основана стоимость, для которой нѣтъ никакого масштаба? Понятно, до какой степени эта трудность увеличивается и усложняется общимъ разстройствомъ нашей денежной системы и колебаніями монетной единицы, по необходимости, какъ увидимъ, обуславливающей собою и ходъ кяхтинской торговли, независимо отъ разчетной единицы, ей собственно принадлежащей.

Несмотря на полную отмѣну (сперва въ 1855 г. и оконченно лишь въ 1861 г.) всѣхъ ограниченій закона, препятствовавшихъ свободному обмѣну китайскихъ товаровъ на русскія деньги и драгоценные металлы и искусственнымъ образомъ поддерживавшихъ ея *мѣнновыи* характеръ (то-есть мѣну товара на товаръ), этотъ характеръ, преобладающій во всей нашей азіатской торговлѣ, ** не скоро исчезнетъ и въ кяхтинской. Даже когда кяхтинскіе купцы расплачиваются съ Китайцами чистыми деньгами (звонкою монетою и кредит-

* Все наше изложеніе не болѣе какъ опытъ сколько-нибудь стройнаго изложенія свѣдѣній о кяхтинской торговлѣ, на основаніи данныхъ, взятыхъ изъ жизни. Поставляя на видъ различные вопросы, связанные съ этимъ запутаннымъ дѣломъ, мы желали бы возбудить сужденія людей, болѣе насъ знакомыхъ съ его техникой.

** Въ высшей степени любопытенъ вопросъ вообще о денежной единицѣ въ нашей азіатской торговлѣ. Известныя намъ данныя еще недостаточны для полнаго разъясненія этого весьма темнаго вопроса. Какъ понимать, напр., что въ то время какъ полуимперіалъ стоилъ у насъ 6 р. 30 к. (на кредитные билеты) въ Бухарѣ онъ шелъ 5 р. 50 к.? По какой единицѣ исчислена эта послѣдняя цифра (по бухарской ли денежной единицѣ, по нашимъ ли кредитнымъ билетамъ, или иначе), мы до сихъ поръ, признаемся, не могли настоящимъ образомъ добиться. Одно очевидно: чрезвычайная сложность элементовъ, входящихъ въ составъ этого исчисленія (одна цѣнность переводится на другую, другая на третью и т. д.

нымъ билетами по курсу), то и тогда деньги (хотя бы онъ шел и въ большемъ количествѣ чѣмъ товаръ) идутъ не иначе какъ въ качествѣ приплаты къ русскимъ товарамъ; къ послѣднимъ всегда примѣриваются чаи, на нихъ торгуются и они служатъ единицею мѣны. Обычную расчетную единицею принимается *половинка сукна*, самаго холоднаго русскаго товара въ Китаѣ. Торгуются сколько нужно отдать половинокъ сукна за известное число ящиковъ чая. Чтобы рѣшить сколько получено русскимъ купцомъ пользы изъ этого обмѣна, необходимо знать не только каковъ вымѣненный чай, и какая стоитъ ему теперь цѣна на китайскихъ и русскихъ рынкахъ, и какая будетъ стоять когда онъ пойдетъ въ продажу у Макарія или въ Москвѣ; но кромѣ того нужно сообразить также, въ какую цѣну обошлось сукно, какая на него цѣна въ моментъ обмѣна и даже, для вѣрности расчета, какая будетъ при продажѣ чая. Другими словами, приходится разомъ основывать исчисленія барышей и убытковъ операциі на цѣнѣ двухъ товаровъ, сравнивая притомъ эти цѣны на разстояніи цѣлаго года времени и нѣсколькихъ тысячъ верстъ пространства, ибо въ обмѣнѣ на чай идетъ товаръ закупленный въ другой части свѣта, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а чай пойдетъ въ продажу также въ другой части свѣта и нѣсколько мѣсяцевъ позже. Какова же измѣнчивость обстоятельствъ на такихъ пространствахъ мѣста и времени? Каковы должны быть проценты и страховая премія для покрытія рисковъ такой операциі? Но всѣ эти неудобства ничто въ сравненіи съ главнымъ—необходимостью торговать рѣшительно наугадъ, при невозможности опредѣлить стоимость покупаемаго товара, то-есть во чтѣ обошелся чай при каждой покупкѣ, такъ какъ эта стоимость исчисляется не на основаніи денежной металлической единицы, цѣнность которой весьма постоянна на всемъ земномъ шарѣ, а на основаніи измѣнчивой цѣнности, какова цѣнность сукна или другаго обмѣниваемаго товара. Драгоценныя металлы и деньги, въ значительномъ количествѣ приплачиваемые за кяхтинскій чай къ товарамъ, также исчисляются и примѣриваются къ чаю на основаніи той же товарной единицы; получимперіаль имѣеть здѣсь ту или другую цѣну, смотря потому, какую онъ имѣеть цѣну сравнительно съ половиною сукна. Путаница расчетовъ по кяхтинской торговлѣ, вслѣдствіе отсутствія монетной единицы, обнаруживается, между прочимъ, въ такихъ чудовищныхъ фактахъ какъ назначеніе цѣнъ

русскихъ товаровъ въ Кяхтѣ ниже цѣвъ ихъ на внутреннихъ рынкахъ Россіи (въ Москвѣ); подобныя явленія, очевидно, происходятъ отъ того, что насколько дешевле оцѣнивается русскій товаръ при обмѣнѣ на чай, настолько русскіе купцы оцѣниваютъ ниже послѣдній. Но неужели подобныя уловки, впрочемъ весьма естественныя при мѣнновой торговлѣ, не запутываютъ счетовъ о барышахъ и убыткахъ? Эти барыши и убытки оказываются лишь по истеченіи значительнаго времени, когда вдругъ неожиданно торговля заканчивается или огромнымъ капиталомъ, нажитымъ на небольшія деньги, или банкротствомъ послѣ огромныхъ капиталовъ и операций, казавшихся блестящими. Сверхъ всего этого, мѣнновой характеръ кяхтинской торговли влечетъ за собою еще одно важное неудобство: онъ препятствуетъ правильности соображеній о соразмѣреніи покупки чая съ его сбытомъ, съ требованіями чайнаго рынка въ Россію; онъ заставляетъ соразмѣрять количество покупаемаго чая съ количествомъ русскихъ товаровъ, находящихся въ наличности и ожидаемыхъ въ Кяхтѣ, а это количество зависитъ преимущественно отъ результатовъ прошлогодней продажи чая въ Нижнемѣ, Москвѣ, Ирбитѣ, и проч., и также отъ условій производства и количества запасовъ этихъ товаровъ въ Россіи. Понятно, какія могутъ быть удивительныя послѣдствія этого обстоятельства: такъ, напримѣръ, въ 1847 г. было навезено въ Нижній несмѣтное количество чая, до 200 тысячъ ящичковъ, безъ всякаго соображенія со спросомъ на него въ Россіи, и кяхтинскіе купцы потерпѣли страшные убытки. Наконецъ, мѣна товаровъ на чай идетъ цѣлымъ годъ, по мелочамъ и по разнымъ цѣнамъ, и потому только приблизительно, принимая при этомъ въ расчетъ среднюю стоимость сукна, можно вывести во чтѣ обошлись партіи чая, отправляемая въ Россію.

Недостатокъ прочной монетной единицы есть вообще язва всей нашей азіатской торговли, въ которой преобладаетъ мѣна товара на товаръ. Это неудобство могло бы быть значительно парализовано прочностью и постоянствомъ цѣнности русской денежной единицы; тогда приходилось бы только исчислять на нее цѣну всѣхъ вымѣниваемыхъ товаровъ, какъ русскихъ, такъ и азіатскихъ, и затѣмъ претерпѣвать только бухгалтерскія неудобства весьма сложныхъ коммерческихъ расчетовъ. Такъ могутъ дѣйствовать, напримѣръ, Англичане

въ своихъ мѣновыхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Но для русскихъ купцовъ цѣна собственныхъ ихъ денегъ сама по себѣ сдѣлалась такъ же, едва ли даже не болѣе, пзмѣнчива какъ и цѣнность половинки сукна. Въ 1861 г. звонкая монета, вывозившаяся изъ Россіи въ Кяхту, обходилась русскимъ купцамъ въ сравненіи съ узаконенною (или бумажною) монетною единицей, на 10%—14% процентовъ дороже, потомъ въ 1862 г. она постепенно понижалась съ открытіемъ размѣна въ государственномъ банкѣ по повышеннымъ курсамъ; въ 1863 г., въ эпоху Нижегородской ярмарки, она дошла до пари, а въ 1864 г. снова подыалась до чрезвычайной цѣны—25% (цѣлковый покупался 1 р. 25 к., полдويمперіаль 6 р. 30 и 6 р. 40 к.)

Могутъ ли подобныя обстоятельства не быть крайне пагубными для всякой торговли? Надобно только удивляться, что наши кяхтинскіе торговцы не придають имъ достаточной важности, что въ своихъ неисчислимыхъ жалобахъ на неблагоприятныя условія, угнетающія ихъ торгъ, они проходятъ молчаніемъ непостоянство нашей монетной единицы. Можно сказать даже болѣе: паденіе нашихъ иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, тождественное съ вздорожаніемъ звонкой монеты или съ лажемъ на нее сравнительно съ кредитными билетами,—паденіе парализовавшее ввозъ кантонскихъ чаевъ и подыавшее цѣны на чай,—разсматривается ими какъ обстоятельство въ высшей степени для нихъ благоприятное, а паривексельныхъ курсовъ (невыгодно отозвавшееся на нихъ въ 1863 г.)—какъ обстоятельство чрезвычайно неблагоприятное. Этотъ предметъ заслуживаетъ особеннаго вниманія не по одному только отношенію въ кяхтинской торговлѣ, такъ какъ въ средѣ нашихъ купцовъ и фабрикантовъ есть удивительное расположеніе признавать паденіе иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, весьма благоприятнымъ для нашей международной торговли и отечественнаго производства, какъ въ отношеніи къ вывозу русскихъ товаровъ за границу, такъ и въ отношеніи къ сбыту ихъ на внутреннихъ рынкахъ. * Этотъ вопросъ, конечно, не можетъ быть разсмотрѣнъ здѣсь во всемъ его объемѣ; но

* Въ этомъ мнѣніи нельзя, однако, не признать одной справедливой стороны: это—сознаніе вреда искусственной поддержки вексельныхъ курсовъ (казенною трассировкою векселей) и также вреда потрясеній цѣнъ монеты, произведенныхъ приключеніями размѣна.

обстоятельства кяхтинской торговли, и именно мнѣной ея характеръ, могутъ значительно способствовать къ уясненію нѣкоторыхъ сторонъ общаго вопроса о вліяніи колебаній монетной единицы на нашу промышленность и торговлю.

Выгоды кяхтинскихъ торговцевъ отъ паденія вексельныхъ курсовъ сравнительно съ торговцами кантонскимъ чаемъ, вздорожавшимъ отъ этого паденія, совершенно уравновѣшиваются одинаковыми для кяхтинскихъ торговцевъ невыгодами отъ приобрѣтенія звонкой монеты, покупавшейся для Кяхты, въ 1864 г., по той же самой высокой цѣнѣ, по какой закупались иностранные векселя для уплаты за кантонскій чай; а звонкая монета на Нижегородской ярмаркѣ покупалась для Кяхты въ значительномъ количествѣ (въ томъ числѣ въ 1864 г. было закуплено до 1 милл. франк. французскаго серебра). Потому исключительныя выгоды, происшедшія въ 1864 г. для кяхтинской торговли *собственно отъ разстройства нашего денежнаго обращенія или отъ колебаній нашей монетной единицы* должны быть приписаны паденію вексельныхъ курсовъ, или лучше не одному этому паденію, а *дешевизнѣ русскихъ товаровъ, закупленныхъ для Кяхты и составляющихъ собою льву стоимости кяхтинскаго чая, сравнительно съ дороговизною звонкой монеты, составляющей льву стоимости чая кантонскаго.*

Въ то время какъ наши вексельные курсы и звонкая монета возвысились на 25%, и когда эти 25% легли всею своею тяжестью на соперничающій кантонскій чай, за который *возчики* его расплачиваются не иначе какъ векселями или монетой; когда, вслѣдствіе этого обстоятельства, могла возвыситься и продажная цѣна на чай вообще, какого бы онъ ни былъ происхожденія, въ томъ числѣ и кяхтинскій,— въ это самое время русскіе товары, которые закупались для Кяхты на деньги, вырученныя за этотъ чай, весьма слабо вздорожали. Въ этомъ заключается, кажется намъ, самое существенное обстоятельство въ оборотахъ кяхтинской торговли въ 1864—1865 гг. Такъ, напримѣръ, сукно съ ярмарки 1863 г. по 1864 г. вздорожало лишь на 3% (съ 63 р. до 65 р.), и самый дорогой кяхтинскій товаръ, бумажный, плсъ (потому почти и не требовавшійся) вздорожалъ лишь на 25%. Каковы бы ни казались кяхтинскимъ торговцамъ причины ихъ исключительныхъ барышей въ 1864 г.,—а такихъ кажущихся причинъ, при запутанности расчетовъ, можетъ быть весьма

много,—мы убеждены, что главная причина заключается въ исключительной выгодности приобрѣтенія ими русскихъ товаровъ, какъ тѣхъ, въ обмѣнъ на которые они получили свои чай въ 1864 г., такъ и тѣхъ, которые они закупили на счетъ чаевъ, распроданныхъ въ 1864 г., и которые пойдутъ въ обмѣнъ на чай 1865 г. Однимъ словомъ, главные барыши кяхтинскихъ торговцевъ происходятъ нынѣ отъ ихъ операций по покупкѣ и вывозу русскихъ товаровъ, а не покупкѣ и ввозу чая; въ этомъ состоитъ главное нынѣшнее преимущество торговли кяхтинскимъ чаемъ передъ торговлею кантонскимъ, ввозъ котораго не соединяется непосредственно съ вывозомъ русскихъ товаровъ. А это преимущество происходитъ отъ болѣе слабого въ 1864 г. вздорожанія русскихъ товаровъ сравнительно съ вздорожаніемъ монеты и паденіемъ вексельныхъ курсовъ, или, лучше, отъ болѣе слабого паденія бумажныхъ денегъ сравнительно съ товарами, чѣмъ сравнительно съ звонкою монетой. На этомъ фактѣ почти исключительно сосредоточивались барыши нашей иностранной торговли въ 1864 г. и вся спекулятивная ея дѣятельность. Правда, что въ 1864 г. товары на ярмаркѣ были въ общей сложности нѣсколько дороже чѣмъ въ 1863 г., но за то въ 1863 году монета упала до пари съ кредитными билетами, вывозъ ея за границу парализировалъ вывозъ товаровъ, которые съ разными колебаніями непомѣрно вздорожали въ послѣднее десятилѣтіе, а въ 1863 г. только немного подешевѣли. Чай въ 1862 и 1863 гг. были вымѣнены на весьма дорогіе товары. Это обстоятельство постоянно вздорожанія русскихъ товаровъ, вывозившихся въ Кяхту для обмѣна на чай и обусловливающихъ собою стоимость чая для русскихъ купцовъ, играетъ огромную роль въ исторіи кяхтинской торговли. Оно обусловливается постояннымъ паденіемъ нашей законной денежной (бумажной) единицы, но, къ сожалѣнію, недостаточно взвѣшивается кяхтинскими торговцами, а между тѣмъ оно едва ли не болѣе для нихъ убійственно чѣмъ дозволеніе ввоза кантонскаго чая. Они какъ-то не хотятъ понять, что главная выгода всей ихъ операціи должна заключаться въ возможно большемъ удешевленіи русскихъ товаровъ,—этой половинки сукна, на которую они добываютъ чай,—сравнительно съ товарами иностранными, на которые покупаютъ чай Англичане, а не въ возможно большей доро-

дизнь чая, которая только подрывает их сбытъ и ставит ихъ интересы, безъ всякой для нихъ существенной пользы, въ антагонизмъ съ интересами публики и потребителей. Наконецъ, къ всему этому мы должны присовокупить еще одно весьма важное для Кяхтинцевъ обстоятельство въ 1864 г.—дешевизну доставки чая сравнительно съ 1863 г. (съ 5 р. поднявшейся до 4 за пудъ до Нижняго то-есть около 2 к. разницы на фунтъ или около 2 р. на ящикъ). Дешевизна эта приписывается хорошимъ урожаемъ 1863 г. хлѣба и фуража на пути сѣвдованія чая изъ Сибири въ Нижній; но мы расположены видѣть и здѣсь дѣйствіе той же причины—паденіе цѣны заработной платы, начавшееся съ 1863 г. послѣ чрезвычайнаго ея вздорожанія съ Восточною войной.

Прежде нежели мы возвратимся къ Кяхтинской торговлѣ и выскажемъ нѣсколько заключительныхъ о ней словъ, не можемъ не остановиться, хотя мимоходомъ, на затронутомъ нами выше фактѣ относительно слабаго въ послѣднее время вздорожанія у насъ товаровъ сравнительно съ вздорожаніемъ (даже) звонкой монеты, то-есть съ паденіемъ вексельныхъ курсовъ и съ паденіемъ цѣнности бумажныхъ денегъ. Этотъ фактъ составляетъ, по нашему мнѣнію, самое замѣчательное и отличительное явленіе въ нашихъ денежныхъ обстоятельствахъ послѣ приостановленія размѣна кредитныхъ билетовъ въ августѣ 1863 г. Это явленіе совершенно противоположно тому, которымъ отличался предыдущій періодъ принудительнаго курса кредитныхъ билетовъ, то-есть съ 1856 г. до открытія размѣна въ маѣ 1862 г. Въ этомъ періодѣ всѣ цѣны на русскіе товары страшно вздорожали сравнительно съ эпохою нормальнаго нашего денежнаго обращенія до Восточной войны, нѣкоторые товары даже удвоились въ цѣнѣ, между тѣмъ какъ вексельные курсы упали только на 10%, а внутренній даже на звонкую монету былъ максимумъ 13 и 14%. Теперь мы видимъ совершенно обратное явленіе—быстрое, почти внезапное паденіе вексельныхъ курсовъ на 20—25%, такое же точно возрастаніе внутренняго лажа и сравнительно весьма слабое вздорожаніе товаровъ. Мы не можемъ приводить здѣсь цифръ, которыя утомили бы читателей, но высказываемъ только общій выводъ, отчасти уже явствующій изъ цифръ и цѣнъ, приведенныхъ въ началѣ этой статьи. Въ 1863 г., съ изъятіемъ около 70 мил. кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, замѣчены были всеобщая наклонность цѣнъ къ пониженію и

рѣшительное паденіе нѣкоторыхъ (какъ, напримеръ, цѣны на дѣсные матеріалы, хлѣбъ и вообще вывозные продукты, и въ особенности на заработную плату). Въ 1864 г. цѣны вновь возрастаютъ, но такъ слабо, что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ товаровъ (кромѣ хлопчато-бумажныхъ) ни одинъ русскій товаръ, конечно, не возвысился до 25%: это можно сказать съ полною достоверностію. На Нижегородской ярмаркѣ 1864 г. цѣны вообще стояли выше 1863 г., но самое замѣтное возвышеніе было едва на 10%. Даже тѣ товары, которыхъ цѣны всего болѣе подчинены дѣйствию иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, каковы вывозные русскіе земледѣльческіе продукты, которыхъ сбытъ и движеніе на нашихъ рынкахъ находятся подъ прямымъ вліяніемъ иностранныхъ цѣвъ и рынковъ, и ввозные иностранные фабрикатъ, не встрѣчающіе прямой конкуренціи въ русскихъ товарахъ,—даже и всѣ эти товары, безъ исключенія, не вздорожали въ размѣрѣ паденія вексельныхъ курсовъ. Нѣкоторые изъ вывозныхъ нашихъ продуктовъ даже вовсе не поднялись въ цѣнѣ; бывали, наконецъ, колебанія даже ниже цѣвъ 1863 г.

Во всякомъ случаѣ, мы положительно не знаемъ ни одного товара, который бы поднялся въ періодъ 1853—1865 г. на 25%, то-есть до крайняго до сихъ поръ предѣла колебаній вексельныхъ курсовъ и даже.* Такъ изъ собранныхъ

* Исслѣдованіе движенія цѣвъ товаровъ всего лучше выясняетъ положеніе промышленности, торговли и денежнаго обращенія; но ничего не можетъ быть труднѣе какъ услѣдить въ этомъ движеніи, относительно различныхъ товаровъ, дѣйствіе одной какой-нибудь причины, ибо движеніе цѣвъ обуславливается множествомъ разнородныхъ причинъ, иногда ничего не имѣющихъ между собою общаго. Такъ, независимо отъ внутреннихъ нашихъ обстоятельствъ, цѣны вывозныхъ нашихъ продуктовъ часто колеблются единственно отъ причинъ внѣшнихъ. Напримеръ, въ Англійи съ 1861 г. замѣтно постоянное пониженіе цѣвъ пшеницы, до такой степени отозвавшееся на нашихъ портовыхъ продажныхъ цѣнахъ, что наша пшеница на англійскія Дампги (для покупателей иностранцевъ), то-есть за исключеніемъ разницы вексельнаго курса, не только не возвысилась въ 1864 г. противъ 1863 г., а понизилась въ Петербургѣ на 4, въ Одессѣ на 8, въ Таганрогѣ на 6%. Во всѣхъ разчетахъ по иностранной торговлѣ не должно забывать, что мы получаемъ платежъ за наши товары, хотя и по возвышеннымъ цѣнамъ, но все-таки въ кредитныхъ билетахъ, при которыхъ, чтобы перевести ихъ на звонкую монету, приходится терять 20—25% на курсѣ. Сколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ

нами свидѣній о торговлѣ пушнымъ товаромъ на Нижегородской ярмаркѣ мы видимъ, что самое сильное вздорожаніе (противъ 1863 г.) тѣхъ пушныхъ товаровъ, которые идутъ за границу, было лишь до 20% (напримѣръ темная бѣлка) и то въ видѣ исключенія. Но всего, конечно, любопытнѣе,—для изслѣдованія движенія товарныхъ цѣнъ подѣ влияніемъ колебаній монетной единицы, — цѣны серебряныхъ издѣлій. Мы имѣемъ о нихъ только отрывочныя данныя, однако, достаточно вразумительныя. Серебряныя издѣлія вздорожали въ 1864 г. сравнительно съ 1863 г., но далеко не въ пропорціи возвышенія лака на звонкую монету. Здѣсь положительно замѣчается вздорожаніе *тѣмъ слабѣйшее*, чѣмъ болѣе издѣлія *обдѣланы* и чѣмъ болѣе подходятъ къ разряду предметовъ роскоши. Всего болѣе вздорожали *ложки*, которыя всегда были у насъ лучшимъ мѣриломъ цѣны монеты; ложки, на ярмаркѣ 1863 г., продававшіяся по 29 р. фунтъ, въ 1864 г. продавались 30 р., стало-быть, вздорожали менѣе чѣмъ на 4%. Между тѣмъ тѣ самые фабриканты, отъ которыхъ мы имѣемъ это показаніе, покупали металлъ для ложекъ въ 1863 г. по 22 р. сер. (на кредитные билеты), а въ 1864—24 р.; вздорожаніе было около 9%. Наконецъ, въ теченіе этого самого года серебряный цѣлковый, то-есть металлъ въ монетѣ, поднялся на 25%. Отъ какихъ бы причинъ все это ни происходило (ясно, что тутъ дѣйствовало много при-

вывозныхъ нашихъ товаровъ, даже въ портовыхъ городахъ, не вздорожалъ соразмѣрно съ паденіемъ курсовъ; а между цѣнами портовой (продажа) и мѣстной (покупка) были самыя разнообразныя колебанія, вообще убыточныя для нашихъ производителей. Еще упоминаемъ объ одномъ обстоятельстве, чрезвычайно затрудняющемъ изученіе цѣнъ: это—измѣненіе качествъ и внутренней цѣнности товаровъ. Безпрестанно приходится сравнивать цѣны товара, хотя и того же по названію, но въ сущности сдѣлавшагося другимъ. Такъ, напримѣръ, *обыкновенное желтое казанское мыло* (въ сороковыхъ годахъ около 2 р. пудъ) замѣнилось теперь въ употребленіи *сырымъ—мраморнымъ* (3½ р.) и *химическимъ* (3 р.). Какъ тутъ сравнивать цѣны и выводить ихъ движеніе?

Очевидны послѣдствія подобныхъ операций, еслибы онѣ получили значительное развитіе: возрастаніе спроса должно возвыситъ цѣну, и тогда исключительныя выгоды этихъ операций упадутъ сами собой, и вексельный курсъ окажетъ свое дѣйствіе на цѣны товаровъ.

чинъ и внутреннѣхъ, и внѣшнихъ, въ числѣ прочихъ—высокія дисконтъ, угнетавшій цѣны товаровъ на иностранныхъ рынкахъ), но изъ всего этого очевидно, что такое положеніе цѣнъ было болѣе благоприятно для вывоза нашихъ товаровъ и менѣе благоприятно для ввоза: усиленіе перваго на счетъ послѣдняго составляетъ всѣмъ извѣстный результатъ оборотовъ нашей внѣшней торговли за 1864 годъ. Могло ли быть иначе, когда для нашихъ торговцевъ, при описанномъ отношеніи цѣнъ русскихъ товаровъ къ вексельнымъ курсамъ и лагу, были несравненно выгоднѣе уплачивать свои иностранные долги товарамъ нежели векселями и деньгами; мы знаемъ случаи, когда, напримѣръ, люди, никогда не занимавшіеся сальною торговлей, покупали и посылали за границу сало вмѣсто переводовъ? Могло ли быть иначе, когда торговцы иностранныхъ товаровъ (напримѣръ, всѣмъ извѣстныхъ шелковыхъ матерій и модныхъ издѣлій, винъ, перчатокъ и проч.) никакъ не могли возвысить свои цѣны пропорціонально паденію вексельныхъ курсовъ, которыхъ извѣстная часть обрушивалась на нихъ чистымъ убыткомъ; иначе они должны были бы до крайности сократить сбытъ своихъ товаровъ, а иногда даже и вовсе отъ него отказаться, какъ многіе изъ нихъ положительно намъ это доказывали? Итакъ, во всѣхъ этихъ явленіяхъ мы не можемъ не видѣть дѣйствія того же самаго факта, о которомъ не разъ уже упоминали, а именно,—сокращенія сбытовъ или потребленія, угнетавшаго цѣны товаровъ на всѣхъ нашихъ внутреннѣхъ рынкахъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства операція по покупкѣ и вывозу товаровъ оказывалась въ нынѣшнюю эпоху принудительнаго курса кредитныхъ билетовъ, то-есть съ закрытія ихъ размѣна въ 1863 г., гораздо болѣе выгодною нежели покупка и вывозъ монеты, какъ это было до этого времени, начиная съ окончанія Восточной войны. Но спѣшимъ прибавить, что здѣсь будетъ правильнѣе выразиться такъ: операція по вывозу товаровъ лишь менѣе убыточна, чѣмъ операція по вывозу монеты, и, повидимому, столь выгодная разица продажныхъ цѣнъ русскихъ товаровъ на иностранныхъ рынкахъ сравнительно съ русскими цѣнами, если сравнить ее съ паденіемъ вексельныхъ курсовъ или цѣны нашихъ денегъ, оказывается *чисто мнимою*. Она выгодна единственно какъ дѣло крайней необходимости для уплаты долговъ. Это вполнѣ доказывается результатами нашихъ оборотовъ по иностран-

ной торговлѣ въ 1864 году, которая, несмотря на сильное превышеніе вывоза надъ ввозомъ, все-таки упала и падаетъ. Эти разсужденія и могутъ служить отвѣтомъ для тѣхъ, которые дѣлаютъ у насъ вслѣдствіе паденія вексельныхъ курсовъ. Дѣйствительно мы знаемъ, что, несмотря на многорѣчивыя сужденія нашихъ экономистовъ - самоучекъ о чрезвычайной пользѣ для отечественнаго производства отъ паденія иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, благоприятствующаго вывозу нашихъ товаровъ и противодѣйствующаго ввозу иностранныхъ, отечественное производство никакъ не оживляется, и только уменьшается количество иностранныхъ судовъ, приходящихъ въ русскіе порты, приходящихъ, конечно, столько же съ товаромъ какъ и за товаромъ, * ибо русскихъ судовъ для отвоза русскихъ товаровъ въ иностранные порты почти не имѣется; вмѣстѣ съ тѣмъ, падаетъ казенный доходъ отъ таможенныхъ пошлинъ. ** жизнь не дешевѣетъ, а опять дорожаетъ послѣ нѣкоторой приостановки въ 1862—1863 годахъ въ Русскомъ государствѣ, и дороговизна по прежнему выгоняетъ толпы русскихъ путешественниковъ за границу. *** Мы ограничимся пока этими замѣчаніями относительно гибельныхъ послѣдствій непостоянства монетной единицы: уже изъ сказаннаго видно отчасти что должно думать о мнимыхъ выгодахъ отъ паденія вексельныхъ курсовъ, которымъ могла пользоваться только мгновенная спекуляція, всегда умѣющая извлечь свою пользу изъ всякаго потрясенія цѣнъ; легко понять, что дальнѣйшее движеніе цѣнъ непременно должно уничтожить и эти мгновенныя выгоды, и во всей силѣ обнаружатся послѣдствія искусственнаго колебанія товарныхъ цѣнъ, происходящаго отъ колебаній монетной единицы и лишающаго расчеты правильной торговли всякаго прочнаго основанія. Возвращаемся снова къ кяхтинской торговлѣ.

Какъ мы видимъ, причины особенно счастливой ея развязки на ярмаркѣ 1864 года находятся въ самой тѣсной связи съ общимъ положеніемъ нашихъ денежныхъ дѣлъ и

* Такъ, въ 1864 году иностранныхъ кораблей, посѣтившихъ петербургскій портъ, было на одну треть менше чѣмъ въ 1863 году.

** По одной петербургской таможнѣ въ 1864 году поступило сборовъ менше противъ 1863 года на 3 мил. 250 тысячъ.

*** Количество отъѣхавшихъ за границу, уменьшившееся въ 1863 году, снова возросло въ 1864 году.

объясняются имъ. Не паденіе вексельныхъ курсовъ само по себѣ, отдѣльно взятое, а исключительно выпавшее на долю 1864 года отношеніе покупной стоимости чаевъ въ Кяхтѣ къ послѣдствіямъ этого паденія (вздорожанію монетъ, нѣкоторому вздорожанію чаевъ и, главное, уменьшенію привоза соперничающаго чая), другими словами, относительная дешевизна русскихъ товаровъ, пошедшихъ въ обмѣнъ на чай 1864 года,—вотъ главная и господствующая причина нынѣшнихъ барышей кяхтинской торговли.

Два условія, въ ихъ взаимномъ отношеніи, опредѣляютъ собою обстоятельства кяхтинской чайной торговли: *продажная* цѣна чая, надъ которою, вслѣдствіе ввоза кантонскаго чая, господствуетъ нынѣ всемірная монетная единица (или отношеніе къ ней нашихъ законенныхъ бумажныхъ денегъ) и *покупная* цѣна чая, надъ которою господствуетъ цѣна нашихъ вывозныхъ товаровъ (или отношеніе ихъ ко всемірной звонкой монетѣ). Чѣмъ послѣдняя изъ этихъ двухъ величинъ (покупная цѣна) менѣе первой (продажная цѣна), чѣмъ цѣна русскихъ товаровъ дешевле, считая на всемірную монетную единицу, тѣмъ выгоднѣе должна быть кяхтинская торговля для ея участниковъ. Чтобы такое отношеніе покупной и продажной цѣнъ чая было вмѣстѣ съ тѣмъ и возможно болѣе выгодно для потребителей чая, нужно чтобы эта пропорція возрастала не на счетъ вздорожанія продажнаго чая, а на счетъ удешевленія покупнаго; другими словами, барыши торговцевъ должны возрастать съ удешевленіемъ чая, которое къ тому же увеличиваетъ количество сбытовъ. Происшедшее въ 1864 году удешевленіе русскихъ кяхтинскихъ товаровъ не есть, какъ мы видѣли изъ всего предыдущаго, удешевленіе дѣйствительное, нормальное, здоровое, а только *временное*, или ослабленіе вздорожанія относительно не всемірной монетной единицы, а относительно даже бумажныхъ денегъ, то-есть ихъ цѣнности на звонкую всемірную единицу. Такое отношеніе цѣнъ, обусловленное внутренними болѣзненными обстоятельствами нашего народнаго хозяйства, сокращеніемъ потребленія и сбытовъ, послѣ непомѣрнаго и ненормальнаго ихъ увеличенія, есть только одинъ изъ разнообразнѣйшихъ поворотовъ, временныхъ переходовъ коренной болѣзни, подтачивающей всѣ жизненные отправления нашего экономическаго организма: разстройства нашего денежнаго обращенія, соответствующаго разстройству обращенія крови въ живот-

номъ организмѣ. Такъ какъ всѣ выгоды, простекающія изъ болѣзненныхъ колебаній вексельныхъ курсовъ, не могутъ быть выгодами народнаго хозяйства, а лишь случайными и мимолетными выгодами спекуляціи, и вздорожаніе нашихъ вывозныхъ товаровъ, переведенное на всемірную монету, оказывается мнимымъ, то и барыши каждаго русскаго торговца, въ томъ числѣ и Кяхтинца, суть чисто мнимые до тѣхъ поръ, пока эти барыши будутъ выражаться въ монетной единицѣ, до такой степени колеблющейся какъ наша. Чтобъ эти барыши, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и процвѣтаніе нашей торговли сдѣлались дѣйствительными, необходимо чтобы то отношеніе стоимости кяхтинскаго чая къ его продажной цѣнѣ, которое случайно выпало на долю 1864 года, сдѣлалось постояннымъ; а для этого необходимы условія, могущія способствовать успѣхамъ и дешевизнѣ нашего производства, въ томъ числѣ и прекращеніе нашей денежной неурядицы. Паденіе вексельныхъ курсовъ, могущее и по всѣмъ вѣроятіямъ долженствующее еще усилиться, должно *необходимымъ образомъ* повести за собою, съ истощеніемъ запасовъ иностранныхъ товаровъ на нашихъ рынкахъ и съ бѣгствомъ капиталовъ за границу, вздорожаніе сперва ввозныхъ товаровъ, а потомъ и всѣхъ сродственныхъ имъ русскихъ товаровъ, какое бы еще ни произошло сокращеніе потребленія и сбытовъ. Поднимутся ли при этомъ и насколько, сравнительно съ другими товарами, цѣны на чай, это еще вопросъ, на который никакъ нельзя отвѣчать утвердительно, ибо гибельное потрясеніе въ цѣнахъ, производимое колебаніями монетной единицы, именно и заключается въ чрезвычайной неравномѣрности движенія цѣнъ по разнымъ товарамъ. Этою неравномѣрностью и пользуется случайная спекуляція, и отъ нея-то приходитъ въ упадокъ правильная торговля. Счастливая развязка ярмарки 1864 года связана, какъ видѣли, съ сокращеніемъ почти вдвое количества кяхтинскаго чая, привезеннаго въ 1864 году, сравнительно съ 1863 годомъ (съ 60 т. ящ. до 37 т.), при упадкѣ ввоза кантонскаго чая, — обстоятельство во многихъ отношеніяхъ могущее служить полезнымъ указаніемъ. Поэтому, весьма желательно чтобы кяхтинскіе торговцы не увлеклись выгодною развязкой 1864 года и были осторожны относительно привоза чаевъ въ 1865 году.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что цѣна пріобрѣтенія кяхтинскаго чая можетъ быть удешевлена сама по себѣ, независимо отъ случайныхъ обстоятельствъ: 1) пріобрѣтеніемъ чая изъ первыхъ китайскихъ рукъ на внутреннихъ китайскихъ чайныхъ рынкахъ, а не отъ перекупщиковъ Китайцевъ въ Кяхтѣ; это обстоятельство даетъ значительное превосходство кантонскому чаю передъ кяхтинскимъ, и на него обратили наши купцы вниманіе, посылая въ послѣдніе два года своихъ агентовъ въ Китай; 2) удешевленіемъ доставки изъ Сибири; но это уже менѣе всего зависитъ отъ самихъ купцовъ.

Впрочемъ, кяхтинскіе торговцы нисколько и не обманываются насчетъ положенія и будущности своихъ дѣлъ, хотя сами они и толкуютъ ихъ, можетъ-быть, нѣсколько иначе нежели мы. Они, такъ же какъ и мы, вовсе не считаютъ кризисъ, наставшій для нихъ съ ввозомъ кантонскаго чая, законченнымъ. Законное допущеніе *кантонскаго чая*, — или, точнѣе сказать, устраненіе искусственныхъ привилегій, препятствовавшихъ свободному и естественному соперничеству у насъ мореходной чайной торговли съ сухопутною, — невозможно не признать мѣрою крайней государственной необходимости, хотя бы даже съ точки зрѣнія противодѣйствія ввозу контрабанднаго чая, уже давно наносившаго страшную конкуренцію кяхтинскому. Эта мѣра никоимъ образомъ не можетъ быть смертельнымъ ударомъ для кяхтинской торговли, для которой, и кромѣ искусственнаго возвышенія цѣны на чай, есть много еще средствъ охранить свои коммерческія выгоды и интересы, отклонить и уменьшить обстоятельства, противныя этимъ интересамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересамъ всей публики. Свободная конкуренція кантонскаго чая была дѣйствительно переломомъ въ кяхтинской торговлѣ; но одно изъ полезнѣйшихъ послѣдствій ослабленія таможеннаго покровительства состоитъ именно въ томъ, что оно вызываетъ новыя общепользныя мѣры какъ со стороны государства, такъ и со стороны самой торговли. Кяхтинская торговля уже съ честью воспользовалась для своихъ успѣховъ нанесеннымъ ей ударомъ. Можно радоваться, что счастливое стеченіе обстоятельствъ въ 1864 году увѣнчало успѣхомъ усилія кяхтинскихъ торговцевъ. Можно еще болѣе радоваться, что они не увлекаются, сколько намъ извѣстно, этимъ успѣхомъ и тщательно заботятся

объ устраненіи неблагоприятныхъ для своего дѣла обстоятельствъ. Въ особенности же нельзя не порадоваться тому направленію, которое, по соглашенію съ самими представителями торговли (столь желательному во всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ относительно торговли), должны принять нѣкоторыя мѣры, ожидаемыя въ близкомъ будущемъ и вполне согласныя съ интересами всей чайной публики.

Предполагается, сколько намъ извѣстно, сравнять существующія пошлины на кяхтинскій чай (на черный 15 и цвѣточный 40 к.), такъ что 15 к. будетъ пошлиной одинаковою для всѣхъ, безъ изыятія, сортовъ. Эта мѣра должна значительно содѣйствовать къ возрастанію торговли цвѣточнымъ чаемъ, который въ послѣдніе годы чрезвычайно упалъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, торговцы освободятся отъ стѣснительнаго для нихъ осмотра чаевъ на таможахъ, для опредѣленія достоинства чаевъ. Одновременно съ этимъ предполагается понизить пошлину и на цвѣточный кантонскій чай, который нынѣ облагается въ приморскихъ таможахъ 65 к., а на сухопутныхъ 60 к.; пониженіе должно быть до 50 к., съ тѣмъ чтобъ эта пошлина была одинакова какъ для мореходнаго, такъ и сухопутнаго привоза, который чрезвычайно усилился въ послѣднее время по желѣзнымъ дорогамъ (преимущественно чрезъ Вержболовскую таможню). Наконецъ, пошлину на черные кантонскіе чаи предполагается также установить одинаковою въ 35 к. какъ для мореходнаго (нынѣ 35 к.), такъ и сухопутнаго привоза (нынѣ 30 к.). Это послѣднее возвышеніе пошлины на кантонскій чай, хотя и весьма незначительное, почти даже мнимое (всѣмъ дѣшеvizны доставки по желѣзнымъ дорогамъ, не оправдывавшей разницы въ пошлинахъ), составляетъ нѣкоторое исключеніе изъ общей совокупности этихъ мѣръ, вообще клонящихся къ пониженію таможенныхъ пошлинъ на всѣхъ путяхъ и къ удешевленію чая. * Дальнѣйшее пониженіе пошлинъ призна-

* Вся эта проектированная система пошлинъ должна удовлетворять, въ пользу кяхтинской торговли, разницѣ въ расходахъ доставки кяхтинскаго чая сравнительно съ кантонскимъ (по показанію Кяхтинцевъ, составляющей будто бы до 40 к. на фунтъ). Мы имѣемъ полное основаніе думать, что эта цифра, занимающая главное мѣсто въ жалобахъ, крайне преувеличена. Въ официальныхъ бумагахъ расходы доставки и другіе показываются отъ Кяхты до Москвы въ 23 к. и до 27 на фунтъ черного чая, что составило бы болѣе 9 р. на пудъ,
а

но пока невозможнымъ при нынѣшнихъ способахъ государственнаго казначейства, для котораго чайная пошлина составляетъ весьма значительный доходъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что пошлины составляютъ важную долю въ расходахъ приобрѣтенія чая, никакъ не менѣе 50%. Надо надѣяться, что кяхтинскіе торговцы воспользуются настоящимъ временемъ для напряженія всѣхъ своихъ усилій къ главной цѣли—къ возможно большому удешевленію своего товара. Другое важное затрудненіе, съ которымъ они борются,—контрабанда, хотя и ослабѣвшая, но все еще продолжающаяся, и притомъ контрабанда такъ-называемая правильная и систематическая, подрывающая всѣ отрасли нашей торговли, должна,—мы готовы надѣяться, — уступить болѣе энергическимъ мѣрамъ правительственнаго надзора за нашими таможами. Во всякомъ случаѣ желательно, и это понято въ послѣднее время самими торговцами, чтобы всѣ силы этого надзора сосредоточились исключительно на таможахъ, а не на внутреннихъ путяхъ торговли, гдѣ надзоръ можетъ повести только къ стѣснительнымъ для правильной торговли дѣйствіямъ администраціи.* Сверхъ всего этого, предполагается оказать кяхтинскимъ торговцамъ, согласно желанію ихъ, разныя кредитныя льготы по ссудамъ изъ государственнаго банка и по очисткѣ пошлинъ. Съ своей стороны, мы замѣтимъ здѣсь только, что отсутствіе тѣхъ банковыхъ воспособленій, которыми располагаетъ нынѣ въ такихъ большихъ размѣрахъ торговля въ западной Европѣ (напримѣръ относительная легкость перевода платежей англійскихъ купцовъ на китайскіе рынки, справедливо выставляемая Кяхтинцами въ ихъ жалобахъ), и разныхъ мелочныхъ административныхъ стѣсненій, которыя вовлекаютъ нашу торговлю въ такіе значительные накладные расходы, представляютъ обширное поприще для улучшенія обстоятельствъ нашей торговли, не говоря уже о коренномъ на-

тогда какъ намъ достоверно извѣстно, что доставка обходилась 5 р. пудъ, а въ 1864 г. обходилась 4 р. (со включеніемъ упаковки, которой приходится до 12 ф. на ящикъ, то-есть прибавительно на 87 ф. или 75 ф. чая). Однимъ словомъ, по нашему разчету, выходило бы максимумъ 20 к. на фунтъ (или 15 р. на ящикъ съ упаковкой) со всеми расходами при перевозкѣ и продажахъ.

* См. прекрасную въ этомъ смыслѣ статью В. Климущина „О вліаніи бандерольной системы на нашу внутреннюю чайную торговлю.“ (Москва. Вѣдом. 1864 г. № 194.)

шемъ злѣ—плохомъ состояніи путей сообщенія. Для всего государства какъ нельзя болѣе плодотворно было бы направленіе жалобъ и ходатайствъ нашихъ торговцевъ именно къ отклоненію всѣхъ обстоятельствъ, столько же неблагоприятныхъ для нихъ, какъ и для всего народнаго хозяйства,—обстоятельствъ, нерѣдко забываемыхъ посреди исключительныхъ заботъ о таможенномъ покровительствѣ.

Послѣ кяхтинской торговли скажемъ нѣсколько словъ о торговлѣ *железной*, также специально принадлежащей Нижегородской ярмаркѣ и обусловленной ея географическимъ положеніемъ. Развязкой этого дѣла на ярмаркѣ 1864 г., кажется, всѣ недовольны,—и заводчики, и ихъ партіонные (гуртовые) покупатели, и вообще торговцы; не могутъ быть также довольны и потребители желѣза, или публика, ибо, несмотря на крайнюю народную нужду въ удешевленіи желѣза, цѣны на него не падаютъ. На ярмаркѣ 1864 г., послѣ многихъ колебаній, цѣны вообще не измѣнились: одни сорта возвысились, другіе понизились; послѣ нѣкотораго возвышенія при переходѣ во вторыя руки, первыя руки должны были сдѣлать уступку. * Между тѣмъ какъ ни желательное удешевленіе желѣза, заводчики остались недовольны ярмаркой именно потому, что имъ не удалось поднять цѣны; а партіонные торговцы сожалѣли, что дали даже и тѣ цѣны, ибо большіе запасы остались у нихъ не проданными во вторыя руки. Для желѣза настала кризисъ съ освобожденіемъ крестьянъ: расходы не только производства, но и доставки съ заводовъ къ пристанямъ (производившейся прежде обязательнымъ трудомъ) возрасли; заводчики обременены долгами и не имѣютъ достаточныхъ оборотныхъ капиталовъ, а при всемъ этомъ сбытъ и потребление желѣза, какъ удостовѣряли насъ крупныя торговцы, вообще не усиливаются у насъ, по крайней мѣрѣ усиливаются не въ той степени, въ какой это было бы необходимо, чтобы продавцы могли возвысить свои цѣны, или, наоборотъ, чтобы при дешезизнѣ барыши наверстывались на массѣ продаваемого товара и быстротѣ оборота денегъ. Изъ всего этого уже можно заключить, какъ сложно желѣзное дѣло, вслѣд-

* Какъ трудно имѣть вѣрныя данныя о количествѣ товара на ярмаркѣ доказываетъ желѣзо, о которомъ, казалось бы, относительно не трудно имѣть ихъ. Между тѣмъ по однимъ источникамъ запасы желѣза въ 1864 г. были болѣе, по другимъ—менѣе чѣмъ въ 1863 г. Всего было около 4 милл. пудовъ.

стве разнообразія и даже противоположности обуславливающих его интересовъ. Мы положительно убѣдились только въ одномъ, что иностранное желѣзо, котораго такъ опасались наши заводчики, не наноситъ рѣшительно никакой конкуренціи нашему, такъ что о немъ и не слышно. На ярмаркѣ 1864 г. былъ одинъ весьма замѣчательный фактъ: значительная покупка желѣзныхъ товаровъ для Азіи, въ особенности Персіянами и Армянами, прежде неизвѣстная или по крайней мѣрѣ ничтожная. Намъ удостовѣрили, что этотъ фактъ также обуславливается дороговизною звонкой монеты, вывозу которой предпочитали вывозъ относительно болѣе дешевыхъ желѣзныхъ товаровъ. Въ устройствѣ нашей желѣзной торговли есть одно обстоятельство, возбуждающее всеобщія жалобы и заслуживающее хотя бѣлаго здѣсь упоминанія: это—участіе въ ней партіонныхъ торговцевъ, своимъ дорогимъ посредничествомъ наносящихъ будто бы ущербъ и заводчикамъ, и потребителямъ. Насколько мы успѣли вникнуть въ это обстоятельство, мы находимъ эти жалобы, съ общей экономической точки зрѣнія, весьма несправедливыми, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и могутъ быть со стороны партіонныхъ торговцевъ злоупотребленія своею силой, то-есть капиталомъ и кредитомъ, придающими имъ нынѣшнее ихъ значеніе. Злоупотребленія, впрочемъ, происходятъ единственно отъ малочисленности этихъ партіонныхъ покупателей и продавцовъ желѣза, число которыхъ уже издавна удивительнымъ образомъ ограничивается тремя лицами. Увеличенія ихъ числа, которое усилило бы конкуренцію, нынѣ между ними почти не существующую, вотъ все, чего можно желать. А само по себѣ ихъ посредничество необходимо по тѣмъ соображеніямъ, о которыхъ мы говорили, указывая на роль партіонныхъ чайныхъ торговцевъ. Желѣзные партіонные торговцы кредитуютъ какъ заводчиковъ, такъ и мелочныхъ или, лучше, городскихъ, мѣстныхъ торговцевъ, которыхъ операціи принимаютъ однако иногда большіе размѣры: этотъ кредитъ въ особенности необходимъ въ торговлѣ желѣзомъ. При нашихъ путяхъ сообщенія оно двигается весьма медленно (например желѣзо съ Нижегородской ярмарки поспѣваетъ въ Кіевъ черезъ годъ, Окой до Калуги, гужомъ до Брянска, гдѣ иногда зимуетъ, и оттуда Десной и Днѣпромъ; желѣзо изъ Нижняго даже иногда не поспѣваетъ въ Тверь безъ зимовки

выше Рыбинска), а заводчикамъ нужны для производства деньги, которыхъ имъ не могутъ доставлять вторыя и третьи руки. Сверхъ того, первыя или партіонныя руки, раздавая желѣзо въ кредитъ во вторыя руки, и вмѣстѣ съ тѣмъ открывая кредитъ и уплачивая наличныя деньги заводчикамъ, приобрѣли особую опытность въ этихъ кредитныхъ сдѣлкахъ, требующихъ особыхъ свѣдѣній, особой дѣятельности и особыхъ рисковъ. Мы увѣрены, что безъ партіонныхъ торговцевъ желѣзо претерпѣвало бы еще болѣе коммерческихъ потрясеній. На ярмаркѣ 1864 г. былъ сдѣланъ однимъ заводчикомъ первый опытъ освободиться изъ-подъ гнета партіонныхъ торговцевъ: онъ распродалъ свое желѣзо прямо городовымъ, хотя и по тѣмъ же цѣнамъ, за какія покупаютъ партіонныя. Онъ вынужденъ былъ раздать много въ кредитъ. Будущее покажетъ результаты этой операціи, о которой много говорили, и которая пока не обнаружила особаго вліянія на дѣло.

Торговля *кожами*, сырыми и обдѣланными, и кожаными издѣліями занимаетъ значительное мѣсто на Нижегородской ярмаркѣ. Мы не изучали этой торговли во всей ея многосторонней совокупности и имѣемъ только нѣкоторыя, слишкомъ отрывочныя данныя, что и объясняетъ, можетъ-быть, отчасти нѣкоторое разнорѣчіе въ доходившихъ до насъ отзывахъ о ходѣ этой торговли. Достоверно кажется, что всего лучше (и никакъ не хуже, если не лучше предыдущихъ лѣтъ) въ этой области шель *строчный* товаръ, въ особенности сапожный и башмачный, удовлетворяющій потребностямъ низшихъ и среднихъ нашихъ классовъ; вообще видно по всѣмъ отзывамъ, что спросъ на кожаную обувь значительно усилился у насъ въ послѣдніе годы. Намъ извѣстно также, что хорошо торговали на ярмаркѣ *кобтыю*, отпускъ которой за границу (какъ въ Европу, такъ и въ Азію) особенно усилился (въ 1864 г. удвоился противъ 1863 г.), и также телячьей кожей, идущую собственно на выдѣлку *лаковой* кожи, которой потребленіе чрезвычайно усилилось и у насъ, и за границей. Объ этомъ послѣднемъ товарѣ намъ сообщены весьма любопытныя свѣдѣнія: спросъ за границей на телячью кожу такъ великъ, что все привезенное на ярмарку (сборщиками-крестьянами и купцами Вологодской и Вятской губерній) количество ихъ было закуплено, и иностранныя комиссіонеры этого товара готовы были купить сколько бы его ни

было, несмотря на существенные недостатки * и дороговизну ** (сравнительно съ заграничными цѣнами) нашихъ кожъ. При нѣкоторыхъ усиліяхъ мы можемъ значительно поднять эту статью отпуска и внутренняго производства. Россія уже сама стала выдѣлывать лаковые кожи (даже по деревнямъ), но кромѣ Петербурга (гдѣ эта фабрикація въ рукахъ иностранцевъ) наши лаковые кожи не могутъ сравниться съ иностранными, и мы покупаемъ въ огромномъ количествѣ товары выдѣланные иностранцами изъ нашихъ же сырыхъ телячьихъ кожъ. Вотъ еще статья для самой естественной отечественной фабрикаціи, не нуждающаяся для своихъ успѣховъ въ искусственныхъ таможенныхъ привилегіяхъ. Сколько мы замѣтили, цѣны на кожаный товаръ (кромѣ кожъ, требующихся за границу) остались безъ измѣненія.

О *пушномъ* или мѣховомъ товарѣ, играющемъ большую роль на Нижегородской ярмаркѣ, нами уже было упомянуто. Торговля эта такъ обширна и такъ разнообразна, что мы не могли ее достаточно изучить. Наши данныя почти исключительно относятся къ торговлѣ *обдѣланными* московскими мѣхами, вообще высшей категоріи. Здѣсь замѣчено было нѣкоторое уменьшеніе сбыта въ сравненіи съ ярмаркой 1863 г., въ особенности городовымъ купцамъ; всего тише торговали дворянскими мѣхами. Однако не всѣ сорта и крестьянскихъ мѣховъ поднялись въ сбытъ; такъ, напримѣръ, упала продажа бѣличьихъ воротниковъ для крестьянъ. Цѣны стояли вообще выше 1863 г., но значительное возвышеніе было только по мѣхамъ, отпускаемымъ за границу: въ числѣ послѣднихъ замѣчается чрезвычайное усиленіе спроса на бѣлку и горностаѣй. Если справедливо сообщенное намъ свѣдѣніе, что вообще продажныя (въ особенности розничныя) цѣны обдѣланныхъ мѣховъ внутренняго потребленія мало измѣнились въ послѣднее время, въ

* Недостатки эти происходятъ отъ небрежнаго обращенія крестьянъ съ животными какъ живыми, такъ и мертвыми (при снятіи кожъ).

** Послѣ Восточной войны, спекуляція чрезвычайно подняла цѣны на этотъ товаръ; съ 1857 по 1860 г. обнаружилась кризисъ въ цѣнахъ, а съ тѣхъ поръ и въ самое послѣднее время цѣны вмѣстѣ съ иностраннымъ спросомъ снова оживились. Здѣсь, какъ почти въ каждой отрасли, проявляются тѣ же факты общаго хода нашихъ дѣлъ, хотя и въ другихъ видахъ и въ другіе періоды.

особенности различны, а цѣны не обдѣланныхъ мѣховъ, для которыхъ главный рынокъ—Ирбитская ярмарка, поднялись, то это согласно съ общимъ ходомъ нашего народнаго хозяйства. Прибавимъ, что въ разсматриваемой нами отрасли торговли заслуживаетъ особеннаго вниманія дѣло, получившее необыкновенное развитіе въ послѣдніе года, а именно,—выдѣлка овчинъ и другихъ мѣховъ въ г. Шуѣ, Владимірской губерніи. Чтобы судить объ этомъ развитіи достаточно сказать, что въ 1863 г. было изготовлено въ Шуѣ до 100 тысячъ полушубковъ для военнаго вѣдомства. Шуѣтскіе шубники такъ увлеклись своимъ успѣхомъ, что на ярмарку 1864 г. были ими навезены чрезмѣрные запасы товара, и цѣны на него значительно упали. Это, конечно, только временное потрясеніе; дѣло разлилось весьма крѣпко и, между прочимъ, замѣчательно тѣмъ, что находится въ рукахъ простыхъ крестьянъ, въ послѣднее время переходящихъ для него на жительство въ Шую.

Заклучимъ нашъ очеркъ разныхъ отраслей торговли на Нижегородскій ярмаркѣ упоминаніемъ объ одной особой отрасли, относительно которой намъ также удалось собрать нѣсколько личныхъ наблюденій, и которая связываетъ экономическую сторону этого великаго русскаго торжища съ его нравственною стороною. Мы говоримъ о *книжной торговлѣ*, которую купцы по всей справедливости называютъ *убогою торговлей*. Дѣйствительно, когда всматриваемся въ торговлю книгами посреди этого несмѣтнаго собранія товаровъ, удовлетворяющихъ всѣмъ безъ изъятія потребностямъ русскихъ людей, она производитъ какое-то странное впечатлѣніе: она какъ, будто существуетъ не по какой-нибудь надобности и нуждѣ покупателей и не изъ-за барышей продающихъ, а лишь благодаря добротнымъ подаваніямъ отъ барышей прочихъ отраслей торговли. Никто изъ торгующихъ не принимаетъ книжной торговли за серіозное дѣло, а такъ, за развлеченіе и препровожденіе времени книготорговцевъ. Такъ оно пожалуй и было на самомъ дѣлѣ. Послѣ развязки ярмарки, наканунѣ разѣзда, купцы, довольные своими дѣлами, покупаютъ гостинцы для домашнихъ; при этомъ, бывало, приказывали своимъ молодцамъ забѣгать и въ книжную лавку и захватить кое-какія книжки подешевле. Книгопродавцы и укладывали что имъ вздумается. Такъ возились книги для ребятъ въ качествѣ калачей и пряниковъ. Этотъ обычай, нынѣ впрочемъ исчезающій, хорошо живописуетъ книжную тор-

говою. Книги самый не ходкий у насъ товаръ; а если какія книги и расходятся быстро; то обыкновенно независимо отъ всякихъ свойствъ внутренняго своего достоинства. Такъ, напримеръ, единственная книга, бойко раскупавшаяся на ярмаркѣ 1864 г., было самоеобычайшее сочиненіе, вовсе неизвѣстное въ литературномъ мірѣ и вышедшее (собственно перепечатанное) въ 1864 г. подъ длиннымъ заглавіемъ „10.000 рецептовъ,“ и проч. Конечно, нѣтъ другаго у насъ товара, относительно котораго понятія и вкусы производителей и вообще условія предложенія до такой степени расходились бы съ понятіями и вкусамъ потребителей и съ условіями спроса. Это самая выпуклая экономическая черта книжной торговли. Слабый спросъ на книги нельзя объяснить, какъ это часто дѣлается, отсутствіемъ умственныхъ потребностей и недостаткомъ денегъ; въ то время какъ комелекъ необыкновенно туго раскрывается у русской публики въ книжной лавкѣ, чтобы заплатить лишніа 25 коп. за книгу, въ это самое время, не далеко отъ той же самой лавки, выкладываются изъ крестьянской мощны сотни рублей за одинъ какой-нибудь томъ печатнаго письма, и притомъ за такой, въ который никогда и не заглянетъ покупатель обыкновенныхъ нашихъ книжныхъ лавокъ. Мы сами видѣли сѣрыхъ мужичковъ и бабъ, въ изорванной одеждѣ, выкладывающихъ дрожащею рукою крупныя суммы денегъ за старопечатныя раскольничьи книги: 25 руб. или 50 руб. сер. платится за книгу какъ ничего, лишь бы продающій удостовѣрилъ что она *настоящая*. Торговля старопечатными раскольничьими книгами составляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій на Нижегородской ярмаркѣ. Изумительно, откуда появляются такіа деньги! Изумительно, съ какимъ азартомъ онѣ поспѣшно выдаются, лишь бы не выпустить изъ рукъ драгоценнаго экземпляра, уцѣлѣвшаго отъ временъ Стоглава и Иосифа! Конечно, этотъ азартъ неизмѣримо превосходитъ своимъ пыломъ жадность, съ какою, на противоположной оконечности нравственныхъ движеній нашего общества, раскупаются современные продукты Фохта и Молешота. Намъ много говорили на ярмаркѣ о чрезвычайномъ усиленіи спроса, въ обыкновенной или гражданской нашей книжной торговлѣ, на естественно-историческіа книги и объ упадкѣ спроса на книги духовныа и церковныа. Наши наблюденія не подтвердили, однакожь, этого факта, существующаго, кажется, только въ воображе-

ни его ревнителей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣдились, что новомодныя произведенія нашей новопечатной литературы не скользятъ на одной только поверхности общества, что они проникаютъ нѣсколько далѣе нежели всѣ думаютъ, и встрѣчаются даже на той самой почвѣ, гдѣ господствуетъ старопечатная литература. Эта встрѣча порождаетъ новыя нравственныя явленія особаго рода, весьма любопытныя, но уже выходящія изъ границъ предмета настоящей статьи. Въ послѣдствіи, говоря о нравственной сторонѣ ярмарки, мы, можетъ-быть, коснемся и этихъ явленій.

ВЛАДИМИРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

ОЧЕРКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ

ОЧЕРКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ.

В. П. БЕЗОБРАЗОВА.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о)

на Страстн. бульварѣ.

1865.

Дозволено цензурой. Москва, 26-го сентября 1865 года.

IV.

Въ послѣднее время уже не разъ былъ возбужденъ вопросъ: какая будущность ожидаетъ Нижегородскую ярмарку? На этотъ вопросъ люди одинаково хорошо знакомые съ ярмаркой даютъ два противоположные отвѣта: одни предвидятъ неминуемое ея паденіе, а другіе—возрастаніе. Тѣ и другіе находятъ уже въ настоящемъ признаки своихъ предвидѣній, и дѣйствительно опираются въ своихъ соображеніяхъ на нѣкоторые положительные факты. Это висколько не должно удивлять насъ, если вспомнимъ, что каждое явленіе народной жизни, а тѣмъ болѣе явленіе, развивавшееся подобно Макарьевской ярмаркѣ вѣками, обусловлено столь многими самыми разнообразными потребностями и обстоятельствами, которыя всѣ вмѣстѣ пораждаютъ данный фактъ, и въ то же время нерѣдко противорѣчатъ одни другимъ въ своихъ внѣшнихъ признакахъ. Такъ, существованіе ярмарокъ обусловливается главнымъ образомъ недостаткомъ, съ одной стороны, путей и способовъ сообщеній, а съ другой—различныхъ принадлежностей правильной торговли, матеріальныхъ и нравственныхъ, каковы: биржи, дающія возможность и безъ ярмарокъ сходиться торгующимъ людямъ для сдѣлокъ и для ознакомленія съ положеніемъ рынка; далѣе, сильные коммерческіе и складочные центры, непрерывно получающіе товары и снабжающіе ими разные края безъ значительныхъ для того переѣздовъ мелкихъ торговцевъ и потребителей, вообще коммерческое довѣріе, близкое знакомство торговцевъ и потребителей съ товаромъ и гласность всего происходящаго въ промышленномъ мірѣ, позволяющія прода-

вать и покупать по образцамъ безъ убыточной перевозки самыхъ запасовъ товаровъ; наконецъ, кредитъ, банки и всякаго рода кредитные и коммерческіе посредники, достаточно организованные, для того чтобы не требовать самоличнаго заключенія торговыми срочныхъ сделокъ и тѣмъ менѣ личныхъ поисковъ за должниками, составляющихъ одну изъ главныхъ цѣлей посѣщенія нашихъ ярмарокъ многими купцами. Недостаточное развитіе подобныхъ условій, указанныхъ здѣсь лишь въ самыхъ крупныхъ чертахъ, очевидно, сопутствуетъ недостаточному развитію торговой дѣятельности народа и доказываетъ ея слабость, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ другими народами, уже обладающими упомянутыми коммерческими силами. Но очевидно, что торговля въ данной странѣ, даже при обстоятельствахъ и обычаяхъ поддерживающихъ ея ярмарочный характеръ, можетъ все-таки по временамъ относительно усиливаться, могутъ, слѣдовательно, возрастать и ярмарки, въ которыхъ она главнымъ образомъ сосредоточена; и такимъ образомъ признаки слабости и силы могутъ перемѣшиваться въ глазахъ наблюдателя и производить на него самыя противоположныя впечатлѣнія. Такъ было не разъ и съ Нижегородскою ярмаркою, обороты которой, подъ вліяніемъ общаго состоянія промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ въ Россіи, то усиливались, какъ послѣ Восточной войны въ 1857 и 1858 гг., то сокращались, какъ въ шестидесятыхъ годахъ, посреди общаго застоя и хлопчатобумажнаго кризиса. Потому чрезвычайно трудно дѣлать какія-либо общія заключенія о движеніи этой ярмарки, въ особенности посреди нынѣшнихъ экономическихъ обстоятельствъ, положительно ненормальныхъ, посреди той всеобщей передѣлки народнаго хозяйства, которую мы теперь переживаемъ. То что въ ходѣ ярмарки составляетъ не болѣе какъ послѣдствіе временныхъ коммерческихъ потрясеній всего государства, можетъ быть легко принято за перемѣну въ характерѣ самой ярмарки. Точно также можетъ быть и наоборотъ: существенныя измѣненія въ самомъ характерѣ ярмарки могутъ быть объясняемы лишь какъ дѣйствіе проходящихъ обстоятельствъ торговли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ настоящая эпоха затрудняетъ общія заключенія относительно Макарьевскаго торговаго еще и въ иномъ отношеніи: въ послѣднее время нѣсколько измѣнились именно тѣ условія народной жизни, которыя дали такое громадное развитіе нашей ярмарочной торговлѣ вообще и спеціально

Нижегородской. Вступает въ силу новая система сообщеній: желѣзныя дороги начинаютъ конкурировать съ водяными сообщениями, доселѣ у насъ господствовавшими и, какъ мы видѣли, чрезвычайно благопріятствовавшими Нижегородской ярмаркѣ. Но, съ другой стороны, къ сооруженію нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ приступлено такими нервѣшительными шагами, что у насъ до сихъ поръ не могло еще обнаружиться все дѣйствіе новой системы сообщеній, которая кореннымъ образомъ передѣлала коммерческую карту Европы и уничтожаетъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ существованія ярмарокъ. Во всякомъ случаѣ и тѣ измѣненія и усовершенствованія въ способахъ сообщеній, какія осуществились въ послѣднее время какъ непосредственно въ отношеніи къ Нижегородской ярмаркѣ (Московско-Нижегородская желѣзная дорога и отчасти недостроенныя дороги, примыкающія къ Москвѣ), такъ и вообще во всемъ государствѣ (преимущественно развитіе пароходства и телеграфныхъ линій), не могли въ извѣстной мѣрѣ не отразиться на ярмаркѣ, которая по своему всероссійскому значенію зависитъ отъ состоянія путей сообщенія не только въ ея географической мѣстности, но и во всей Россіи. Но дѣйствіе этихъ новыхъ условій нелегко узнается, ибо оно еще слишкомъ непродолжительно и, сверхъ того, весьма неполно, вслѣдствіе неокончанія начатыхъ желѣзныхъ дорогъ и неприведенія ихъ въ связь и систему какъ между собою, такъ и съ пароходными сообщениями и европейскими коммерческими путями и рынками. Нравственныя условія нашего коммерческаго міра: уровень образованія и коммерческіе обычаи и взгляды торгующаго купечества,—условія имѣющія прямое вліяніе на развитіе ярмарочной дѣятельности (какъ напримѣръ, пристрастіе къ ярмарочному кочевому образу жизни),—также нѣсколько измѣнились въ послѣднее время. Но и здѣсь не сдѣлано еще тѣхъ рѣшительныхъ успѣховъ, которые ознаменовали бы собою новую эпоху коммерческой жизни: старый порядокъ не быстро уступаетъ новому, и еще долго стремленіе усвоить нашему коммерческому быту европейскія понятія будетъ находиться въ борьбѣ съ обычаями азіатскихъ и необразованныхъ народовъ, которые до сихъ поръ обступаютъ нашу торговлю съ востока.

Всего сказаннаго достаточно, чтобъ уразумѣть до какой

степени перемѣшиваются въ современномъ характерѣ и современномъ періодѣ жизни Нижегородской ярмарки признаки самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ условий и движеній нашего народнаго быта и хозяйства, и какъ трудны всякіе общіе взгляды на значеніе этого періода. Еще болѣе затруднительны всякія достовѣрныя предсказанія относительно будущаго.

Если сложность обстоятельствъ, обуславливающихъ собою общественныя явленія, и переходный характеръ эпохи препятствуютъ вообще достовѣрности предсказаній, то та необыкновенная случайность въ отечественныхъ событіяхъ, которой мы часто бываемъ свидѣтелями, и которая подрываетъ всякіе расчеты чистаго разума, дѣлаетъ невозможными даже самыя правдоподобныя предвидѣнія, относительно будущаго развитія нашихъ путей сообщенія, отъ которыхъ, между тѣмъ, болѣе чѣмъ отъ чего-либо другаго зависитъ будущность нашихъ ярмарокъ.

Кто, напримѣръ, могъ предвидѣть за годъ, можетъ-быть даже за мѣсяць впередъ, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ на югъ Россіи начнется съ поперечныхъ или второстепенныхъ линій, долженствующихъ соединить продольныя или главныя линіи, которыхъ еще нѣтъ, а не съ этихъ послѣднихъ, какъ это дѣлается во всемъ свѣтѣ? Кто могъ предвидѣть, что соединенію Балты съ Кременчугомъ и даже съ Елисаветградомъ,—соединенію мѣстъ, о которыхъ никто не помышлялъ до этого рѣшенія,—и соединенію степей будетъ отдано предпочтеніе передъ соединеніемъ Москвы съ Киевомъ и Одессой,—политическихъ, промышленныхъ и историческихъ центровъ Россіи съ ея окраинами и со всѣмъ образованнымъ міромъ,—то-есть передъ соединеніемъ, о которомъ не перестаетъ думать народъ русскій, и которое онъ то такъ, то иначе стремится осуществить съ первыхъ минутъ своего государственнаго бытія? Конечно, всего этого никто не могъ предвидѣть. Если дѣйствительно суждено осуществиться столь неожиданно проектированному приближенію Харькова къ Одессѣ, къ которой у него нынѣ такъ мало тяготѣній, и суждено Одессѣ удалиться отъ Кіева, Кіеву отъ Одессы, Москвѣ отъ Чернаго моря и Харькову отъ Азовскаго,* съ которыми

* Все это неминуемо; если одновременно съ Балто-Кременчугско-Харьковскою линіей не будутъ сооружены Московско-Кіевская и Харьковско-Азовская.

Харьковъ до сихъ поръ связанъ, то все это разомъ должно водорвать самыя разумныя, основанныя на самыхъ точныхъ географическихъ, историческихъ и экономическихъ понятіяхъ соображенія относительно коммерческой будущности всѣхъ этихъ мѣстъ. То же самое можетъ случиться и съ соображеніями о будущности Нижегородской ярмарки, которая находится въ несомнѣнной зависимости отъ многообразныхъ подробностей во всей системѣ коммерческихъ путей, по которымъ снабжается русскими и иностранными товарами каждый край европейской и азіатской Россіи.

Всѣ эти общія мысли, которыхъ справедливость намъ придется еще подтвердить ниже нѣкоторыми фактами, могутъ служить къ объясненію многихъ противорѣчивыхъ взглядовъ на нынѣшнее значеніе Нижегородской ярмарки въ современномъ народномъ хозяйствѣ и на ея будущность. Эти мысли могутъ также отчасти оправдать недостаточность и нѣкоторое противорѣчіе въ нашихъ собственныхъ наблюденіяхъ и значительныя пробѣлы въ разрѣшеніи поставленной нами выше задачи. Самыя трезвыя предвидѣнія относительно будущности ярмарки легко переходятъ въ область гаданій; есаи такими могутъ показаться и многія наши соображенія, то во всякомъ случаѣ смѣемъ думать, что по крайней мѣрѣ не будетъ сочтена бесполезною ихъ фактическая сторона — сообщеніе личныхъ нашихъ наблюденій, на которыя мы постоянно опираемся во всѣхъ нашихъ взглядахъ на ярмарку.

Чтобы съ нѣкоторою достовѣрностью отвѣчать на вопросъ о будущности Нижегородской ярмарки, необходимо было бы знать: 1) какимъ потребностямъ въ нашей торговлѣ удовлетворяетъ она, и какимъ собственно цѣлямъ въ общемъ движеніи нашего народного хозяйства служить она въ настоящее время? Другими словами, нужно предварительно опредѣлить главную ея роль въ экономической дѣятельности народа при нынѣшнихъ обстоятельствахъ его быта. Затѣмъ значительно разъяснился бы вопросъ: въ чемъ можетъ измѣниться эта роль при тѣхъ перемѣнахъ въ нашихъ экономическихъ обстоятельствахъ, которыхъ съ наибольшею вѣроятностію можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ? Далѣе, чтобы судить о будущности ярмарки, важно было бы знать 2) какія уже дѣйствительно оказались на ходѣ ярмарки послѣдствія нѣкоторыхъ измѣнившихся въ послѣднее время обстоятельствъ.

При этомъ не должно забывать, что народная жизнь съ своими привычками, предрасудками, пристрастіями, такъ могутъ существенно дѣйствующими и на направленіе торговли, не можетъ внезапно принять другой оборотъ, оторваться отъ всего своего прошедшаго, какъ бы быстро и сильно ни измѣнились окружающія ее обстоятельства. Предположивъ даже, что какое-нибудь торжище, куда привыкъ собираться народъ въ теченіе столѣтій, оказалось бы, вслѣдствіе совершенно измѣнившагося направленія коммерческихъ путей и рынковъ, вовсе не нужнымъ для торговли, мы все-таки должны ожидать, что такое торжище не можетъ прекратиться разомъ, и люди еще долго будутъ продолжать ѣздить на него по привычкѣ: живымъ тому примѣромъ можетъ служить Коренная ярмарка.

Сдѣланная нами постановка вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ, конечно, возможно лишь съ сдѣланными выше ограниченіями и оговорками, позволяетъ сгруппировать около главнаго вопроса о будущности ярмарки разныя свѣдѣнія, безъ которыхъ разборъ этого вопроса былъ бы дѣломъ только бесполезнаго и празднаго любопытства: будущность ярмарки важна и практически интересна единственно по своей связи съ настоящимъ, важна лишь по тѣмъ переменамъ въ ней и во всѣхъ коммерческихъ оборотахъ съ нею сопрясающихся, которыя могутъ происходить нынѣ же и мало-помалу готовить эту новую будущность. Наконецъ, всего можетъ быть важнѣе, разсуждая объ этой будущности, заставить себя выикнуть въ общее народно-хозяйственное значеніе этого первенствующаго въ двухъ частяхъ свѣта ярмарочнаго торговаго. Во всякомъ случаѣ, мы просимъ смотрѣть на начертанную нами программу вопросовъ только какъ на канву, которую мы будемъ постоянно имѣть въ виду и которую постараемся по возможности наполнить нашимъ изложеніемъ, не давая ему, однако, никакого строгаго, систематическаго порядка. Наши вопросы могутъ послужить точкой отправления и для будущихъ изслѣдователей ярмарки.

О Макарьевской и потомъ Нижегородской ярмаркѣ всего болѣе говорили, что она связываетъ востокъ съ западомъ, Азію съ Европой, то-есть что она составляетъ главный русско-европейскій центръ для нашей азіатской торговли. Такое сужденіе объ общемъ народно-хозяйственномъ значеніи этой ярмарки было, кажется, до сихъ поръ самое ходячее и обще-

принятое. Оно преобладает и въ немногочисленныхъ печатныхъ сочиненіяхъ, относящихся къ Нижегородской ярмаркѣ; оно же высказывается болѣе или менѣе самими торгующими, когда они пускаются толковать о великой важности Макарія. Этому взгляду соответствовало и понятіе о господствѣ надъ всѣми ярмарочными оборотами кяхтинскаго торговаго или развязки съ чааи. Ему же соответствуетъ и понятіе о водяныхъ сообщеніяхъ ярмарки, идущихъ отъ востока къ западу цѣною рѣкъ, лишь изрѣдка прерываемыхъ волоками и доставляющихъ на эту ярмарку товары съ южныхъ и западныхъ предѣловъ Средней Азіи, съ прикаспійскихъ областей и съ Урала, изъ Сибири и изъ глубины Китая, и, наконецъ, изъ многочисленныхъ внутреннихъ областей европейской Россіи, омываемыхъ до крайнихъ сѣверо-западныхъ нашихъ портовъ притоками и искусственными сообщеніями волжскаго бассейна. Этотъ же взглядъ вполнѣ согласенъ и съ историческимъ происхожденіемъ ярмарки, которая, начиная со времени Болгарскаго царства, всегда служила посредницей между народами востока и запада; даже до сихъ поръ едва ли найдется другой пунктъ, гдѣ бы происходила столь значительная встрѣча азіятцевъ съ европейцами для коммерческихъ дѣлъ. Сюда являются представители всѣхъ отраслей нашего азіятскаго или вообще восточнаго торговаго по всей линіи нашей азіятской границы, начиная (въ географическомъ порядкѣ) съ торговаго персидскаго и закавказскаго, переходя къ бухарскому, кокандскому и другимъ средне-азіатскимъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и оканчивая китайскимъ. Сюда собираются не только товары различныхъ азіятскихъ странъ, но и сами люди, исключая Китайцевъ, которые не заходятъ къ намъ дальше своихъ пограничныхъ мѣстныхъ пунктовъ. Къ обращеніямъ самыхъ разнообразныхъ національностей, обитающихъ въ пограничныхъ къ намъ азіятскихъ областяхъ, присоединяются здѣсь еще во множествѣ Армяне, это племя одаренное отъ природы особенною склонностью къ торговлѣ, эти Евреи востока, и также разные подвластные намъ азіятскіе инородцы, до сихъ поръ сохранившіеся около нашихъ восточныхъ границъ, каковы Казанскіе Татары, Калмыки и проч. Пестрые національные костюмы всѣхъ этихъ восточныхъ народовъ, безпрестанно раздающійся на ярмаркѣ ихъ говоръ, цѣлые ряды ими наполненные, наконецъ, два храма, имъ принадлежащіе, на самомъ видномъ мѣстѣ ярмарочной площади, —

армянскій по правую руку православнаго собора, составляющаго центръ всего пространства, занимаемаго ярмаркой, и магометанскій по лѣвую руку, — все это какъ будто напоминаетъ объ историческихъ правахъ гражданства иновѣрнаго востока на берегахъ средняго теченія Волги, у предѣловъ коренной и чистѣйшей русской области, великой Суздальской земли, въ самомъ сердцѣ многочисленнѣйшаго европейско-христіанскаго народа. Эти храмы съ своими шпицами, чуть-чуть не достигающими до главъ православнаго собора, напоминаютъ также объ удивительныхъ, едва ли не единственныхъ въ исторіи, отношеніяхъ русскаго народа къ покореннымъ его кровью національностямъ и къ ихъ религиознымъ взрваніямъ. Можетъ-быть умѣсто будетъ дополнить эту картину одною мелкою, но характеристическою чертой: въ Главный домъ, во время вечерней музыки, собирающей около себя всю ярмарочную аристократію (въ томъ числѣ въ особенности обитательницъ Кунавина), строго воспрещенъ входъ *черному* народу; но воспрещеніе это не распространяется на Азіятцевъ, и казаку, буквально исполняющему приказаніе властей, и въ голову не приходитъ, чтобы какіе бы то ни было инопородцы могли быть причислены къ черному или простому народу, какъ бы ни были дики ихъ лица и одежды. Инопородцы, въ томъ числѣ и Азіятцы, самые почетные русскіе гости не на одной Нижегородской ярмаркѣ.

Все нами описанное придаетъ и самой наружности Нижегородской ярмарки восточный, азіатскій оттѣнокъ, который не позволяетъ ни на минуту забыть здѣсь, что мы находимся на торжищѣ востока, усиліями нѣсколькихъ вѣковъ нравственно и вещественно придвинутаго къ Европѣ, но окончательно еще не претвореннаго въ настоящій европейскій торгъ. И не въ одной только внѣшности Нижегородской ярмарки, названной иностранцами русскимъ караванъ-сараемъ, сохранились ея азіатскіе элементы: на ней до сихъ поръ происходятъ значительные обороты по нашей азіатской торговлѣ; здѣсь заказывается и отсюда идетъ множество русскихъ мануфактурныхъ товаровъ, служащихъ для обмѣна на азіатскіе. Главное въ этомъ отношеніи мѣсто все-таки принадлежитъ Кяхтѣ и Сибири, за ними Закавказью и Кавказу, чрезвычайно усилившему свои закупки въ послѣднее время, и средне-азіатскимъ землямъ—Бухарѣ, Хивѣ и Коканду (послѣднимъ преимущественно вслѣдствіе привоза хлопка).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь же входятъ въ соприкосновеніе съ Азіей представители народовъ Западной Европы — Нѣмцы, Французы, германскіе Евреи, преимущественно чрезъ посредство Москвы и Петербурга (отчасти и западной сухопутной нашей границы), откуда они большею частію наѣзжаютъ къ Макарію.

Несмотря, однако, на все это, мы рѣшительно не полагаемъ, чтобъ азіятская торговля составляла главное значеніе Нижегородской ярмарки, по крайней мѣрѣ въ настоящее время и собственно для Россіи. Съ тѣхъ поръ какъ наши границы стали болѣе и болѣе отодвигаться въ глубину Азіи, постепенно вводя въ составъ русской государственной территории степи, раздѣлявшія насъ отъ Китайской имперіи и отъ мелкихъ средне-азіатскихъ государствъ, съ тѣхъ поръ какъ мы стали твердою пятою на торговыхъ путяхъ, идущихъ отсюда въ Европу, съ тѣхъ поръ какъ заселились окраинныя области европейской Россіи на востокъ, и русскіе переселенцы переходятъ на самыя границы азіатскихъ государствъ, нерѣдко участвуя даже въ торговыхъ караванахъ, проникающихъ въ ихъ внутренніе рынки, — съ этихъ поръ специальное значеніе Макарьевского торговаго центра азіатской торговли, постепенно блѣднѣетъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи и въ особенности въ послѣднія 25 лѣтъ (приблизительно) значительно усилились прежніе и возникли новые мѣстные пункты какъ на самой нашей азіатской границѣ, такъ и вблизи ея; таковы наши мѣстные пункты: Ирбитъ, Тюмень, Семипалатинскъ, Оренбургъ и проч., и китайскіе: Чугучакъ и Кудьжа, не игравшіе прежде никакой роли въ торговлѣ. Послѣднія военныя экспедиціи въ Средней Азіи и успѣхи административнаго благоустройства въ пограничныхъ нашихъ областяхъ должны могущественно дѣйствовать въ томъ же смыслѣ. Вновь заняты нами важныя коммерческіе пункты (Туркестанъ, Аулетъ, Чемкентъ) на путяхъ соединяющихся здѣсь изъ разныхъ и даже весьма противоположныхъ краевъ Азіи (съ востока и юга, изъ Китая и Вухары) должны еще болѣе приблизить насъ къ средне-азіатскимъ рынкамъ, какъ на примѣръ къ Ташкенту, котораго роль можетъ быть очень значительна въ нашей азіатской торговлѣ, и который нынѣ уже почти находится въ нашемъ распоряженіи. Судя, при скудости письменныхъ извѣстій, по отзывамъ нашихъ купцовъ, посѣщающихъ ярмарки въ восточной Россіи и пограничныя

мѣновыя наши пункты, коммерческая дѣятельность здѣсь весьма оживилась. Самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ приближенія центровъ нашей азіатской торговли къ востоку служить чрезвычайное развитіе въ послѣднее время Ирбитской ярмарки: съ двухъ милліоновъ рублей оборота въ 20-хъ годахъ она возрасла нынѣ свыше 50-ти, и въ послѣднія двадцать лѣтъ ея обороты вообще удвоились. Ирбитская ярмарка находится въ самой ближайшей связи съ Нижегородскою, и въ отношеніи къ сибирской и сѣверо-азіатской торговлѣ дѣлаетъ почти одно съ нею дѣло. Потому не будетъ, кажется, слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что Ирбитская ярмарка усиливалась на счетъ оборотовъ собственно азіатской торговли Нижегородской ярмарки. Еще далѣе на востокѣ весьма недавно (съ 1845 г.) возникла Тюменская ярмарка, которой, вслѣдствіе ея благопріятнаго географическаго положенія въ узлѣ водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній Западной Сибири, сулятъ блестящую будущность. Постепенное раздвиженіе къ востоку нашего азіатскаго рынка есть явленіе самое естественное: кромѣ указанныхъ уже нами обстоятельствъ, обусловившихъ собою это движеніе, на него имѣло особенное вліяніе развитіе пароходства, которое въ послѣднее время водворяется даже въ системѣ Оби, и между прочимъ, должно современемъ придать большое значеніе Тюмени. Чрезвычайно усилившееся пароходное движеніе на Камѣ и между Нижнимъ, Казанью и Пермью значительно измѣняетъ характеръ торговли съ Сибирью и Кяхтою; нынѣ вѣтъ уже надобности до такой степени свѣздить доставкой сибирскихъ товаровъ къ Макарью и закупкой у Макарья товаровъ для Кяхты, Сибири и вообще Азіи, подобно тому какъ свѣздили въ прежнее время. Тѣ же самые товары могутъ и въ другое время (въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ) быть получены прямо изъ Москвы и отправлены прямо въ Москву, между которою и Нижнимъ, можно сказать, вѣтъ нынѣ никакого разстоянія, съ точки зрѣнія сибирской и азіатской торговли, привыкнувшей разчитывать перевозку товаровъ на мѣсяцы и считающей ни во что цѣлѣе лишніе дни, а не только часы, отдѣляющіе нынѣ Нижний отъ Москвы. Прямо въ Москву изъ Кяхты доставляется въ теченіе года не меньше количества чая чѣмъ въ Нижний. Пароходство на Камѣ, значительно усилившее торговлю Пермю, и вообще чрезвычайное развитіе пароходства на Волгѣ, въ связи съ общимъ приближеніемъ центровъ нашего азіатскаго

торга къ востоку, ослабили, кажется, значеніе Казани, на счетъ которой выросла Пермь. Роль Казани на Нижегородской ярмаркѣ, когда-то и не такъ еще давно здѣсь первенствовавшей послѣ Москвы, — роль Казани, гдѣ въ давнoproшедшія времена происходила и самая ярмарка, и московскіе купцы избивались по повелѣнію казанскихъ царей, — въ настоящее время увала. Причина этому заключается, вѣроятно, какъ въ направленіи, которое получила азіатская наша торговля, такъ и въ другихъ измѣнившихся обстоятельствахъ въ ходѣ Нижегородской ярмарки, какъ увидимъ дальше. Согласно съ этимъ движеніемъ азіатской торговли къ востоку и юго-востоку, теперь насъ занимающимъ, получили особенную силу на Нижегородской ярмаркѣ оренбургскіе купцы, главные и весьма дѣятельные посредники нашей степной и средне-азіатской торговли. *

Итакъ, мы не думаемъ, чтобъ обмѣнъ товаровъ между востокомъ и западомъ, Азіей и Европой, составлялъ главное и отличительное значеніе Нижегородской ярмарки, хотя мы нисколько и не отрицаемъ ея дѣятельнаго участія въ нашемъ азіатскомъ торгѣ и восточныхъ элементовъ, которые въ такомъ обилии вошли исторически и географически въ ея составъ и до сихъ поръ въ ней держатся. Объ этихъ восточныхъ элементахъ и ихъ взаимодѣйствіи съ западными и европейскими мы еще будемъ говорить въ послѣдствіи. Для азіатской торговли Нижегородская ярмарка, кажется намъ, гораздо болѣе важна нынѣ какъ мѣсто свиданія, собиранія свидѣній и заключенія сдѣлокъ между торгующими, нежели какъ мѣсто дѣйствительнаго обмѣна товаровъ. По отношенію къ нашей кяхтинской и чайной торговлѣ здѣсь ключъ къ развязкѣ дѣла за истекшій годъ и къ завязкѣ на

* Намъ могутъ нынѣ замѣтить, что мы говоримъ о разныхъ явленіяхъ на ярмаркѣ въ слишкомъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: *торговля увала, торговля значительна* и проч. Но мы должны повторить здѣсь то что уже не разъ было нами сказано: мы предпочитаемъ общія впечатлѣнія, выведенныя изъ личныхъ наблюденій и отзывомъ торгующихъ, выводамъ изъ статистическихъ цифръ, не имѣющихъ никакой, даже приближительной, вѣрности. Мы понимаемъ, однако, недостаточность нашихъ неопредѣленныхъ выраженій, которыя могутъ получить точность лишь посредствомъ изслѣдованій, произведенныхъ иными методами нежели каковы нынѣшнія статистическія вѣдомости о ярмаркахъ.

будущій: здѣсь преимущественно рѣшается будущее направление кяхтинскихъ оборотовъ, законтрактовываются чай и русскіе товары и устанавливаются цѣны, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ дальнѣйшее колебаніе цѣны на чай во всей Россіи. Гдѣ бы, — хотя бы въ Одессѣ, или Тифлисѣ, или Петербургѣ, — ни продавался чай, главный вопросъ состоитъ въ томъ по чемъ продавали или будутъ продавать у Макарія? Подобное значеніе имѣетъ Нижегородская ярмарка и для другихъ отраслей нашего азіатскаго торга: мы знаемъ много операцій и сделокъ, заключенныхъ или затѣянныхъ во время ярмарки, безъ всякаго однако наличнаго товара. Такъ, огромные запасы бумажныхъ тканей идутъ изъ Костромской губерніи (изъ Вычуги и окружающей ея мѣстности) въ Киргизскія степи и Среднюю Азію, помимо Нижегородской ярмарки; но здѣсь фабриканты соображаютъ предполагаемый отпускъ товара и даже законтрактовываютъ доставщиковъ къ мѣстамъ назначенія товара. Это послѣднее обстоятельство также заслуживаетъ вниманія: Нижегородская ярмарка, какъ одно изъ важнѣйшихъ средоточій всѣхъ водяныхъ сообщеній Россіи, какъ ближайшее къ Москвѣ и самое многолюдное средоточіе Волжскаго бассейна, представляетъ нынѣ наиболѣе удобство для пересылки товаровъ. Здѣсь не только главный на Волгѣ центръ пароходства и судоходства, но здѣсь также собираются подрядчики и для сухопутной доставки товаровъ въ самые отдаленные края Россіи. Всѣ эти операціи сосредоточены около ярмарочныхъ пристаней, которыя составляютъ особый міръ на ярмаркѣ, и на которыхъ расположены въ шалашахъ и балаганахъ самыя конторы доставщиковъ товаровъ. И если, напримѣръ, иной разъ невозможно прямо отправить товаръ изъ какого-нибудь фабричнаго села Владимирской или Нижегородской губерній въ мѣсто отстоящее на какую-нибудь сотню верстъ, то съ Нижегородской ярмарки его легко отправить куда угодно, хотя на край свѣта. И для этого даже не нужно вести сюда самый товаръ. Такія удобства для пересылки товаровъ ярмарка заключаетъ въ себѣ, очевидно, не вслѣдствіе однихъ только географическихъ условій своей мѣстности, но главнымъ образомъ какъ мѣсто великаго сходбища всякаго рода участниковъ торговли — производителей, торговцевъ, комиссіонеровъ, подрядчиковъ и рабочихъ. Значеніе ярмарки какъ биржи и коммерческаго средоточія можно назвать преобладающимъ какъ въ области всей нашей

внутренней торговли отечественными мануфактурными товарами, произведениями Урала и вообще всеми товарами, слѣдующими, какъ желѣзо и рыба, по Волгѣ черезъ Нижній (кромя, однако, хлѣба, для котораго Нижегородская ярмарка мало важна, въ сравненіи съ другими мѣстами, хотя и стала важнѣе въ послѣднее время, вслѣдствіе прямой отправки изъ Нижняго по желѣзной дорогѣ),—такъ и въ азіятской торговлѣ, въ особенности сибирской, и въ нѣкоторыхъ вывозныхъ нашихъ отрасляхъ (какъ кожи и мѣха, вообще идущіе съ востока и сѣвера). На ярмарку прѣзжаетъ множество торговцевъ и даже многіе знатнѣйшіе, безъ всякаго товара, единственно для *разчетовъ*, какъ обыкновенно выражаются. Подъ этими разчетами должно разумѣть какъ вообще все то для чего торгующій посѣщаетъ биржу, такъ и разчеты въ тѣсномъ смыслѣ слова, преимущественно же *полученія*, для которыхъ ярмарки составляютъ, при обстоятельствахъ нашего кредита, самый удобный способъ: тому кто не расплатится исправно, не будетъ отпущено вновь товара какъ самимъ его кредиторомъ, такъ и другими состоящими съ послѣднимъ въ связяхъ. Эта мѣра все-таки весьма дѣйствительная, и у насъ она едва ли не единственная охрана кредита. Въ этомъ отношеніи Нижегородская ярмарка представляетъ особенныя удобства, такъ какъ здѣсь производятся разчеты и за множество другихъ ярмарокъ и операций, происходившихъ помимо ея: не прѣхаль кто-нибудь изъ обычныхъ посѣтителей за товаромъ къ Макарію, значить дѣло плохо, значить надо посылать за деньгами на мѣсто. На такомъ сходбищѣ людей изъ всѣхъ краевъ Россіи всего лучше можетъ быть обнаружено и оглашено положеніе дѣлъ всякаго торговца. Для всѣхъ этихъ биржевыхъ дѣлей многіе прѣзжаютъ на ярмарку лишь на одинъ день, на нѣсколько часовъ; за однимъ обѣдомъ или чаемъ принимаются важнѣйшія рѣшенія, заключаются милліонныя сдѣлки, которыхъ самое выполненіе будетъ вовсе не на ярмаркѣ, а у себя дома или всего скорѣе въ Москвѣ. Изъ Москвы, которая всецѣльна на Нижегородской ярмаркѣ, преимущественно и совершаются такого рода посѣщенія; также точно навѣзжаютъ и значительнѣйшіе фабриканты-хозяева, которыхъ личное присутствіе вовсе не нужно для продажи ихъ товара, производящейся прикащиками. Московско-Нижегородская желѣзная дорога, отчасти Николаевская, и пароходы сдѣлали возможными подобныя краткія посѣщенія ярмарки, прежде

вовсе неизвестны; теперь множество людей и особенно крупные торговцы бывают на ярмаркѣ по нѣсколькѣ разъ. Такимъ образомъ новые способы сообщеній, и въ томъ числѣ телеграфы, которые разносятъ съ ярмарки вѣсти о цѣнахъ и передаютъ, смотря по обстоятельствамъ ея розыгрыша, приказанія о заготовкѣ и отправленіи товаровъ, усилили биржевой характеръ ярмарки. Этотъ характеръ можетъ въ ближайшемъ будущемъ даже усиливаться.

Но все что мы сказали еще не выражаетъ главнаго и самаго существеннаго въ нашихъ глазахъ значенія Нижегородской ярмарки, безъ котораго она не могла бы служить и во всемъ цѣлямъ, выше указаннымъ. Это значеніе заключается, прежде всего и болѣе всего, въ распредѣленіи товаровъ внутренняго нашего потребленія между средними и мелкими или вообще розничными торговцами (такъ-называемыми *городовыми*, то-есть мѣстными купцами), закупающими здѣсь товары изъ первыхъ рукъ, у самихъ фабрикантовъ или у гуртовщиковъ. Въ этомъ главная экономическая сила Нижегородской ярмарки для внутренней торговли и фабричной промышленности Россіи, отчасти также и для иностранной: наиболѣе распространенные у насъ и наиболѣе неизбѣжные (дешевые и грубые) иностранные товары также идутъ отсюда къ мѣстамъ внутренняго сбыта. Какъ въ дѣйствительности происходитъ такого рода дѣятельность ярмарки мы уже хорошо видѣли въ описаніи чайной и желѣзной торговли (въ III главѣ). Какъ важна эта дѣятельность для Россіи, кажется, нѣтъ надобности распространяться. Съ одной стороны, ея пространство, рѣдкость народонаселенія и недостаточность путей сообщенія, требующія несравненно большихъ капиталовъ для обращенія товаровъ и для коммерческихъ операцій съ ними чѣмъ маалыя пространства и густое народонаселеніе; съ другой стороны, при подобныхъ естественныхъ условіяхъ, малочисленность крупныхъ капиталовъ и слабость кредита; да еще, рѣдкость городскихъ поселеній и значительныхъ торговыхъ людей въ большей части Имперіи,—все это придаетъ особенное значеніе процессу снабженія товаровъ мѣстн. потребленія, переходу товаровъ изъ первыхъ рукъ во вторыя, посредничеству между производителями и ихъ гуртовыми покупателями съ одной стороны, и мелочниками, продающими товаръ потребителямъ, съ другой. Покупка товара городскими купцами

у гуртовщиковъ, съѣздъ *городовыхъ* къ Макарію — вотъ, кажется намъ, важнѣйшая часть этого торга, далеко преобладающая надъ всѣми другими его элементами, какъ бы нѣкоторые изъ нихъ ни были значительны; и вотъ также причина того могущественнаго вліянія, которое имѣетъ Макарьевскій торгъ на весь механизмъ нашего народнаго хозяйства. Такъ, главная цѣль чайной развязки на Нижегородской ярмаркѣ заключается въ снабженіи чаемъ *городовыхъ* купцовъ; отъ этой операціи зависятъ распродажа чая Сибиряками гуртовщикамъ и закупка товаровъ для Кяхты, а не наоборотъ. То же самое найдемъ мы и во всѣхъ другихъ отрасляхъ товаровъ. По этой же причинѣ получила нынѣ такое преобладающее на ярмаркѣ значеніе торговля хлопчато-бумажными издѣліями, составляющими громадную отрасль внутренняго потребленія: подлѣ оборотовъ по распродажѣ этихъ издѣлій осѣдлымъ и кочевымъ (ходобщикамъ) мѣстнымъ торговцамъ всѣ другія хлопчато-бумажныя операціи, какова закупка матеріаловъ (хлопка и красокъ) для фабрикаціи, также отчасти здѣсь производящаяся, совершенно ничтожны. Распродажа товара *городовыхъ* даетъ тонъ всѣмъ ярмарочнымъ оборотамъ, связаннымъ съ хлопчато-бумажною фабрикаціей; ею обусловлены и ею руководствуются всѣ другія ярмарочныя операціи, связанныя съ хлопчато-бумажнымъ дѣломъ и въ другихъ отрасляхъ ярмарочной торговли. Расплата *городовыхъ* и всякаго званія розничныхъ торговцевъ, торгующихъ на мѣстахъ, за товаръ забранный на предыдущихъ ярмаркахъ, заборъ ими новаго товара, количество привезенныхъ ими съ собою наличныхъ денегъ, размѣры и сроки выпрашиваемыхъ ими кредитовъ, остатки непроданнаго ими товара, ихъ отзывъ о ходѣ дѣла на мѣстахъ, ихъ виды и надежды на будущее — вотъ что составляетъ главный интересъ Нижегородской ярмарки для всѣхъ ея участниковъ, что даетъ то или другое направленіе ея развязкѣ, что опредѣляетъ хорошую или дурную ярмарку, что составляетъ ея самый жизненный и самый капитальный *вопросъ* даже и для того торговца, который пріѣхалъ на нее безъ товара, даже для того, кто совсѣмъ на нее не ѣздилъ. Этотъ вопросъ, очевидно, обуславливаетъ собою все мануфактурное производство Россіи и всѣ обороты внутренней торговли на цѣлый годъ. Ярмарка всего лучше изображаетъ собою внутреннее, мѣстное потребленіе Россіи, для котораго она слу-

жить главною у насъ господствующею коммерческою пружиной; отсюда понятно все ея великое экономическое значеніе. Здѣсь сбывается по преимуществу товаръ, вошедшій у насъ во всеобщее употребленіе,—товаръ ординарный, средній, фундаментальный, соответствующій общимъ вкусамъ публики. Съ другой стороны, чтобы какой-нибудь товаръ сдѣлался предметомъ потребленія массы публики, важнѣе всего чтобы онъ показался на Нижегородской ярмаркѣ.

Мы достаточно, кажется, выяснили ту экономическую функцію Нижегородской ярмарки, которая, по нашему убѣжденію, господствуетъ въ ней надъ всѣми другими ея дѣйствіями; этихъ дѣйствій, отчасти уже указанныхъ нами въ предыдущей главѣ, мы не отрицаемъ: мы даемъ имъ только подчиненное, второстепенное значеніе.

На Нижегородской ярмаркѣ можно найти всѣ безъ изъятія виды, формы и ступени коммерческой дѣятельности, начиная отъ самыхъ крупныхъ, оптовыхъ и даже международныхъ операцій, ворочающихъ милліонами, до самаго мелкаго розничнаго торга, разчитывающаго свои прибыли по копѣйкамъ. Огромное стеченіе народа всякаго званія, всякихъ національностей, съ разнообразными вкусами и потребностями, чрезвычайно плодотворно здѣсь мѣстный розничный торгъ, такъ что розничная торговля, собственно ярмарочная, удовлетворяющая потребностямъ самой ярмарочной публики (напримѣръ, трактирная), составляетъ сама по себѣ обширную отрасль ярмарочной дѣятельности, употребляющую тысячи рукъ. И тамъ, гдѣ всего болѣе поражаетъ масса продающагося товара, гдѣ всего въ избыткѣ, гдѣ склады товаровъ составляютъ настоящія горы, и гдѣ притомъ, вслѣдствіе особенностей нашей торговли, оптовый торгъ болѣею частию соединяется въ однѣхъ рукахъ съ розничнымъ,—тамъ же находятъ для себя выгоду люди продающіе чай только по осьмушкамъ, и разнощики, которыхъ весь оборотъ состоитъ изъ десятка яблоковъ или двухъ дюжинъ пуговицъ, переносимыхъ ими съ одного мѣста на другое. Главъ сосредоточена наша самая обширная торговля хлопчатобумажными издѣліями, гдѣ нѣтъ русской ситцевой фабрики, которой товаръ не продавался бы изъ первыхъ рукъ, тамъ находятъ для себя пользу торговка, развѣзжающая по ярмаркамъ съ 20-ю кусками ситца, который она получаетъ тутъ же на ярмаркѣ изъ лавокъ, гдѣ можетъ каждый купить этого ситца въ какомъ

угодно количество. Рядомъ съ лавкой фабриканта, у котораго вы можете купить и 100 и 10 кусковъ, стоитъ лавка, въ которой продается его же товаръ купцомъ, не фабрикантомъ, и притомъ продается не только въ розницу, но и большими партиями. Это обстоятельство объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что у фабриканта можно получить только его ситецъ, а у купца ситцы разныхъ фирмъ, и притомъ купецъ получаетъ и продаетъ на сроки покупателю, который не имѣетъ кредита у фабриканта, и т. д. Такъ объясняются всѣ подобныя, съ перваго взгляда непонятныя явленія, придающія столь великое разнообразіе Макарьевскому торгу. Особенно многолюдна на немъ толпа всякаго рода кочевыхъ торгашей и разнощиковъ, между которыми самые дѣятельные Владимірцы (офену), играющіе не послѣднюю роль на ярмаркѣ; они не только забираютъ здѣсь товаръ для разноски по всѣмъ концамъ Россіи, но, какъ первые знатоки ярмарки и дѣла, служатъ сводчиками, коммиссіонерами, посредниками, и т. д., для всякаго рода сдѣлокъ и операцій. Говоря о разныхъ видахъ торговли и промысловъ, существующихъ на ярмаркѣ, можно упомянуть еще о скупщикахъ крестьянскихъ произведеній (напримѣръ сырыхъ кожъ), или *прасолахъ*, которые сбываютъ здѣсь свой товаръ, собранный на мѣстахъ по мелочамъ въ теченіе года.

Кредитныя и банкирскія операціи ограничиваются на Нижегородской ярмаркѣ учетомъ векселей, для котораго нарочно пріѣзжаютъ нѣкоторые капиталисты (преимущественно изъ Москвы), и которымъ занимаются и многіе другіе, сверхъ спеціальной своей торговли; всякія иныя кредитныя операціи сосредоточены исключительно въ государственномъ банкѣ, и конечно для пользы торговли весьма желательно развитіе здѣсь какъ и вездѣ частныхъ банкирскихъ домовъ. Чисто-спекулятивная торговля, то-есть разчитанная единственно на перекупъ и перепродажу на самой ярмаркѣ, вообще, сколько мы могли замѣтить, не играетъ большой роли; по крайней мѣрѣ едва ли есть участники ярмарки, посвятившіе себя исключительно спекуляціи, хотя она и производится большею частію торговцевъ совокупно съ настоящею покупкой и продажей товара. Немаловажную отрасль торговли на Нижегородской ярмаркѣ, какъ и на всѣхъ нашихъ ярмаркахъ, составляла закупка товаровъ публикой (преимущественно помѣщиками сосѣднихъ мѣстностей), пріѣз-

жавшею для снабженія себя годовыми запасами домашняго обихода. Тутъ первое мѣсто занималъ галантерейный и модный, или панскій, товаръ. Эта торговля вообще упала, и не вслѣдствіе только денежнаго разстройства помѣщичьяго класса, а преимущественно вслѣдствіе развитія городской торговли. Во многихъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ прежде нельзя было ничего достать для удовлетворенія потребностей зажиточныхъ и высшихъ классовъ, нынѣ можно купить все необходимое для обихода. Во всякомъ случаѣ, этого рода торговля въ категоріи крестьянскихъ, прѣстонародныхъ и вообще низшихъ добротъ товаровъ, напримѣръ крестьянской галантереи, нынѣ значительно нежелѣ въ категоріи панскихъ и дорогихъ товаровъ. Многіе торговцы отзывались, что низкій товаръ идетъ у нихъ, сравнительно съ прежними годами, лучше высокаго; такъ, часовщики говорили, что у нихъ гораздо больше противъ прежняго (вдвое) идетъ самыхъ простыхъ стѣнныхъ часовъ, и гораздо меньше дорогихъ. Замѣтимъ, что по всемъ нашимъ наблюденіямъ нельзя не признать преувеличеннымъ мнѣніе, которое такъ часто было высказываемо: что, съ освобожденіемъ крестьянъ, на всѣхъ ярмаркахъ чрезвычайно усилилась продажа крестьянскаго товара, и что это усиленіе вознаграждаетъ торговлю за сократившееся потребленіе дворянскаго товара. Многія отрасли крестьянскихъ товаровъ шли весьма плохо на ярмаркахъ 1864 года, и въ томъ числѣ на Нижегородской, и на крестьянскомъ товарѣ отражалось всеобщее сокращеніе потребленія. Тѣ же часовщики говорили намъ, что на низкомъ товарѣ они не наверстываютъ прежнихъ своихъ барышей.

Мы упомянули о разныхъ видахъ торговой дѣятельности, происходящей на Нижегородской ярмаркѣ, лишь въ качествѣ примѣровъ ея великаго разнообразія и многосторонности. Исчерпывать ихъ мы не имѣли въ виду и спѣшимъ возвратиться къ поставленнымъ нами въ началѣ этой главы вопросамъ, и, между прочимъ, къ вопросу о будущности ярмарки.

Изъ той главной роли, которую, по нашему убѣжденію, ярмарка выподняетъ нынѣ, въ нашемъ народномъ хозяйствѣ уже легко можно вывести насколько эта роль, а именно, посредничество между центральной, оптовою и розничною, мѣстною торговлей, можетъ измѣниться подѣ влияніемъ успѣховъ экономическихъ и нравственныхъ въ нашемъ отечествѣ. Дѣйствіе

усовершенствованіи времени, приближающихъ быть нашего народа къ быту другихъ европейскихъ народовъ, должно быть таково же какъ и дѣйствіе вообще всѣхъ причинъ дѣлающихъ торговлю *кочевую*, ярмарочнаго характера, который преобладаетъ у народовъ граждански-неблагоустроенныхъ, и превращающихъ ее въ торговлю *осёдлую*, преобладающую у народовъ пользующихся охранами собственности и права. На западѣ Европы ярмарки когда-то составляли весьма важныя сосредоточія торговли, если и не въ той степени какъ и у насъ, вслѣдствіе различія географическихъ условій, отъ которыхъ столько же какъ и отъ гражданскихъ условій зависитъ характеръ торговли. Съ успѣхами просвѣщенія ярмарки въ западной Европѣ упали, и если остались, подобно Лейпцигскимъ, то преимущественно какъ сборища торгующихъ, какъ биржевыя собранія. Нѣкоторую роль прежнихъ ярмарокъ стали отчасти занимать всемірныя выставки, которыя и для насъ могутъ служить указаніемъ, въ какомъ смыслѣ могутъ еще надолго сохранять свою силу и наши ярмарки, какъ періодическія средоточія для производителей и торговцевъ, какъ могущественныя способы для взаимнаго ихъ сближенія. Мы говорили уже о роли Нижегородской ярмарки, какъ главнаго во всей Имперіи сходбища всѣхъ представителей отечественной промышленности и торговли. Въ этомъ отношеніи, усовершенствованія путей сообщенія положительно послужили къ усиленію ярмарки въ послѣднее время. Нѣтъ никакой возможности опредѣлить число людей, ежегодно бывающихъ на Нижегородской ярмаркѣ; эта цифра уже издавна, * изъ года въ годъ, исчисляется приблизительно въ 200 тысячъ душъ. Имѣя въ виду, съ одной стороны, ежегодное возрастаніе числа квартиръ для пріѣзжихъ, а съ другой — постоянно сокращающіеся сроки пребывания на ярмаркѣ ея посѣтителей, можно съ полною достовѣрностью принять, что число людей, ежегодно перебывающихъ на ярмаркѣ, постоянно увеличивается. И это будетъ еще долго продолжаться, такъ что значеніе Нижегородской ярмарки, какъ встрѣчи торговыхъ людей, какъ нашей внутренней биржи, можетъ еще усилиться, и

* Единственнымъ точнымъ исчисленіемъ были сдѣланы на основаніи количества печеного хлѣба. Количество квартиръ не можетъ хорошо служить для этой цѣли, ибо множество народа остается на площадяхъ день и ночь.

притомъ именно подъ вліяніемъ усовершенствованныхъ путей и способовъ сообщеній. Одни уже телеграфы увеличиваютъ биржевое значеніе ярмарки. Но и это усиленіе ярмарки имѣетъ свои предѣлы, такъ какъ нынѣ подлѣ ея, на разстояніи 16-ти часовъ ѣзды, находится главная и первенствующая наша биржа—*Москва*, близость которой и дѣятельное участіе въ ярмаркѣ не менѣе волжскихъ водъ, если даже въ настоящее время не болѣе, обуславливаютъ самое ея значеніе. Въ Москвѣ постоянная, въ теченіе круглаго года, ни на одинъ день не умолкающая биржа для внутренней торговли и мануфактурной промышленности всей Россіи; сюда, къ тому что дѣлается въ Москвѣ и что думаютъ въ Москвѣ, обращены взоры торговыхъ людей изъ всѣхъ концовъ нашего отечества: изъ Иркутска, Оренбурга, съ Кавказа, съ Дона, столько же какъ и изъ Риги, и съ береговъ Балтійскаго моря. Время послѣ Макарія, когда въ Москвѣ окончательно развязывается Нижегородская ярмарка, одно изъ самыхъ оживленныхъ на Московской биржѣ. Теперь, когда сообщеніе ярмарки съ Москвою неизмѣримо облегчилось желѣзною дорогой, когда изъ Москвы начинаютъ прокладываться и другіе желѣзные пути, когда посвященіе Москвы послѣ Макарія сдѣлалось почти неизбѣжнымъ до такой степени, что ея не могутъ обойти даже Азіяты (Бухарцы въ 1863 г.), — теперь еще болѣе усиливается коммерческое значеніе *строгаго Макарія*, какъ часто называютъ эту эпоху московской торговли. Вотъ гдѣ естественный предѣлъ биржевой дѣятельности Нижегородской ярмарки, и гдѣ самый могущественный конкурентъ для ея дѣятельности! Но объ отношеніяхъ Москвы къ ярмаркѣ мы еще будемъ говорить.

Возвращаемся снова къ главному значенію ярмарки, которое мы болѣе всего хотѣли поставить на видъ. Мы упоминали уже, въ какомъ смыслѣ это значеніе должно измѣняться подлѣ вліяніемъ современныхъ успѣховъ просвѣщенія, народнаго хозяйства и гражданскаго благоустройства. Общій результатъ всей совокупности этихъ успѣховъ заключается въ томъ, что товары и торговцы, крупные и мелкіе, не имѣютъ болѣе надобности собираться періодически *въ одну кучу*, какъ они это дѣлаютъ на ярмаркахъ, для того чтобы товары могли изъ мѣстъ своего производства, — по необходимости сосредоточенныхъ на немногихъ пространствахъ, — и изъ рукъ немногихъ гуртовщиковъ переходить въ мѣста потребленія

разсѣяныя повсюду въ государствѣ, и въ руки безчисленнаго множества мѣстныхъ продавцевъ. Въ этомъ отношеніи, кромѣ усовершенствованія способовъ сообщенія, важное значеніе имѣеть возникновеніе областныхъ коммерческихъ центровъ и складочныхъ мѣстъ тамъ, гдѣ жители обладаютъ достаточными капиталами и кредитомъ, чтобы постоянно получать товаръ и снабжать имъ свои мѣстные районы. Такую, на примѣръ, роль сталъ выполнять для юго-восточной Россіи Харьковъ, въ которомъ ярмарки, одна за другою сѣдующія, болѣе и болѣе превращаются въ постоянные склады и въ непрерывную оптовую торговлю, постепенно поглощающую въ себѣ дѣятельность всѣхъ украинскихъ ярмарокъ. Такъ, съ успѣхами времени можетъ измѣниться и значеніе нѣкоторыхъ московскихъ гуртовщиковъ, которыхъ сила именно состоитъ въ томъ, что они одни могутъ нынѣ получать товаръ съ нѣкоторыхъ фабрикъ, и къ нимъ должны обращаться не только городовые, но и московскіе торговцы, чтобы имѣть этотъ товаръ.

Мы не станемъ входить въ теоретическое изображеніе сего процесса экономическаго развитія, имѣющаго своимъ окончательнымъ результатомъ облегченіе и ускореніе коммерческаго посредничества между производителями и потребителями, сокращеніе пружинъ этого посредничества, сокращеніе, всюду сопутствующее экономическому прогрессу, хотя и никогда не могущее дойти до нуля. Ярмарки въ свое время были также шагомъ впередъ на этомъ пути: онѣ составляютъ значительный успѣхъ въ сравненіи съ монополіей кочующихъ купцовъ, которые разъ въ году забредутъ въ какое-нибудь захолустье, чтобы закупить всѣ мѣстныя произведенія и снабдить жителей самыми разнообразными предметами роскоши, или въ сравненіи съ монополіей одного гуртоваго торговца на уѣздъ или одного мелочника на какой-нибудь городъ. Ярмарки открыли и потребителямъ, и торговцамъ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ мѣстъ доступъ къ товарамъ изъ первыхъ рукъ. У насъ этотъ успѣхъ былъ еще тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что на гуртовыя ярмарки стали ѣздить не только собственно торговцы, но и сами фабриканты: такъ, даже на самыя дальнія украинскія ярмарки посылаются товары съ прикащиками прямо съ московскихъ и владимірскихъ фабрикъ. Но какъ бы то ни было, ярмарки должны уступить рано или поздно мѣстной лавочной торговлѣ, которая безостано-

вочно, по мѣрѣ потребленія, снабжала бы мѣстныхъ жителей товарами изъ мѣстныхъ складочныхъ центровъ или изъ мѣсть производства, безъ всякаго предварительнаго періодическаго скучиванія товаровъ: въ этомъ несомнѣнный, желательный успѣхъ торговца. Не будемъ уже говорить о всѣхъ довольно извѣстныхъ неудобствахъ ярмарочной торговли, о страшной тратѣ народныхъ силъ ее сопровождающей и лежащейся на цѣну товаровъ, о порчѣ этихъ послѣднихъ, о потерѣ времени торгующими и ихъ прикащиками во время разъѣздовъ по ярмаркамъ, не прекращающихся въ теченіе цѣлаго года, объ этомъ *ярмарочномъ людѣ*, составляющемъ замѣтную часть народонаселенія Имперіи, отвлеченную отъ производства и правильныхъ занятій, о вредномъ нравственномъ вліяніи ярмарочной, бездомовой жизни, и т. д.; но обратимъ вниманіе лишь на одно неблагоприятное обстоятельство, неразлучно связанное съ ярмарочною торговлею и наносящее ольшой ущербъ народному хозяйству. Это обстоятельство заключается въ чрезвычайной неправильности, съ какою образуются и колеблются товарныя цѣны. Торгующіе на ярмаркахъ исчисляютъ всѣ свои ярмарочныя расходы *гуртомъ*, за всѣ ярмарки въ году, и раскладываютъ эти расходы на цѣну товаровъ, гдѣ бы они ни продавались, не исключая большею частію даже и своего собственнаго края, откуда везутся товары на ярмарки. Иначе они едва ли и могутъ дѣлать. Отсюда происходитъ, что данный товаръ можетъ, на примѣръ, продаваться по той же самой цѣнѣ и на Нижегородской ярмаркѣ, и въ Ирбиту, и въ Харьковѣ, и даже въ Москвѣ, несмотря на весьма различныя накладные расходы по каждой ярмаркѣ, и несмотря даже на расходы по перевозкѣ. Далѣе, что еще гораздо важнѣе, ярмарки производятъ потрясенія въ цѣнахъ, вовсе независящія отъ общаго движенія цѣвъ въ государствѣ и общихъ естественныхъ условій этого движенія. На примѣръ, вдругъ вздумаетъ какой-нибудь значительный торговецъ скупить весь привезенный на ярмарку товаръ, и цѣна на него въ нѣсколько часовъ поднимается баснословно; привезти новые запасы невозможно, а съѣхавшимся различнымъ торговцамъ нужно запастись товаромъ во что бы то ни стало: они не могутъ же воротиться въ свои мѣста съ пустыми руками. Мы не разъ были свидѣтелями подобныхъ явленій. Нигдѣ не случается у насъ такихъ быстрыхъ и крутыхъ колебаній въ цѣнахъ какъ на ярмаркахъ. Иначе и быть не мо-

жетъ: при ограниченности запасовъ товаровъ, существующихъ на ярмаркахъ и напередъ опредѣленныхъ, по весьма приблизительному исчисленію вѣроятнаго на нихъ спроса, въ количественныхъ отношеніяхъ предложенія и спроса продавцевъ и покупателей могутъ быть здѣсь такія случайности и несообразности, какія въ свободной торговлѣ, въ постоянныхъ центрахъ промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ невозможны. Дѣйствительную развязку каждой ярмарки нельзя предвидѣть; она рѣдко соответствуетъ самымъ правдоподобнымъ ожиданіямъ. Самое ничтожное обстоятельство можетъ перевернуть весь ходъ дѣла. Не подѣхала, отъ распутицы или отъ какихъ другихъ причинъ, ожидавшаяся партия товара, а между тѣмъ навѣхало неожиданно много его покупателей, и товаръ страшно дорожаетъ; случилось наоборотъ: не прибыли по какимъ-нибудь причинамъ двое-трое главныхъ покупателей, въ виду которыхъ товара навезено въ изобиліе, и онъ продается за безцѣнокъ, чтобы не везти назадъ. Наши ярмарки полны подобныхъ происшествій: въ правильной торговлѣ они составляютъ исключеніе, въ ярмарочной — нормальный ходъ дѣла. Все это очень естественно, когда спросъ и предложеніе не встрѣчаются и не сходятся между собой, а *столкиваются*, и притомъ такъ стремительно, что толчки, и самые жестокіе, никогда не могутъ быть напередъ разчитаны.

Теперь посмотримъ на тѣ важнѣйшія совершившіяся въ послѣднее время измѣненія въ характерѣ Нижегородской ярмарки, какія мы могли вывести изъ нашихъ наблюденій и сообщенныхъ намъ свѣдѣній. Заявимъ прежде всего, что тщательное соображеніе и сравненіе всѣхъ извѣстныхъ намъ данныхъ не оправдало въ нашихъ глазахъ ни одного изъ двухъ рѣшительныхъ мнѣній, — ни того что Нижегородская ярмарка вообще возрастаетъ, ни того что она падаетъ. Да и не думаемъ чтобы можно было сдѣлать какое-либо *рѣшительное* заключеніе, въ виду недостатка полныхъ и точныхъ статистическихъ данныхъ. О недостоверности цифръ относительно количества привоза и распродажи товаровъ мы уже говорили. Единственные точныя цифры относительно ярмарочнаго движенія, позволяющія сдѣлать нѣкоторые выводы, заключаются въ свѣдѣніяхъ о доходахъ, получаемыхъ казною съ ярмарки. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о количествѣ лавокъ (номеровъ), розданныхъ для торговли на ярмаркѣ, начиная съ

1824 г. Изъ нихъ оказывается, что съ 1824 по 1864 г. включительно количество нумеровъ почти удвоилось (возрасло съ 3.294 до 5.907); но это возрастание было весьма неравномѣрно, такъ что, раздѣляя весь сорокалѣтній періодъ на десятилѣтія, находимъ, что количество розданныхъ казною лавокъ возрасло:

Съ 1824 по 1834 г. на	17 ¹ / ₂ %.
„ 1834 „ 1844 „ „	28 ⁰ / ₀ .
„ 1844 „ 1854 „ „	5 ¹ / ₂ %.
„ 1854 „ 1864 „ „	13 ¹ / ₂ %.

Итакъ, на основаніи этихъ данныхъ, десятилѣтіе съ 1834 по 1844 г. было бы эпохой самаго сильнаго возрастанія Нижегородской ярмарки, а десятилѣтіе съ 1844 по 1854 г. самаго слабого. Затѣмъ въ послѣднее истекшее десятилѣтіе, если основываться на этихъ данныхъ, ярмарка стала возрастать въ гораздо сильнѣйшей пропорціи, чѣмъ въ предыдущее десятилѣтіе. Къ этому мы могли бы еще присовокупить, что сверхъ казеннаго гостиннаго двора построены, въ самое послѣднее время, огромные частные каменные ряды, заступившіе мѣсто временныхъ ярмарочныхъ помѣщеній, и что вообще ярмарка во своемъ вышшемъ видѣ значительно возрасла въ послѣдніе годы. Это бросается въ глаза: кто не былъ на ярмаркѣ пять лѣтъ, тотъ едва можетъ узнать ее. При этомъ, однако, не мѣшаетъ замѣтить, что значительно измѣнили видъ ярмарки пожары, заставившіе перестроить сызнова цѣлые кварталы и разнести на большое пространство то что прежде тѣснилось на одномъ мѣстѣ.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что число людей, торгующихъ на ярмаркѣ, также какъ и вообще посѣщающихъ ее, возрасло и возрастаетъ. Это доказывается и приведенными выше цифрами: въ десятилѣтіи съ 1854 по 1864 годъ, отдѣльно взятъ, быстрѣйшее возрастание было съ 1857 г. по 1859 г., что соответствуетъ всеобщему коммерческому нашему возбужденію этого времени; затѣмъ съ 1861 г. количество розданныхъ лавокъ даже уменьшается и снова начинаетъ возрастать лишь съ 1864 г. Въ этихъ частныхъ колебаніяхъ мы видимъ не столько общее движеніе ярмарки, сколько дѣйствіе временныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ торговли. Увеличеніе числа торгующихъ доказывается еще и возрастаніемъ наемной платы за лавки и такъ-называемаго

вкупа—передачи лавокъ другимъ лицамъ, съ надбавкой сверхъ полавочнаго казеннаго сбора.

Но возрастаніе числа лавокъ и торгующихъ, хотя бы и вполнѣ доказанное, еще далеко не можетъ служить окончательнымъ доказательствомъ усиленія самой ярмарки, то-есть, усиленія ея дѣятельности и ея значенія въ отношеніи къ промышленности и торговли Россіи. Впервыхъ, съ общимъ возрастаніемъ народонаселенія Россіи и съ тѣмъ вмѣстѣ всѣхъ отраслей ея экономической дѣятельности, ярмарка *численно* по необходимости должна нѣсколько возрасть, если только она рѣшительно не падаетъ, чего, кажется, никакъ нельзя предполагать. Вовторыхъ, ярмарочная торговля происходитъ не въ однѣхъ лавкахъ: ни лавки ни даже наличныя запасы товаровъ, и вообще никакія вещественныя принадлежности ярмарки, не изображаютъ сами по себѣ всѣхъ коммерческихъ ея оборотовъ и ея внутренней экономической силы. Въ одной лавкѣ, черезъ посредство которой запасаются какимъ-нибудь товаромъ цѣлыя края Россіи, могутъ производиться обороты неизмѣримо болѣе обширныя и болѣе важныя для общихъ интересовъ нашего народнаго хозяйства нежели въ 50-ти лавкахъ, торгующихъ единственно для снабженія товаромъ соседней съ ярмаркою мѣстности или для потребленія на самой ярмаркѣ. Наконецъ, множество людей прѣзжаетъ и закупаетъ товаръ, вовсе не имѣя для него помѣщеній; а между тѣмъ именно эти-то городовые покупатели и составляютъ главный нервъ ярмарки. Опредѣлить размѣръ ихъ оборотовъ по поголовному ихъ числу нѣтъ никакой возможности, такъ какъ они самыхъ разнообразныхъ калибровъ, отъ покупателей на сотни рублей, до покупателей на сотни тысячъ. Каждый изъ нихъ можетъ занимать одинаково грязную и тѣсную каморку въ гостиницѣ. Только слѣченіе множества самыхъ разнородныхъ вышвицъ признаковъ ярмарочной жизни, послѣ продолжительнаго изученія каждаго признака, можетъ дать нѣкоторое понятіе объ оборотахъ ярмарки и ея движеніи. На это потребовались бы годы работы, за которую никто еще у насъ не принимался.

На основаніи существующихъ данныхъ, мы должны отказаться отъ всякаго опредѣленія размѣровъ коммерческихъ оборотовъ, происходящихъ на Нижегородской ярмаркѣ, а потому и отъ опредѣленія значительности этихъ оборотовъ въ отношеніи къ оборотамъ всей внутренней торговли Рос-

си, а затѣмъ и отъ всякаго разрѣшенія вопроса насколько это отношеніе измѣнилось и измѣняется въ пользу или въ ущербъ ярмарки. Мы можемъ только указать на нѣкоторыя явленія, замѣченныя нами по разнымъ отраслямъ ярмарочной торговли и дающія приблизительное понятіе объ измѣнившихся въ послѣднее время обстоятельствахъ ярмарки.

Мы въ особенности замѣтили во всѣхъ отрасляхъ торговли, съ которыми успѣли ознакомиться на ярмаркѣ, и въ томъ числѣ въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ, одно явленіе, составляющее значительное измѣненіе въ ея ходѣ. Это явленіе принадлежитъ именно къ тому кругу операцій, въ которыхъ мы видимъ важнѣйшую роль ярмарки, и поэтому оно заслуживаетъ особеннаго вниманія. Мы говоримъ о сильномъ возрастаніи *среднихъ* и *мелкихъ* мѣстныхъ торговцевъ-покупателей, при неувеличивающемся или даже сокращающемся числѣ крупныхъ гуртовщиковъ. Количество пріѣзжающихъ на ярмарку городовыхъ купцовъ средней руки, ведущихъ розничный торгъ вмѣстѣ съ мѣстнымъ оптовымъ, а также и мелочниковъ, занимающихся только розничною или лавочною торговлею, чрезвычайно возрасло въ послѣднее время и постоянно возрастаетъ. Въ этомъ мы убѣдились по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, и въ этомъ же смыслѣ слышали отзывы многихъ купцовъ. Въ особенности, кажется, падаетъ дѣятельность первостатейныхъ *мѣстныхъ* гуртовщиковъ, которые въ прежнее время, получая на ярмаркѣ запасы всякихъ товаровъ мѣстнаго потребленія, снабжали ими мѣстныхъ розничныхъ торговцевъ дѣлаго края: теперь послѣдніе стали сами ѣздить на ярмарку. Это явленіе замѣчается въ особенности въ отношеніи ко всему поволжскому краю, сблизившемуся съ ярмаркой посредствомъ пароходства. Вмѣсто того чтобы быть въ зависимости отъ мѣстнаго гуртовщика, самый мелкій торговецъ тратитъ 3 р. с. за проѣздъ до ярмарки и самъ запасается на ней товаромъ. Многие мѣстные гуртовщики, чтобы не прекратить своей торговли, должны были завести подлѣ оптовой розничную. Въ этомъ отношеніи, кажется, напримѣръ, въ особенности потерпѣла Казань, которая черезъ посредство Макарія снабжала товарами весь сѣверо-восточный край. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается сокращеніе всякаго рода кочующихъ торговцевъ - покупателей (офеней), въ особенности крупныхъ людей этой категоріи, снабжавшихъ товаромъ дѣ-

лые отдаленные края; мѣсто разнощиковъ стали все болѣе и болѣе занимать осѣдлые торговцы.

Таково наше главное замѣчаніе относительно измѣнившихся въ послѣднее время обстоятельствъ Нижегородской ярмарки. Не знаемъ, не то ли хотѣли выразить и нѣкоторые писатели, говоря что ярмарка дѣлается болѣе и болѣе *народною*. Во всякомъ случаѣ, выраженіе это, въ приложеніи къ Нижегородской ярмаркѣ, не совсѣмъ для насъ понятно. Народною, въ смыслѣ явленія важнаго для коммерческихъ и промышленныхъ интересовъ всего нашего народа, Макарьевская ярмарка была съ незапамятныхъ временъ нашей исторіи. Если же подъ этимъ выраженіемъ, произносимымъ съ обычною у насъ въ подобныхъ случаяхъ торжественностью, хотятъ дать понять, что въ ярмарочной торговлѣ сталъ нынѣ болѣе принимать участіе простой, рабочій народъ, на мѣсто прежнихъ высшихъ и достаточныхъ классовъ, что ярмарочная торговля дѣлается *простонародною*, или такъ-называемою крестьянскою, то это рѣшительно несправедливо; и еслибы произошло подобное явленіе, доселѣ ничѣмъ инымъ не подтверждающееся, какъ развѣ нѣсколько усилившимся числомъ крестьянъ и рабочихъ, прибывающихъ на ярмарку изъ самыхъ близкихъ мѣстъ для работъ или просто для гульбы, то это явленіе, конечно, означало бы окончателное паденіе ярмарки. Такія народныя ярмарки разсыяны въ безчисленномъ множествѣ по всему пространству Имперіи.

Развитіе путей сообщенія, способствующее нынѣ увеличенію посѣтителей ярмарки и какъ будто расширяющее пока географическій районъ ея дѣятельности, должно, однакоже, въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ повести къ инымъ, противоположнымъ результатамъ, и ярмарка дѣйствительно можетъ мало-по-малу утратить свое нынѣшнее значеніе. Разрѣшеніе великаго вопроса о соединеніи центра Россіи и Воли съ юго-западомъ и Чернымъ моремъ не пойдетъ въ прокъ собственно Нижегородской ярмаркѣ, несмотря на то что этотъ желанный путь чрезвычайно расширитъ область того движенія товаровъ, въ которомъ эта ярмарка ѣсть, конечно, самое бойкое мѣсто, но въ которомъ душой является Москва.

Въ какой степени Москва всеильна въ дѣлѣ снабженія мануфактурными товарами и предметами роскоши городской торговлѣ, составляющей нынѣ главную функцію

Нижегородской ярмарки, и въ какой степени всякое облегченіе путей къ Москвѣ дѣлаетъ ненужными связи съ ярмаркой, служить доказательствомъ Украинскій ярмарочный рынокъ. Шоссейная дорога соединяетъ его съ Москвой, и можно сказать, что онъ не имѣетъ нынѣ ничего общаго съ Нижегородскою ярмаркой; весь Украинскій рынокъ, какъ съ получаемыми, такъ и съ отсылаемыми имъ товарами, совершенно оторванъ нынѣ отъ Макарія; коммерческіе дѣятели того и другаго совершенно различны. Между тѣмъ въ воспоминаніяхъ торговцевъ-старожиловъ Украины (восточной, въ области Харькова) еще сохранилась память о связяхъ съ Макаріемъ. о неизбѣжныхъ ежегодныхъ повѣздахъ къ Макарію черезъ Воронежъ, которыхъ нынѣ кажется, простылъ и слѣдъ. Украинѣ нужна одна только Москва.

Но безъ Москвы и Нижегородской ярмарки нечего было бы дѣлать: она главное складочное мѣсто для всей нашей внутренней торговли; да и иностранными товарами внутренніе наши рынки снабжаются почти исключительно чрезъ посредство Москвы. Городовые купцы всегда увѣрены, что найдутъ въ Москвѣ всякій товаръ во всякое время; этой увѣренности они никогда не могутъ имѣть относительно какой бы то ни было ярмарки, даже относительно Нижегородской. Множество мѣстныхъ торговцевъ посѣщаютъ до Макарія Москву, гдѣ больше выбора, и часто увѣзжаютъ съ товаромъ въ свои мѣста, минуя ярмарку, на которую оказывается уже излишнимъ ѣздить. И послѣ ярмарки ѣздить въ Москву добирать товаръ, не попавшійся на ярмаркѣ. Остатки непроданныхъ товаровъ большею частію отправляютъ изъ Нижняго въ Москву, какъ мы уже говорили. Почти всѣ сколько-нибудь значительные наши фабриканты имѣютъ въ Москвѣ магазины, склады, или коммисіонеровъ для постоянной продажи своего товара. Самые грузные товары, и въ особенности прибывшіе въ Нижній водою, какъ, напримѣръ, желѣзо, хотя и остаются тамъ еще послѣ ярмарки, но самый торгъ продолжается въ Москвѣ, куда товаръ и перевозится, по мѣрѣ надобности: желѣзная дорога чрезвычайно облегчила эти сдѣлки. Независимо отъ прямыхъ отношеній Москвы къ Нижегородской ярмаркѣ, ея давнее коммерческое значеніе вообще чрезвычайно усилилось въ послѣднее время и съ каждымъ днемъ усиливается еще болѣе, какъ это можно слышать и видѣть въ каждомъ уголкѣ Россіи. Намъ уже не разъ приходилось

говорить объ этомъ значеніи Москвы въ разныхъ отноше-
ніяхъ, и здѣсь нѣтъ надобности болѣе о немъ распростра-
няться. Но полному проявленію коммерческаго могущест-
ва Москвы, окончательному вступленію въ прямую связь
съ нею всѣхъ внутреннихъ нашихъ рынковъ, которые къ
ней издавна тяготеютъ, препятствуютъ слишкомъ медлен-
ные и плохіе шаги наши въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ до-
рогъ; въ системѣ нашихъ сообщеній мы еще до сихъ поръ,
подобно первобытнымъ временамъ нашей исторіи, вынужде-
ны держаться направленія рѣчныхъ бассейновъ и подчинять
ему историческія и духовныя влеченія народонаселеній Рос-
сін. Господствующая у насъ сила водяныхъ сообщеній ска-
зывается до сихъ поръ и въ Нижегородской ярмаркѣ; мы
слышали отъ множества городскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ
за товаромъ на ярмарку изъ весьма отдаленныхъ краевъ,
связанныхъ съ нею водяными путями, что безъ относитель-
ныхъ удобствъ этихъ путей они непременно стали бы заку-
пать товары въ самой Москвѣ. Примѣромъ можетъ служить
слѣдующее: отправка товара отъ Нижняго Волгой до Царицы-
на можетъ стоить 15 к. съ пуда, тогда какъ зимнимъ путемъ
туда же изъ Москвы—отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Вотъ какая огром-
ная разница въ фрахтахъ падаетъ всюю своею тяжестью на
Москву. Множество торговцевъ готовы были бы заплатить
вдвое и втрое за перевозку (но не въ десятеро же), лишь бы
покупать въ Москвѣ. Въ такой же степени затруднителенъ и
дорогъ личный проѣздъ въ Москву сухимъ путемъ, хотя бы
онъ былъ вдвое и втрое короче чѣмъ Волгой, Камой или
Окой. Удивительно ли послѣ этого, что каждый мѣстный тор-
говецъ, имѣющій надобность быть въ Москвѣ, пользуется тѣ-
ми днями, когда Москва съ своими товарами и капиталами
перекочевываетъ на Волгу, въ важнѣйшее средоточіе всѣхъ
ея сообщеній съ остальною Россіей. Между тѣмъ закупка
товара въ самой Москвѣ и заключеніе сдѣлокъ прямо съ нею,
безъ посредничества ярмарки, до такой степени удобнѣе и
выгоднѣе, что мы не разъ слышали соображенія о необходи-
мости на будущее время заказывать товары заблаговременно
въ Москвѣ, съ тѣмъ чтобъ они перевозились водою тотчасъ
по открытіи навигаціи. Ярмарочный ходъ дѣлѣ оказывается
уже для многихъ тягостнымъ и несовмѣстимымъ съ правиль-
ною торговлей, и желаніе какъ-нибудь избѣжать ярмарки, со-
всѣми ея коммерческими случайностями, какъ вельзя болѣе

естественно. Многого должно ждать отъ желѣзныхъ дорогъ. Уже желѣзные пути, протянувшіеся изъ Москвы, безъ всякой связи съ общемою государственною сѣтью, до сихъ поръ не рѣшительно даже въ самыхъ основныхъ своихъ линіяхъ, оказываютъ свое вліяніе; но они не окончены, только-что вступили въ конкуренцію съ водяными путями и гужевою перевозкою, и дѣйствіе ихъ сопровождается явленіями, которыя никакъ нельзя назвать нормальными. Такъ, напримѣръ, нынѣ провозъ гужомъ изъ Шуи, значительной участницы Макарьевского торговаго, до Москвы (300 верстъ) обходится съ пуда зимой 25 к., лѣтомъ 30 к., а до ближайшей станціи Московско-Нижегородской желѣзной дороги (50 верстъ) 15 к., да по желѣзной дорогѣ до Москвы 22 к., всего 37 к., не считая неудобствъ двойной перегрузки товаровъ. Отъ Шуи до Нижняго гужомъ обходится 25 к., Волгой — 21 к. (съ подвозомъ), а желѣзною дорогою — 33 к. (въ томъ числѣ 15 к. подвозъ), то есть дороже. Эти примѣры объясняютъ, почему до сихъ поръ множество товаровъ идетъ на ярмарку не по желѣзной дорогѣ, а прежними путями. Боковые подвозные пути, извозничество и самый тарифъ на желѣзныхъ дорогахъ должны еще претерпѣть многія преобразованія, чтобы желѣзныя дороги приловчились ко всѣмъ потребностямъ нашей торговли. Коломенская дорога также отчасти послужила къ приближенію Нижегородской ярмарки къ Москвѣ, въ особенности для грузныхъ товаровъ, которые могутъ идти до Коломны водой. Продолженіе этой дороги до Рязани и дальнѣйшее развитіе ея въ юго-восточномъ направленіи должны возбудить между Москвою и всѣмъ бассейномъ Оки, а въ послѣдствіи и всѣмъ восточнымъ центральнымъ краемъ (приблизительно расположеннымъ между Окой, Волгой и Дономъ), непосредственное коммерческое движеніе, которое минуешь Оку, Волгу и съ ними ярмарку. Еще болѣе могущественное дѣйствіе на установленіе прямыхъ сношеній мѣстныхъ рынковъ съ Москвою, съ первыми руками, путемъ правильныхъ не ярмарочныхъ сношеній, должны имѣть желѣзные пути, которые соединятъ Москву съ Днѣпромъ, южными и западными окраинами, наконецъ, съ дальнимъ сѣверомъ и востокомъ (если только позволено когда-нибудь ожидать продолженія Троицко-Ярославской и Нижегородской линій). Такимъ образомъ въ главной роли Нижегородской ярмарки, въ передачѣ то-

варовъ изъ первыхъ рукъ въ розничныя и снабженіи мѣстныхъ рынковъ, московскій торгъ рано или поздно долженъ поглотить въ себѣ макарѣвскій. Такое поглощеніе было бы только торжествомъ правильной, осѣдлой торговли надъ кочевой и ярмарочною,—торжествомъ, къ которому клонятся всѣ экономическіе успѣхи времени. Но, очевидно, не одни только пути сообщенія могутъ ускорить такой ходъ вещей; ему должно содѣйствовать усиленіе главныхъ рычаговъ коммерческаго движенія: возрастаніе капиталовъ и въ особенности кредита, безконечно усиливающего дѣятельность капиталовъ и парализирующаго ярмарочную торговлю; развитіе банковыхъ учрежденій, которыя для обращенія товаровъ то же что желѣзныя дороги для ихъ перевозки; наконецъ, умственные успѣхи въ торговомъ классѣ, безъ которыхъ невозможно въ наше время никакое господство въ торговлѣ. Но усиленіе Москвы, какъ послѣдствіе успѣховъ народнаго хозяйства, не есть, конечно, ея исключительное преобладаніе надъ внутренними нашими рынками, а только усиленіе ея значенія, какъ главнѣйшаго центра внутренней торговли: съ усиленіемъ Москвы, въ связи съ нею, непременно усилятся и другія средоточія торговли, и на первомъ планѣ Харьковъ и Кіевъ. Московско-Харьковская желѣзная дорога должна закончить на Украинскомъ рынкѣ процессъ превращенія ярмарочной торговли въ осѣдлую и биржевую. Харьковъ, сдѣлавшись складочнымъ мѣстомъ для всей юго-восточной Россіи, долженъ поглотить въ себѣ всю систему украинскихъ ярмарокъ.

Мимоходомъ должны мы упомянуть объ одномъ особомъ обстоятельстве, важномъ для будущности какъ Нижегородской ярмарки, такъ и всего коммерческаго движенія, насъ занимающаго. Нынѣ ввозная иностранная торговля такъ слаба на югѣ Россіи, особенно въ азовскихъ портахъ, что вся юго-восточная Россія, до самыхъ крайнихъ своихъ оконечностей въ Азовскомъ морѣ и Кавказѣ, снабжается фабричными произведеніями отечественными, отчасти и иностранными, и вообще предметами роскоши съ сѣвера, черезъ посредство Москвы, Харькова и Нижегородской ярмарки. Причинъ этому странному явленію много; здѣсь не мѣсто ихъ разсматривать, и достаточно только упомянуть объ одной изъ нихъ,—о нашей покровительственной таможенной системѣ. Вопросъ о таможенныхъ пошлинахъ и вообще не безразличенъ для будущ-

ности Нижегородской ярмарки, на которой обращаются по преимуществу отечественные мануфактурные товары. Развитие ввоза иностранных товаров не может не отозваться на ярмаркѣ; ясно, что эти товары скорѣе будутъ распространяться по внутреннимъ рынкамъ черезъ Москву чѣмъ черезъ ярмарку. Но успѣхи иностранной торговли на югѣ, въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ, должны вообще нѣсколько ограничить географическую область сбытовъ фабричныхъ произведеній всего примосковского края. Въ этомъ отношеніи, какъ складочное мѣсто иностранныхъ товаровъ, можетъ значительно подняться Кіевъ, при томъ развитіи путей сообщенія и коммерческаго движенія на югѣ, о которомъ мы упоминали выше. Кіеву, котораго коммерческая дѣятельность такъ упала, пора же наконецъ подняться. Все это, однако, нисколько не можетъ ослабить развитія нашей отечественной фабричной промышленности и внутренней торговли, которыя съ успѣхами международной торговли и усовершенствованіемъ путей сообщенія откроютъ новые для себя пути и рынки. Иностранная торговля не можетъ возрастать безъ усиленія внутренней торговли и отечественнаго производства; это нынѣ не только аксіома науки, но и фактъ, повторяющійся во всѣхъ государствахъ Европы.

Мы выставили, насколько могли, всѣ тѣ сложныя обстоятельства, которыя обуславливаютъ развитіе Нижегородской ярмарки въ настоящемъ и могутъ обуславливать въ будущемъ. Мы могли это сдѣлать только приблизительно, какъ и сказали выше; но мы воздержались отъ всякаго рѣшительнаго приговора, который въ нынѣшнее переходное время былъ бы очень труденъ. Мы полагаемъ, что при очевидномъ возрастаніи ярмарки въ послѣдніе годы и значительномъ увеличеніи массы ея посѣтителей, трудно говорить о близкомъ концѣ ея, какъ дѣлаютъ многіе, впрочемъ, болѣею частью тѣ, которые судятъ о ней заглазно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ намъ кажется, что это видимое возрастаніе и оживленіе ярмарки не есть еще ручательство за дальнѣйшее продолженіе этого развитія въ будущемъ. Мы говорили о замѣченной нами главной причинѣ этого оживленія, объ увеличеніи массы среднихъ и мелкихъ рукъ, участвующихъ въ ярмаркѣ. Тѣ же условія, отъ которыхъ зависѣло это явленіе, и которыя нами были описаны, могутъ въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ имѣть и обратное дѣйствіе на ярмарку: съ успѣхами мѣстной го-

родовой торговли и съ усовершенствованіемъ способовъ сообщеній мѣстные торговцы могутъ болѣе и болѣе обращаться за товаромъ къ первымъ источникамъ, помимо ярмарки, къ мѣстамъ производства, къ портовымъ городамъ и, наконецъ, къ Москвѣ, какъ къ господствующему центру и главному складочному мѣсту нашей внутренней торговли.

Результатомъ нашихъ разсужденій о ярмаркѣ уже не разъ было указаніе на постепенное поглощеніе макарьевскаго торговаго въ великомъ московскомъ торговлѣ. Такой переходъ Нижегородской ярмарки въ Москву былъ бы только послѣднимъ актомъ ея историческаго движенія съ востока на западъ, и уже потому этотъ переходъ можетъ представляться самымъ естественнымъ и вѣроятнымъ. Начиная со времени Великой Болгаріи и ея торжища около устья Камы, весь этотъ восточный рынокъ постепенно раздвигался въ обѣ стороны: къ западу — къ Казани, Макарьеву, Нижнему-Новгороду, Москвѣ, и на востокъ — къ Перми, Ирбиту, Тюмени. Москва есть послѣдній предѣлъ передвиженія Макарьевской ярмарки на западъ. Намъ кажется, что это передвиженіе уже началось и обнаруживается въ томъ оживленіи Московскаго рынка, которое бываетъ послѣ ярмарки. Это оживленіе можетъ въ будущемъ постепенно усиливаться. Съ другой стороны, ярмарочныя операціи, и именно по снабженію товарами городовыхъ купцовъ, могутъ болѣе и болѣе производиться въ Москвѣ, въ теченіе цѣлаго года. Въ этомъ только смыслѣ понимаемъ мы переходъ Нижегородской ярмарки въ Москву и рѣшаемся какъ будто его предсказывать. Само собою разумѣется, что о переходѣ ярмарки въ Москву, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть и рѣчи.

V.

Въ заключеніе нашихъ очерковъ мы обѣщали сообщить нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ другой, не коммерческой, сторонѣ Нижегородской ярмарки, къ кругу нравственныхъ и вообще бытовыхъ ея явленій. Исполняемъ теперь это обѣщаніе, но просимъ не позабыть общей оговорки уже разъ нами сдѣланной. Мы никакъ не можемъ представить полной нравственной характеристики Макарьевскаго торговаго; наши личныя впечатлѣнія не только весьма отрывочны, но и значительно обусловлены напоромъ нравственныхъ и ум-

ственныхъ движеній нашего времени. Поэтому, по необходимости, многое, въ иное время не существенное, выдвигалось для насъ на ярмаркѣ на первый планъ, а другое, можетъ-быть, болѣе существенное, представлялось намъ не такъ выпуклымъ и легко могло быть упущено изъ виду.

Уже учитель Петра Перваго, Н. М. Зотовъ, говорилъ будущему великому преобразователю Россіи: „Макарьевская ярмарка есть зѣло важное сходбище,—о немъ всегда думать надлежитъ.“ * Этими словами, по всей вѣроятности, указывалось значеніе Макарьевского торгова, какъ важнаго средоточія русской жизни, какъ великой встрѣчи людей всякаго племени и рода на Русской землѣ.

Съ этой точки зрѣнія Макарьевскій торгъ, нынѣ происходящій хотя и на другомъ, но еще болѣе значительномъ географическомъ и государственномъ пунктѣ Россіи чѣмъ во времена Зотова, конечно заслуживаетъ особеннаго вниманія и попеченія.

Здѣсь, въ мѣстѣ соединенія Окскаго и Волжскаго бассейновъ, столь важномъ въ этнографической и политической исторіи русской государственной территоріи, ежегодно, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, сходятся сотни тысячъ людей всякихъ языковъ, всякихъ вѣроисповѣданій и всякихъ цивилизацій. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ здѣсь боіко бьется пульсъ русской народной жизни, и очевидно къ нему необходимо прислушиваться съ величайшимъ вниманіемъ. Въ біеніяхъ этого пульса нельзя не ловить признаковъ движеній, происходящихъ на разныхъ концахъ Русской земли и въ разныхъ закоулкахъ русскаго общества, откуда народная жизнь прибываетъ такою стремительною волной въ это средоточіе, чтобъ изъ него, не менѣе стремительною возвратною волной, разнести по всемъ путямъ Русской земли накопляющіеся, перемѣшивающіеся и растворяющіеся въ этомъ общемъ резервуарѣ наносы самыхъ разнообразныхъ породъ и качествъ. Нельзя наконецъ всячески не оберечь чистоты такого важнаго средоточія народной жизни. Въ этомъ смыслѣ позволительно понимать слова завѣщаннаго Зотовымъ своему царственному ученику, хотя и нѣтъ сомнѣнія, что потомство всегда по своему понимаетъ слова предковъ.

* См. рѣчь П. И. Мельникова, изъ которой мы приводимъ слова Зотова (*Современная Лѣтопись* 1864 г. № 36, „Десять дней на Нижегородской ярмаркѣ“ г. Павловскаго).

Въ чемъ же въ особенности проявилось наше попеченіе объ этомъ „зѣло важномъ сходбищѣ“ русскихъ людей, и чѣмъ преимущественно привлекало оно до сихъ поръ наше вниманіе?

Въ понятіяхъ массы не коммерческой публики Нижегородская ярмарка нерѣдко представляется единственно какъ мѣсто гулянья и кутежа; по крайней мѣрѣ, въ разговорахъ публики о Макарьѣ обыкновенно преобладаютъ разказы о скандалахъ и куріозахъ купеческаго разгула, какъ будто въ этомъ разгулѣ заключается главный умственный и нравственный, или какъ нынѣ выражаются, *соціальный* интересъ этого великаго сходбища русскихъ людей. Журнальная литература ярмарки, когда не касается извѣстій о коммерческихъ оборотахъ ярмарки (о томъ какъ касается она этого предмета намъ случилось уже говорить въ началѣ нашего труда *),—также почти исключительно вращается около увеселительныхъ ея заведеній. Не мудрено что въ воображеніи значительной части не коммерческой публики средоточіемъ всего интереса Макарьевского торговаго сдѣлалось знаменитое село *Кунавино*. Между тѣмъ эта кунавинская точка зрѣнія на ярмарку, даже въ самомъ тѣсномъ смыслѣ ярмарочнаго разгула, оказывается нынѣ совершенно невѣрною, ибо даже въ специальной исторіи развращенія нравовъ на Нижегородской ярмаркѣ иныя ея области далеко опередили Кунавино.

Сложившимся о ярмаркѣ понятіямъ болѣе или менѣе соответствовали и самыя отношенія о ней государства. Охрана этого важнаго средоточія народной жизни со стороны государства всегда заключалась главнымъ образомъ въ самомъ наружномъ полицейскомъ и даже воинскомъ надзорѣ. Слѣшимъ оговориться, съ тѣмъ чтобы наши слова не дали повода къ недоразумѣніямъ. Полиція, конечно, есть спеціальнѣйшее призваніе государства, и мы не имѣемъ никакого особеннаго расположенія къ развитію дѣятельности государства, по отношенію къ торговлѣ, за предѣлы этого самаго безспорнаго его призванія. Прибавимъ, что усиленіе вниманія на военную сторону полицейскаго надзора за Нижегородскою ярмаркою, какъ это было въ послѣднее время (съ 1862 года), принесло свою долю пользы, оградивъ мирныхъ коммерче-

* Пользуемся этимъ случаемъ чтобы слова упомянуть о добросовѣстныхъ изысканіяхъ относительно оборотовъ ярмарки г. Овсянникова, продолжавшихся и въ 1865 г. (въ *Ярмарочномъ листкѣ*). Труды г. Овсянникова мы всегда отличали отъ другихъ газетныхъ статей.

скихъ людей отъ того смятенія въ умахъ, которое распростра-
нялось у насъ за пожарами и польскимъ возстаніемъ. Въ ка-
кой степени эти экстренныя военныя мѣры необходимы и
теперь, это другой вопросъ, котораго мы не желаемъ здѣсь ка-
саться. Но какъ бы ни была важна полиція для народной жиз-
ни, и какъ бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ни были полезны
даже самыя наружныя ея принадлежности, все-таки суще-
ственная роль полиціи не заключается въ одѣвѣхъ только по-
лицейскихъ декораціяхъ и вооруженіяхъ, способныхъ охра-
нять публику развѣ только отъ людей пугающихся видомъ хо-
доднаго и огнестрѣльнаго оружія. Очевидно, что задача поли-
ціи не можетъ еще быть признана окончательно разрѣшеною,
когда напримѣръ, какъ мы видѣли на Нижегородской ярмар-
кѣ, у пороговъ всѣхъ увеселительныхъ заведеній и гуль-
бищъ разставлены, въ полномъ комплектѣ, представители по-
лицейскаго надзора: регулярная или гражданская полиція,
жандармы, казаки, и наконецъ, даже самыя экстренныя поли-
цейскіе сикурсы—строевые воинскіе чины. Даже еслибы стра-
жи порядка были разставлены не только у входовъ на тан-
цовальныя вечера, но и въ самыхъ танцовальныхъ залахъ,
къ каждому райку (панорамщику) на площади приставленъ
былъ казакъ, и казаки ни на минуту не переставали бы
развѣзжать по мосту, махая ногойками и крича безустанно:
„тише вхать,“ даже когда на мосту нѣтъ ни одного экипа-
жа,—и тогда дѣлъ полиціи нельзя было бы признать окон-
чательно достигнутою. Усиленіе полицейской стражи въ раз-
ныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ приводитъ нерѣдко къ од-
ному только вѣрному результату—къ усиленію состава служи-
телей этихъ заведеній (такъ жандармы отбираютъ и счита-
ютъ билеты на танцовальныхъ вечерахъ), и превращается
нѣкоторымъ образомъ въ правительственную субсидію. Такая
субсидія заключается уже въ томъ увеличеніи числа потре-
бителей увеселительныхъ ярмарочныхъ товаровъ, которое
естественно сопровождаетъ усиленіе численности полицей-
скихъ дѣятелей: полиція, какъ и вся сфера административ-
ныхъ лицъ, производитъ даже самый оживленный спросъ на
эти товары. * Нерѣдко даже такое правительственное со-

* Какъ ни странною можетъ показаться эта мысль о превращеніи при
извѣстныхъ условіяхъ полицейскаго надзора и вообще государственной
охраны въ прямую субсидію увеселительнымъ промышленнымъ предпріа-
тіямъ, но она между тѣмъ справедлива. Весь личный составъ государствен-

дѣйствіе увеселительнымъ ярмарочнымъ промысламъ выходить за предѣлы свободнаго содѣйствія и обращается въ насильственное покровительство тому или другому потребленію: такъ казакъ, приставленный къ панорамщику, заставляетъ его насильно, по требованію окружающей толпы, показывать самыя секретныя картинки, * которыя даже панорамщикъ, отчаянный, забубенный гулака, замляса показывать, притѣвить у стеклышка своей панорамы несовершеннолѣтнюю крестьянскую дѣвушку. Наконецъ, нельзя сказать, чтобы новѣйшими мѣрами полицейскаго надзора были окончательно устранены на Нижегородской ярмаркѣ самыя грубыя нарушенія порядка, хотя можетъ-статься и достигнуты нѣкоторыя улучшенія сравнительно съ давно прошедшимъ временемъ. Мы сами были еще свидѣтелями печальныхъ кровопролитій на улицахъ среди бѣлаго дня,—однажды чуть-чуть не дошедшихъ до убійства,—несмотря на многочисленныхъ казаковъ, мчавшихся одинъ за другимъ мимо побоища для исполненія спѣшныхъ приказаній начальства; были и открытые грабежи посреди улицы наполненной народомъ; были и покушенія на тайныя убійства, остановленные случайно проходившими мирными гражданами; было ежедневное, сопряженное съ большою опасностію столпленіе судовъ на окской переправѣ ночью (когда разводится мостъ).

Указывая на эти факты, мы чужды всякаго желанія давать практическія наставленія, и намъ дѣлается даже страшно, чтобы наши слова не внушили мысли о необходимости еще большаго расширенія ярмарочной полицейской дѣятельности и еще большаго чѣмъ нынѣ вторженія администраціи въ частную жизнь. Зная какъ трудно разрѣшается задача полиціи за предѣлами наружнаго полицейскаго надзора, и какъ плодомъ самаго благороднаго усердія администраторовъ на этой почвѣ является обыкновенно только стѣсненіе народной жизни, безъ всякихъ благъ полицейской охраны,—зная все это, мы конечно готовы предпочесть выѣшнее по-

ной администраціи составляетъ въ государствѣ классъ потребителей по преимуществу и даже въ особенности предметовъ роскоши и разеянія.

* Изображенія на этихъ картинкахъ достигаютъ самыхъ крайнихъ предѣловъ безстыдства и несомнѣнно служатъ къ самому наглядному и общепонятному распространенію въ малолѣтнемъ поколѣніи простаго народа, тысячами окружающаго райки на площадяхъ, свѣдѣній о вещахъ, которыя ему и присниться не могутъ въ его сельскомъ захолаустѣ.

ложене вещей на Нижегородской ярмаркѣ всякому дальнѣйшему развитію на ней полицейскаго дѣла. Грубые, такъ-сказать механическіе, приемы полицейской системы, которая господствовала тамъ до сихъ поръ, имѣли, по крайней мѣрѣ, своимъ несомнѣнно-полезнымъ послѣдствіемъ свободное и естественное развитіе ярмарки. Съ усиленіемъ полицейской дѣятельности мы можемъ потерять и это благо, не приобрѣтя никакого новаго. Задача полиціи, за предѣлами наружной полиціи, какъ бы такая задача ни казалась необходимою и въ извѣстной степени удобоисполнимою, неизмѣримо труднѣе задачи наружнаго и военнаго полицейскаго надзора. Охрана народной жизни и народнаго воспитанія, совершающагося на улицахъ и гульбищахъ болѣе чѣмъ въ школахъ, охрана отъ нравственнаго насилія и соблазна, дѣлесообразная и не стѣснительная для частныхъ лицъ, — такая охрана требуетъ предварительнаго, тщательнаго изученія народной жизни; сверхъ того, она обуславливается въ своемъ исполненіи способами и орудіями дѣйствій, которыя не всегда находятся въ распоряженіи власти. Такія орудія полиціи сами являются плодомъ успѣховъ народнаго воспитанія и не могутъ быть созданы по желанію власти. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе затронутой нами государственной задачи, мы позволимъ себѣ только сообщить нѣсколько наблюденій и размышленій, почерпнутыхъ нами на Нижегородской ярмаркѣ и возбужденныхъ фактами, обнаруживающими господствующее здѣсь, по нашему мнѣнію, ошибочное, или лучше, весьма узкое пониманіе дѣлей какъ ярмарочной, такъ и всякой полиціи.

Разказы о разгулѣ на Макарьевской ярмаркѣ положительно преувеличены, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ настоящему времени; они основаны на фактахъ давно минувшей старины. Во всякомъ случаѣ, то что дѣйствительно есть въ увеселительной сферѣ Нижегородской ярмарки самаго оскорбительнаго для нравственнаго чувства и самаго опаснаго для народной нравственности, заключается не столько въ циническихъ проявленіяхъ грубаго разврата, сколько въ иныхъ гораздо менѣе уловимыхъ явленіяхъ.

Прежде всего должно замѣтить, что молодое поколѣніе торговаго класса, если не обманываютъ насъ всѣ наши наблюденія, почерпнутыя однако изъ продолжительныхъ и тѣсныхъ сношеній съ представителями всѣхъ слоевъ этого

класса, — молодое поколѣніе (собственно возмужалое, а не самое юное, еще стоящее въ сторонѣ отъ дѣла) значительно остепенилось въ сравненіи съ старымъ поколѣніемъ. Въ поколѣніи среднего возраста замѣтны рѣшительные успѣхи семейной жизни и отвращеніе отъ кочевой, составляющей сущность нашего ярмарочнаго быта; усовершенствованіе путей сообщенія позволило женамъ сопровождать своихъ мужей на Нижегородскую ярмарку, и можно уже замѣтить нѣкоторые признаки столь желаннаго вступленія нашей купеческой женщины въ свои естественныя права. Начинается превращеніе ея изъ *хозяйки* и затворницы въ подругу и участницу жизни мужа. Конечно, на этомъ пути еще много остается пожелать, и можетъ-быть, въ особенности того, чтобъ и наша, такъ-называемая, *купчиха*, добываясь какъ можно скорѣе прогресса, не шагнула, подобно нѣкоторымъ своимъ соотечественницамъ, въ столь соблазнительныя закоулки *эмансипаціи*... Какъ бы то ни было, заповѣдный кочевой разгулъ принадлежитъ кажется нынѣ по преимуществу старому поколѣнію торговыхъ людей; молодые люди положительно не поспѣваютъ за стариками. Въ настоящее время оказывается слабою не столько нравственная, сколько умственная сторона нашего купеческаго люда; между тѣмъ успѣхи образованія, и именно школьнаго, составляютъ одинъ изъ первостепенныхъ вопросовъ нашей отечественной торговли, которая несомнѣнно находится и внутри Россіи, и на всемірныхъ рынкахъ, въ униженномъ положеніи, подчиненномъ господству иностранцевъ и иностранныхъ капиталовъ. Сколько бы ни кричали о таможенномъ тарифѣ, это иностранное господство главнымъ образомъ происходитъ отъ превосходства умственнаго образованія иностранныхъ торговыхъ людей надъ русскими; а такое превосходство не можетъ измѣниться ни отъ какихъ тарифовъ. По истинѣ надо удивляться, — какъ и удивляются иностранцы, — природной даровитости русской натуры, и именно исторической даровитости къ коммерческому дѣлу, когда видишь какъ самородные наши торговцы, едва умѣющіе разобрать купеческій счетъ и подписать вексель, справляются съ этими иностранцами, большею частію прошедшими, до конторы, полный курсъ наукъ въ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спѣшимъ замѣтить, что успѣхамъ школьнаго образованія нашего купечества нынѣ препятствуетъ

не ихъ добрая воля, а то плачевное направленіе, которое приняли у насъ школы въ послѣднее время: мы можемъ положительно засвидѣтельствовать, и въ особенности послѣ всего того что слышали среди купечества торгующаго на Нижегородской ярмаркѣ, какъ сильно озабочиваетъ этотъ классъ вопросъ о необходимости образованія дѣтей. Но виновато ли купечество въ томъ, что школьное образованіе представляется ему съ нѣкоторыхъ поръ единственно въ видѣ отрицанія всего что составляетъ, даже по бессознательному инстинкту самаго необразованнаго челоуѣка, нравственную основу, достоинство и лучшую красу челоуѣка? Виновато ли купечество, когда его сыновья возвращаются къ домашнему очагу съ единственнымъ вновь приобретеннымъ убѣжденіемъ, что вся наука, до сихъ поръ существовавшая у образованныхъ народовъ, и всѣ придуманные ими для челоуѣческаго общежитія порядки—совершеннѣйшій вздоръ, долженствующій въ одинъ прекрасный день быть уничтоженнымъ? Въ какомъ бы отчужденіи отъ западно-европейскаго образованія ни жило наше купечество, но оно никакъ не можетъ примириться съ такимъ *последнимъ результатомъ* современнаго нашего школьнаго образованія, и никакъ не можетъ повѣрить, чтобы молодые люди, воротившіеся изъ школы съ подобнымъ *последнимъ словомъ*, были дѣйствительно образованнѣе старыхъ. Какъ ни свято хранилъ нашъ купеческій классъ обряды и старину народнаго быта, посреди всеобщей ломки, но онъ вовсе не имѣетъ тѣхъ китайскихъ понятій о западно-европейскомъ образованіи и западно-европейскихъ общественныхъ порядкахъ какъ нѣкоторые наши мыслители и писатели. Самое послѣднее или самое прогрессивное купеческое поколѣніе, только-что сошедшее съ школьной скамейки, отпугиваетъ купечество отъ школы, практическимъ результатомъ которой являютея превращеніе къ занятію отцовъ и отчужденіе отъ своего ремесла. Въ старые годы купеческая молодежь лѣзла въ чиновничество и дворянство, теперь лѣзетъ въ соціальныя реформаторы и прогрессисты. Впрочемъ такъ-называемая у насъ прогрессивная или лучше недозрѣлая современная литература входитъ въ соприкосновеніе съ купеческою средой и не на одной только школьной скамьѣ; на Нижегородской ярмаркѣ мы видали скороспѣлыя русскія изданія Бокля, Дарвина, Фогта, въ рукахъ уже весьма возмужалыхъ людей. Повѣтлю, какое смущеніе въ

умахъ, чуждыхъ доселѣ всякой книги и всякой школы, способна производить эта литература, въ особенности благодаря нелѣпнымъ устнымъ ея истолкованіямъ, которыя носятъ въ воздухѣ и съ каждымъ переходомъ отъ одного необразованнаго человѣка къ другому постепенно превращаются въ понятія едва вѣроятныя по своему крайнему невѣжеству и безобразію. Что могутъ, напримѣръ, вынести изъ книгъ Бокля— о ходѣ всемірной цивилизаціи и Дарвина— о превращеніи видовъ люди, никогда не читавшіе ни одной книги историческаго или естественно-историческаго содержанія, не имѣющіе никакихъ, самыхъ даже элементарныхъ, понятій о томъ что такое цивилизація и что такое видъ? Какой туманъ долженъ возникнуть въ ихъ головахъ изъ подобнаго чтенія? Но чтеніе въ дѣйствительности происходитъ весьма рѣдко, въ чемъ мы положительно убѣдились. * Дѣло ограничивается тѣмъ, что Бокль, съ разрѣзанными страницами, выкладывается на показъ, подлѣ купеческихъ счетовъ, и обладатель этого сокровища объявляетъ каждому встрѣчному, то торжественно, то съ сокрушеніемъ сердца (смотря по личному характеру), что вотъ, дескать, явился на свѣтъ Бокль, разрушившій въ конецъ всѣ старыя системы философіи и всѣ религіозныя вѣрованія своимъ великимъ открытіемъ,—*открытіемъ въ человѣкѣ фосфора вмѣсто души!* Эти невѣроятныя слова приводятся нами съ буквальною точностію; мы ихъ слышали отъ людей произносившихъ ихъ не на вѣтеръ, а съ глубокимъ душевнымъ содроганіемъ; эти люди бывали счастливы, когда намъ удавалось убѣдить ихъ очевидными доказательствами, что Бокль не только никогда не дѣлалъ подобнаго открытія, но что въ его трудахъ нѣтъ даже ничего сколько-нибудь подходящаго къ анализу химическаго состава человѣческихъ мозговъ. Не легка бывала для насъ задача въ такихъ бесѣдахъ съ читателями Бокля (или лучше съ адептами его толкователей),—бесѣдахъ, принимавшихъ иногда весьма драматическій характеръ, уничтожавшій для насъ всякій комизмъ положенія; но не было недостатка и въ комизмѣ, особенно когда какой-нибудь обучающійся юноша прибѣгалъ на помощь къ провравшемуся, по его мнѣнію, дядинкѣ со сло-

* Намъ извѣстно, напримѣръ, что около 2.000 подписчиковъ на одно изъ русскихъ изданій Бокля, заплатившихъ сполна деньги за два тома, не явились за полученіемъ втораго тома, когда онъ вышелъ.

вами „не фосфоръ, а фосфорныя соединенія, дядинька!“ Бокль открывающій фосфоръ въ человеческомъ мозгѣ—вотъ самый характеристическій, взятый нами прямо изъ жизни, образчикъ результатовъ того новѣйшаго распространенія свѣта науки въ темныхъ массахъ русскаго народа, которымъ заняты и наивные, и ненаивные служители отечественнаго просвѣщенія. Хорошо также и другой изъ оставшихся у насъ въ памяти образчиковъ прогрессивныхъ купеческихъ возрѣвнй, возбуждающйхъ негодованіе стараго поколѣнія: „Нѣтъ добра и зла; нѣтъ честнаго и безчестнаго занятія: всякій промыселъ хорошъ, который только выгодеиъ. Чѣмъ нашъ купеческій промыселъ лучше промысла женщины торгующей своею честью? Если она умѣетъ заработать деньга, то она полезнѣе для государства чѣмъ купецъ и фабрикантъ неумѣющій нажитья.“ И такія рѣчи не разъ случалось намъ слышать въ купеческихъ кругахъ, умѣющихъ отлично примирять у насъ теорію Фогта и Молешотта съ теоріей азіатскихъ нравовъ. Когда толкуешь о такихъ результатахъ современнаго образованія съ разумными стариками, съ такъ называемыми бородачами стараго покроя, приходящими въ ужасъ отъ науки сыновъ и готовыхъ произнести ей анаѣму на всѣхъ соборахъ, когда стараешься всячески вразумить ихъ, что единственное спасеніе отъ этого умственаго разврата, производимаго литературой въ ихъ неучившихся сынахъ, есть школа, а не бѣгство отъ науки, — они побѣдоносно указываютъ вамъ на внуковъ, на этихъ молодцовъ уже произшедшихъ въ разныхъ коммерческихъ академіяхъ и университетахъ всѣ безъ изъятія науки. Когда ихъ въ такомъ случаѣ убѣждаешь воздержаться только отъ высшихъ школъ, сбивающихъ съ толку ихъ молодежь, и ограничиться пока низшими школами, въ которыхъ все-таки не преподается такое великое количество знаній, способствующихъ умственному разстройству учениковъ, тогда эти напуганные нашею наукой люди напоминаютъ вамъ что дѣлается въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ, какъ и тамъ набиваются головы всякимъ хламомъ рѣшительно ни для кого не нужнымъ, ни для мелкаго уѣзднаго торгоша, ни для первостепеннаго европейскаго коммерсанта; напоминаютъ, какъ, на примѣръ, въ уѣздныхъ училищахъ учителя исторіи (чему мы и сами лично были свидѣтелями) читають 9—12 лѣтнимъ мальчикамъ, ели-ели умѣющимъ читать по складамъ, лекціи

объ исторіи древней Индіи, объясняютъ значеніе санскритскаго языка для сравнительной филологіи, догматы буддизма, и т. д. Послѣ всего этого по неволѣ станешь въ тупикъ передъ купечествомъ, не желающимъ обучать своихъ дѣтей.

Возвращаемся къ вопросу о развращеніи нравовъ на Нижегородской ярмаркѣ. Понятіе о немъ еще въ томъ отношеніи не вѣрно, что самая опасная для нравовъ сторона макарьевской гульбы вовсе не та которую видитъ большинство публики, а съ нею и высшая полиція; эта опасность, также какъ и самые оскорбительные для нравственнаго чувства элементы увеселеній Макарія заключаются вовсе не въ ихъ дикихъ и безобразныхъ проявленіяхъ, принадлежащихъ отживающей старинѣ, а напротивъ, въ ихъ утонченіяхъ и облагораживаніи; принадлежащихъ новѣйшему времени. Увеселительная часть Макарьевской ярмарки есть настоящая энциклопедія увеселеній всѣхъ временъ и народовъ; сюда съѣзжаются *показывать* свое искусство или свои рѣдкости художники изъ всѣхъ концовъ Россіи и Европы. Здѣсь есть, какъ выражаются простые люди, рѣшительно все что надобно для „русскаго расположенія и веселія.“ Нѣтъ нужды говорить, что весь этотъ увеселительный товаръ самаго плохаго качества, кромѣ, однако, балета, отлично поставленнаго; въ недавнее время, петербургскими балетмейстерами и пользующагося покровительствомъ мѣстныхъ властей. Очевидно, что дѣляя народонаселенія Россіи по черпаютъ въ развлеченіяхъ Нижегородской ярмарки свои понятія объ изящномъ и прекрасномъ и разносятъ ихъ по Россіи. Съ этой точки зрѣнія русскій театръ могъ бы получить здѣсь громадное значеніе; но такое значеніе, безъ сомнѣнія, не можетъ принадлежать балету, менѣе всего способному въ народномъ воображеніи явиться школою изящнаго. „Пляска Иродіады!“ говорили старообрядцы, когда одинъ особенно покровительствуемый балетъ былъ съ особеннымъ торжествомъ поставленъ въ день усѣкновенія главы Іоанна Крестителя.

Какъ ни разнообразна энциклопедія увеселеній и развлеченій Нижегородской ярмарки, но въ ихъ развитіи можно, кажется, замѣтить двѣ струи, текуція съ двухъ противоположныхъ сторонъ: изъ нашей сѣверной столицы и чрезъ нее изъ-за моря, и изъ Москвы и чрезъ нея изъ коренной внутрянней Россіи. Петербургъ насаждаетъ утонченія макарь-

евскаго веселья и высылает къ Нижегородской ярмаркѣ всѣхъ посѣтителей этого рода, въ томъ числѣ и передовыхъ двигателей балета и *мабилей*, прозванныхъ здѣсь *мушкаррадами*; послѣдніе не могли бы устроиться безъ ватаги обоюго пола, выплываемой изъ Питера. Между тѣмъ эти утонченія разврата, совершенно недоступныя грубымъ понятіямъ коренныхъ русскихъ людей, удивительнымъ образомъ ступшевываютъ ту рѣзкую черту, которая отдѣляла въ старое время область разврата и область увеселенія, заведенія перваго и втораго порядка, посѣтителей тѣхъ и другихъ. По общему и нашему личному замѣчанію, въ прежніе и даже весьма недавніе годы, развратъ былъ гораздо болѣе сосредоточенъ на Нижегородской ярмаркѣ; онъ былъ даже географически (въ слободѣ Кунавицѣ) разграниченъ съ обыкновенною гульбой. Нынѣ онъ разлился, хотя и въ болѣе приличныхъ формахъ, по всей ярмаркѣ. Солідные люди, даже изъ среды весьма пріобыхшихъ къ трактирной жизни великороссійскихъ купцовъ, * должны были употребить большія усилія, чтобы замкнуть двери нѣкоторыхъ трактировъ отъ этой всепроникающей струи утонченныхъ увеселеній: по строгому уговору обычныхъ посѣтителей съ хозяевами нѣкоторыхъ (весьма немногихъ) трактировъ, именуемыхъ вслѣдствіе этого коммерческими, въ нихъ безусловно не впускаютъ женскій полъ, подъ какимъ бы то ни было титуломъ: арфистокъ, пѣвицъ и проч. Извѣстно, что географическое сосредоточеніе разврата заведено во многихъ столицахъ и многочисленныхъ городахъ Европы, и именно тѣхъ, которые отличаются наименьшею порчею нравовъ, какъ на примѣръ въ Лондонѣ; это сосредоточеніе составляетъ, кажется, весьма важный вопросъ благоустройства и благочинія, и несомнѣнно чрезвычайно облегчаетъ полицейскій надзоръ, какъ бы съ перваго взгляда ни сгущались отъ этого наружныя проявленія безнравственности.

Надо признаться, что русскій человекъ никакъ не умѣетъ облагораживать развратъ, какъ его этому ни обучаютъ въ Парижѣ и Петербургѣ; эта черта, вислолько, впрочемъ, неогорчительная для нашего національнаго самолюбія, какъ полагаютъ многіе, происходитъ, можетъ-быть, дѣйствительно отъ нашей отсталости на пути современной цивилизаціи,

* На малороссійскихъ ярмаркахъ вовсе нѣтъ трактирной жизни.

а можетъ-быть и отъ нѣкоторыхъ племенныхъ, нисколько не плачевныхъ, нашихъ свойствъ. * Эта черта въ особенноти ярка на Нижегородской ярмаркѣ. Всѣ эти танцевальныя вечера, затѣваемые съ самыми благими намѣреніями и долженствующіе ознакомить русскаго человѣка съ невѣдомыми ему утонченіями новѣйшей европейской вакханаліи, быстро превращаются подъ его рукой въ самыя отвратительныя питейныя и иныя публичныя заведенія. Замѣчательно, что кромѣ выписныхъ и наемныхъ танцоровъ, въ танцахъ принимаютъ участіе исключительно только иностранцы (Французы и Нѣмцы) и только *мертвецки пьяные Русскіе*, а между тѣмъ русскій народъ отличается особеннымъ дарованіемъ и любовью къ танцевальному искусству. Всѣ эти мабилы на берегахъ Оки гибнутъ отъ господствующаго на нихъ пьянства и отъ такъ-называемыхъ *каморокъ*, привлекающихъ туда публику гораздо болѣе чѣмъ танцы. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что весь, сколько-нибудь солидный, ярмарочный людъ (въ томъ числѣ и самый юный) посѣщаетъ эти зрѣлища лишь изърядка, и ради куріоза, „ради безобразія.“

Мы вовсе не заражены демократическою идеализаціей низшихъ классовъ, но должны высказать здѣсь несомнѣнный для насъ результатъ всѣхъ нашихъ наблюденій на Нижегородской ярмаркѣ, что чѣмъ ниже спускаешься по общественной лѣстницѣ гульбы и увеселительныхъ заведеній, тѣмъ меньше встрѣчаешь нравственнаго цивизма и тѣмъ меньше оскорбленій для естественныхъ чувствъ стыдливости и человѣческаго достоинства. На простонародныхъ гульбищахъ (напримѣръ, на самокатахъ, гдѣ распахивается самая непримужденная русская веселость, и гдѣ самодѣльный режокъ и *трѣпакъ* являються въ формахъ гораздо болѣе свободныхъ нежели облагороженные русскіе хоры и подмазаванныя представленія волжской разбойничьей ватаги на танцевальныхъ вечерахъ) и въ увеселительныхъ заведеніяхъ самаго низшаго разбора, харчевняхъ и кабакахъ, народное веселье обезображивается только пьянствомъ, которое у насъ все обезображиваетъ. Кромѣ пьянства вы не замѣтите здѣсь никакого посягательства на ваше нравственное чувство. Мы были по-

* Азіатцы, напримѣръ Китайцы и Турки, умѣютъ же утончать и рафинировать развратъ, несмотря на свое невѣжество и грубость нравовъ.

ражены нравственною пристойностію всего нами здѣсь видѣннаго (въ особенности во взаимномъ обращеніи обоихъ половъ), по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ увеселеніями высшаго сорта. Такъ, во всѣхъ самодѣльныхъ русскихъ пѣсняхъ, которыя намъ удалось слышать, даже въ самыхъ секретныхъ, было неизмѣримо менѣе циническихъ выраженій, нежели въ усовершенствованныхъ романтическихъ и сочиненныхъ пѣсняхъ этого рода въ высшихъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Къ тому же, простонародная публика рѣшительно не спрашиваетъ ихъ и услаждается (даже пьяная) преимущественно пѣснями чувствительнаго содержанія. Только посреди гульбы самыхъ бѣдныхъ классовъ ярмарочнаго народонаселенія и простаго народа можно было примѣтить слѣды нѣкоторыхъ элементовъ поэзіи и идеализма, которые никогда вовсе не покидаютъ человѣка посреди какой бы то ни было обстановки. Такъ единственное повѣстическое воспоминаніе, оставленное въ нашей памяти макарьевскимъ весельемъ, была удивительная по своеобразности русская пѣсня (*Ванюшка*), которую намъ впервые довелось слышать въ одной изъ самыхъ грязныхъ харчевенъ Нижегородской ярмарки; эта пѣсня плясовая (сопровожаемая *казачкомъ*) и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-унылая (въ минорномъ тонѣ) производитъ, несмотря на пронзительные и сильные женскіе голоса, поразительное впечатлѣніе. Вотъ въ какомъ мрачномъ закаудкѣ макарьевскаго разгула приходилось отводить душу вышшими, идеальными ощущеніями.

Здѣсь мы уже коснулись другой струи въ увеселеніяхъ Макарьевской ярмарки, противоположной потоку съ сѣвера, — струи народнаго духа. Этотъ русскій народный духъ проникаетъ собою весь разгулъ и весь бытъ ярмарки; его можно замѣтить подъ всякимъ иностраннымъ доскомъ, даже и въ самыхъ заморскихъ зрѣлищахъ, получающихъ, несмотря на чужестранное происхожденіе, свой особенный національный отпечатокъ, подобно приобщенію русскихъ пѣсенниковъ даже къ программѣ танцевальныхъ вечеровъ, устроенныхъ по парижскому образцу. Какъ въ торговой, такъ и въ нравственной сферѣ Нижегородской ярмарки представительницей и даже можно сказать владычицей этой русской стихіи является Москва. Москва, какъ мы уже не разъ говорили, всецѣльная уставщица Нижегородской ярмарки. На всякомъ шагу, во всемъ широкомъ разгулѣ, во всѣхъ принадлежностяхъ трак-

тирной жизни, замѣчаешь здѣсь московскій отпечатокъ, московскій обрядъ. „Такъ дѣлается, такъ заведено въ Москвѣ“— всерѣшающія слова на ярмаркѣ, противъ всякихъ порицаній тѣхъ или другихъ порядковъ. „Такъ заведено въ Петербургѣ“—еще ничего не рѣшаетъ, еще не есть нравственный авторитетъ заставляющій подчиняться, а только слова могущія возбудить любопытство послушать и посмотреть какъ это заведено у нихъ тамъ, въ Питерѣ, или что все равно, у иностранцевъ. Этотъ московскій обрядъ, что бы ни говорили, по преимуществу и единственный въ своемъ родѣ,—*всероссійскій*. Хотя Москва не вся Россія, но въ Москвѣ главнымъ образомъ собираются и обобщаются всѣ разнообразныя областныя и мѣстныя элементы русскаго быта, всѣ его нравы и обычаи, и отсюда, такъ или иначе обдѣланные, расходятся по всѣмъ концамъ Россіи. Въ видѣ примѣра, впрочемъ, мало-важнаго, хотя и довольно характеристическаго, укажемъ на рожокъ, играющій такую замѣтную роль на народныхъ гульбищахъ Нижегородской ярмарки. Рожковая музыка, въ своемъ родѣ прекрасная, исполняется нѣсколькими хорами крестьянъ изъ одной мѣстности Владимірской губерніи, славящейся этимъ мастерствомъ; но нынѣ рожки эти фабрикуются въ Москвѣ, у одного мастера музыкальныхъ инструментовъ, и вытѣсняють первобытную самодѣльщину, даже въ рукахъ самихъ ея изобрѣтателей. Этотъ рожокъ можетъ, кажется намъ, служить образчикомъ развитія и перерожденія не только всякой подобной самодѣльщины, но и вообще самородныхъ нравовъ и обычаевъ народной жизни, такъ видоизмѣняющихся при непрерывныхъ встрѣчахъ съ усовершенствованіями искусства и науки въ большихъ городахъ. Этими немногими словами хотѣли мы отвѣтить мимоходомъ и на общій вопросъ, часто возбуждаемый, о степени самородности и безыскусственности тѣхъ или другихъ нравовъ и обычаевъ народнаго быта. Намъ не разъ приходилось слышать, что всѣ, повидимому, природныя и характерныя проявленія русскаго народнаго духа на Нижегородской ярмаркѣ искусственны и нѣсколько не самородны, что, напримѣръ, русская пляска и русская пѣсня на ярмарочныхъ самокатахъ * и сами эти самокаты не русскіе и не народные, что все это

* Самокаты-качели (на подобіе каруселей) приводимыя въ движеніе людьми и лошадьми находящимися подъ поломъ.

искажено передѣлкой, подражаніемъ и обученіемъ, подъ вліаніемъ иностранныхъ понятій, что все это, наконецъ, не таково какъ оно въ русской деревнѣ, удаленной отъ городовъ, ярмарокъ и всякихъ промышленныхъ перекуптій. Что на Нижегородской ярмаркѣ, какъ и на всякой ярмаркѣ, нельзя изучить русской деревни, это не подлежитъ сомнѣнію; но также точно нельзя сомнѣваться и въ томъ, что народный бытъ слагается не изъ одной только деревни и сельскаго быта. Этого мало; такое великое сходбище людей, какъ Нижегородская ярмарка, не остается безъ могущественнаго вліанія (оставая даже въ сторонѣ чисто экономическое ея значеніе) и на деревню, на самое разобщенное съ промышленностію и городской жизнью сельское захолустье. Новыя ткани для простонародной одежды, разныя новыя принадлежности и украшения наряда и цѣлые готовые наряды, точно также и самыя понятія о жизни и ея веселіи быстро расходятся съ Нижегородской ярмарки по воімъ путямъ и тропинкамъ народной жизни и незамѣтно водворяются въ отдаленныхъ захолустьяхъ, куда, напримѣръ, какой-нибудь мѣстный деревенскій щеголь заноситъ ухватки и воззрѣнія, пріобрѣтенныя въ увеселительныхъ заведеніяхъ Макарія, или научаетъ цѣлую деревню пѣть какую-нибудь пѣсню на новый манеръ, такъ какъ ее пропѣли тамъ московскіе пѣсенники. Сколько разъ мы слышали отъ крестьянъ въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ, что и у нихъ есть свои моды какъ у господъ. А что такое мода какъ не перемѣна обычая?

Но кто же не знаетъ, что народный бытъ и всѣ его проявленія непрерывно видоизмѣняются, что они подобно языку ни на минуту даже не останавливаются въ своемъ движеніи? Въ потокѣ этого движенія смѣшиваются и претворяются, какъ и въ языкѣ, въ однородное цѣлое самыя чуждые другъ другу элементы, — претворяются подъ дѣйствіемъ, конечно, одного народнаго начала, которое налагаетъ на всѣ элементы одинъ извѣстный народный или племенной типъ. Разгадать внутреннюю сущность этого народнаго типа, а съ нимъ и его причину — тайну народнаго гения, опредѣлить коренныя основы народнаго начала, едва ли есть какая-нибудь человѣческая возможность; всѣ самыя тщательныя изслѣдованія народной жизни могутъ только позволить уловить наружныя черты и проявленія народнаго типа, господствующія силы и условія его движенія.

Точно также нѣтъ никакой возможности различить въ дѣйствительности такъ-называемые *естественные* элементы народнаго быта, самородные, созданные самопроизвольнымъ творчествомъ самой жизни отъ *искусственныхъ* элементовъ, водворенныхъ въ жизнь творчествомъ личной изобрѣтательности, личнаго производа и фантазіи, или обрядомъ какой-нибудь мѣстности. Единственнымъ мѣриломъ степени естественности или искусственности можетъ служить только степень водворенія того или другаго обычая въ жизнь. Одно принялось, привилось, другое не принялось или только еще начинаетъ приниматься; одно сочинено и навязывается жизни на нашихъ глазахъ, другое можетъ-быть и было точно также когда-то сочинено и даже навязано прихотью отдѣльныхъ личностей, но претворилось и вошло въ жизнь. При этомъ одна мѣстность обладаетъ силою распространять свои обряды въ другихъ соплеменныхъ мѣстностяхъ, а другая нѣтъ. Есть средоточія по преимуществу воспринимающія въ себя множество самыхъ различныхъ областныхъ токовъ народнои жизни; въ нихъ происходитъ безпрерывный обмѣвъ всѣхъ нарѣчій и провинціализмовъ народа, въ нихъ поэтому возникаютъ и самые обобщающіе народные элементы. Такова у насъ Москва. Въ этомъ смыслѣ мы и понимаемъ господство московскаго обряда въ народномъ житейскомъ обиходѣ Нижегородской ярмарки; само-собой разумѣется, что это господство не исключаетъ притока къ Макарію и всѣхъ областныхъ русскихъ элементовъ и обратнаго дѣйствія на Москву обычаевъ и нравовъ слагающихся здѣсь въ вихрѣ великаго макарьевскаго сходбища. Но мы, кажется, не ошибаемся, говоря, что русская стихія является здѣсь дѣйствующею, по преимуществу съ московскимъ отпечаткомъ. Этотъ отпечатокъ лежитъ и на самодѣльномъ рожкѣ, усовершенствованномъ московскимъ мастеромъ, и на русскихъ пѣсенникахъ, изопрившихъ свое самодѣльное искусство въ московскихъ трактирахъ, и на разныхъ принадлежностяхъ русской кухни, солянкахъ, разстегаяхъ, ухѣ и пр., преобладающихъ между ярмарочными яствами и также получившихъ вывѣшній свой улучшенный видъ подъ рукою московскихъ поваровъ,—на всей, наконецъ, трактирной ярмарочной жизни, сложившейся по преимуществу въ Москвѣ и подъ московскимъ началомъ. Какими бы обольстительными соблазнами ни былъ вооруженъ потокъ мабилей и канкановъ,

обрушившихся на Нижегородскую ярмарку изъ Петербурга и Парижа, всё эти соблазны скользятъ пока на поверхности народной жизни, не принимаются, не усваиваются ею и не имѣютъ для народа другаго значенія кромѣ иноземныхъ куріозовъ, — въ лучшемъ случаѣ, — и какой-нибудь пляски Иродіады — въ худшемъ. Въ этомъ смыслѣ мы сказали, что струя народнаго духа, приносящая съ собою тѣ питательныя вещества, которыя усваиваются по всѣмъ частямъ и оконечностямъ народнаго организма и переходятъ въ его плоть и кровь, — притекаетъ въ нравственную атмосферу макарьевскаго сходбища изъ Москвы.

Эту струю, какъ бы ни были иной разъ бурливы, грязны и дики ея разливы, все-таки можно признать облагораживающимъ нравственнымъ элементомъ нашего сходбища: ея высшее общественное и политическое значеніе, дѣйствительно принадлежащее этому великому теченію народныхъ чувствъ, мыслей, вѣрованій и преданій, находящему въ Москвѣ свое главное и коренное средоточіе, а въ макарьевскомъ сходбищѣ важнѣйшій періодическій свой изливъ, — увидимъ въ послѣдствіи. Пока останемся въ кругу разсматриваемыхъ нами увеселеній и гульбы Нижегородской ярмарки. Мы уже отчасти указали на облагораживающіе, поэтическіе мотивы народной увеселительной стихіи Нижегородской ярмарки: то что есть въ ней грязнаго и циническаго не только не усиливается, но даже, какъ мы сказали, само собой уступаетъ успѣхамъ времени. Нынѣ просто немислимы дикія проявленія купеческаго разгула, какія описываются въ чуть-чуть не мифическихъ преданіяхъ героическаго періода ярмарки, и въ которыхъ баянъ, эта восточная примѣсь нашего народнаго быта, играетъ кажется господствующую роль; не мыслимо, напримѣръ, употребленіе шампанскаго вмѣсто воды для мытья, житье въ банѣ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ въ какомъ-то одичаломъ, не человѣческомъ состояніи и проч. Къ этой же категоріи дикихъ забавъ можно, кажется, отнести и бросанье нѣсколькихъ сотенъ рублей на тарелки арфистокъ, хотя этотъ видъ забавы выражаетъ собою иную область инстинктовъ, невѣжественнаго тщеславія и какой-то страсти къ разрушенію нажитаго, — мотивовъ также не мало участвовавшихъ въ ярмарочныхъ развлеченияхъ стараго времени. Но не было кажется никакой исторической необходимости, чтобы мѣсто всѣхъ этихъ дикихъ утѣхъ на ярмаркѣ засту-

види утонченныя развлечения нашего прогрессивнаго сѣвера, да они нисколько его и не заступили: первая упразднилась сама собою, а нисколько не подъ вліяніемъ вторыхъ, которыя никакъ не удовлетворяютъ потребностямъ русской натуры, или какъ здѣсь выражаются, „русскаго расположенія,“ искавшаго себѣ простора въ кунавинскомъ раздолѣ. Ни танцевальныя ярмарочныя вечера, ни балетъ, нисколько не въ силахъ замѣнить собою это раздолье, еслибы даже и можно было ошибочно признать за ними какое-нибудь нравственное превосходство, или даже большую наружную благопристойность въ сравненіи съ Кунавинымъ. Скорѣе танцевальныя вечера способны переродиться въ увеселительныя заведенія Кунавина, безъ тѣхъ однако важныхъ преимуществъ, которыми, какъ мы уже упоминали, отличался этотъ знаменитый пригородъ Нижняго: безъ его географическаго обособленія, связаннаго съ тѣмъ вмѣстѣ полицейскаго и врачебнаго надзора опредѣленностію разграничительной черты, за которую каждый посѣтитель ярмарки былъ волею переступать и не переступать. Для прекрасной же половины ярмарочнаго народонаселенія эти различія неисчислимы: переступая границу Кунавина, она знала и обязана была знать что она переступаетъ; на танцевальномъ же вечерѣ, куда уже попадали по ошибкѣ иногородныя отцы съ семействами, женщина не знаетъ и не обязана знать гдѣ она. Итакъ, даже и въ этомъ отношеніи нельзя признать увеселительный прогрессъ настоящимъ прогрессомъ, и нѣтъ кажется никакого побужденія оказывать ему особое покровительство въ ущербъ увеселеніямъ старины. Старина отвратительная своею дикостію падаетъ отъ времени сама собою, а новизна прикрытая доскомъ, въ особенности же новизна привилегированная и чуждая народнымъ нравамъ, способна къ дальнѣйшему искусственному развитію и преуспѣванію. Что является пока только чуждымъ народнои почвѣ куріозомъ, скользящимъ на поверхности общества заморскимъ скандаломъ,—то способно въ соединеніи съ болѣзненными соками самой почвы, рядомъ неожиданныхъ превращеній, привести къ послѣдствіямъ инымъ нежели тѣ, которыя эти явленія имѣли въ своемъ отечествѣ, за моремъ. Таковъ, въ другой области, нашъ отечественный вигилизмъ, самый неожиданный и чудовищный выродокъ теорій, возникшихъ на чужой почвѣ.

Струя народнаго духа особенно оцутительна въ одномъ явленіи новѣйшаго времени: это господство на ярмаркѣ *русской пѣсни*. Хоры русскихъ пѣсенниковъ сдѣлались необходимою принадлежностью всѣхъ трактировъ отъ высшихъ до самыхъ низшихъ; безъ нихъ не можетъ обойтись никакое пиршество. Они изгоняютъ арфистокъ и всякихъ заѣзжихъ иноземныхъ музыкантовъ, и почти совсѣмъ уже изгнали прежде владычествовавшіе здѣсь цыганскіе таборы. Во главѣ русскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ стоятъ московскіе хоры, изъ коихъ нѣкоторые дѣйствительно достигли музыкальности способной удовлетворить знатоковъ. Мы не можемъ видѣть въ этомъ явленіи случайность, напротивъ видимъ въ немъ естественное отраженіе знаменательныхъ патріотическихъ движеній нашего времени. Въ послѣднее наше посѣщеніе Нижегородской ярмарки (1864 г.) требованіе со стороны публики на русское пѣніе было сильнѣе чѣмъ на всякое другое разсѣяніе, а четыре года тому назадъ, когда мы были на ярмаркѣ (1860 г.), о русскихъ пѣсенникахъ не было и помину. Трактиръ, прославившійся лучшимъ московскимъ хоромъ, привлекаетъ наибольшее количество посѣтителей, несмотря на сравнительно лучшее устройство другихъ трактировъ. Русская пѣсня по преимуществу обладаетъ тѣмъ нравственнымъ и облагораживающимъ вліяніемъ, которое принадлежитъ народному элементу посреди макарьевскаго веселья: мы сами были свидѣтелями какъ толпы трактирной публики съ восторгомъ и цѣлыя ночи напролетъ окружали пѣсенниковъ упиваясь ихъ концертами и предавая забвенію и вино, и всякія цинныя утѣхи. То же самое бывало въ старину и съ цыганскими таборами. Но дѣйствіе той и другой музыки на слушателей, нравственное настроеніе возбуждаемое тою и другою, совершенно различны. Это настроеніе такъ же различно какъ заунывная, заражающая глубокое раздумье и душевную тоску, русская пѣсня и раздражающій нервы, вызывающій чувственность цыганскій вопль. Упомянемъ кстата, что наслажденія цыганскаго табора невозможны безъ нѣкотораго опьяненія, а русское пѣніе гонитъ вино даже изъ среды самыхъ закоренѣлыхъ забулдыгъ. Въ нашемъ цыганскомъ пѣньѣ, сложившемся на основномъ мотивѣ той же русской пѣсни, какъ будто выходятъ наружу азіатскія, чуждачныя примѣси русскаго быта. Эти русскіе мотивы цыганскаго пѣнья,

невольно напоминаютъ о степяхъ нашего юга, гдѣ кочевья азіятскихъ варваровъ нашли такъ много для себя простора и съ трудомъ могли быть осилены русскою, то-есть европейскою стихіей нашей исторіи. Русская стихія, знаменуемая русскою пѣсней, властвуетъ нынѣ на этомъ великомъ сходбищѣ народовъ Азіи и Европы, которое вѣковыми усиліями русской цивилизаціи на сѣверѣ превращено изъ восточнаго караванъ-сарая въ одно изъ важнѣйшихъ средоточій европейской торговли. Но возвратимся къ исходной точкѣ нашихъ размышленій— къ полиціи, о которой намъ необходимо сказать нѣсколько заключительныхъ словъ.

Излишне, кажется, было бы настаивать на необходимости наружной полицейской охраны, обеспеченій вѣшняго порядка и тишины, собственности и личности, отъ всякаго матеріальнаго насилія; эта первая задача полиціи сознается всеми, хотя нельзя сказать, чтобъ она была окончательно разрѣшена на Нижегородской ярмаркѣ. Между тѣмъ удовлетворительное разрѣшеніе одной этой задачи было бы великимъ благомъ, получивъ которое участвующія въ Макарьевскомъ торгѣ народонаселенія, конечно, готовы были бы освободить полицію отъ всякихъ иныхъ попеченій и заботъ. Если же полицейская администрація желаетъ простирать свои заботы даже обязанности наружной полиціи, желаетъ, во весьма естественному, впрочемъ, побужденію, не лишитъ своихъ обеспеченій и самыя народные нравы противъ всякаго соблазна, то задача полиціи чрезвычайно усложняется. Мы уже видѣли, что нѣкоторыя благонамѣренныя начинанія на этомъ трудномъ пути оказываются пока не совсѣмъ успѣшными. Позволимъ себѣ указать бѣгло на главную и коренную причину непрактичности полицейской системы нравственной охраны, дѣйствующей какъ на Нижегородской ярмаркѣ, такъ можетъ быть и повсемѣстно у насъ. Наша цѣль была бы достигнута, еслибы наши немногія слова могли послужить людямъ, болѣе насъ чувствующимъ призваніе къ полицейскому поприщу, поводомъ къ размышленіямъ небезплоднымъ для выхода изъ избитой колеи нашей полицейской рутины. Дѣло состоитъ въ томъ, что общее направленіе всѣхъ полицейскихъ усилій къ упомянутой цѣли заключалось у насъ до сихъ поръ главнымъ образомъ въ томъ чтобъ охранять отъ разврата самый развратъ, а не тѣ сферы общественной жизни, которыя непричастны ему; бѣлая часть этихъ усилій была на-

правлена къ охраненію отъ соблазна самихъ соблазнительей, а не соблазняемыхъ. Отсюда, кажется намъ, происходитъ вся эта стѣснительная для свободы жизни и безуспѣшная въ противодѣйствіи злу механическая регламентація проявленій разврата,—регламентація можетъ-быть гораздо болѣе суровая нежели въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ, и только потому еще сколько-нибудь сносная у насъ, что главная сила ея остается на бумагѣ и не находитъ на вашей почвѣ достаточно строгихъ для себя исполнителей. Съ другой стороны, изъ этой же системы происходитъ и то, что сферы народной жизни, не тронутыя нравственною порчей,—подрастающія поколѣнія, женщины по преимуществу нуждающіяся въ защитѣ, наконецъ, вся *посторонняя публика* остаются беззащитны противъ ухищреній разврата и самыхъ наглыхъ оскорбленій нравственнаго чувства, приличія и стыдливости. Что видимъ мы, напримѣръ, на Нижегородской ярмаркѣ? Полицейскія предписанія здѣсь чрезвычайно заботливы относительно всѣхъ наружныхъ проявленій веселія, и не только на такъ-называемыхъ танцевальныхъ вечерахъ, но даже внутри тѣхъ заведеній, куда конечно не попадаютъ люди нуждающіеся въ защитѣ отъ соблазна; между тѣмъ въ то самое время какъ даже тѣлодвиженія и самыя сокровенныя принадлежности туалета танцующихъ подвергаются полицейской регламентаціи, полиція остается совершенно безучастною зрительницей посѣщенія такихъ *bals Mabilés* дѣтми, остается даже равнодушною зрительницей участія дѣтей въ самыхъ дикихъ танцахъ. Эту беззаботность трудно объяснить чѣмъ-либо кромѣ общаго духа нашей полицейской охраны, потому что спасеніе дѣтей отъ подобнаго растлѣнія нравовъ не сопряжено ни съ малѣйшими затрудненіями: для этого достаточно одного простаго прегражденія имъ входа во всѣ увеселительныя заведенія подозрительныхъ категорій. Очевидно, что сила такого воспрещенія не можетъ останавливаться даже передъ волей родителей и родственниковъ, которыхъ права на подрастающее поколѣніе нельзя считать безграничными. Мы упоминаемъ объ этомъ, потому что дѣти являются въ ярмарочныя увеселительныя заведенія большою частію съ родственниками, и это, по мнѣнію многихъ, парализуетъ дѣйствіе полиціи. Одно механическое прегражденіе подобнаго зла уже было бы весьма благодѣтельно, и освободило бы публику отъ оскорбленій нравственнаго

чувства, гораздо болѣе тягостныхъ нежели какія бы то ни было тѣлодвиженія танцующихъ взрослыхъ людей.

И замѣчательно, что въ то время какъ у насъ никого не удивить вторженіе полицейской власти въ тайны домашняго очага, для того чтобы получить, при малѣйшемъ подозрѣніи и предлогѣ, доказательства, не совершается ли чего-нибудь безравственнаго между взрослыми пріятелями, которые никому, кромѣ самихъ себя, не вредятъ своимъ безравственнымъ поведеніемъ, обыгрывая, напримѣръ, другъ друга въ тихомолку въ азартную карточную игру;—многихъ изумило бы и, можетъ-статься, привело бы въ негодование самое скромное требованіе, чтобы азартныя игры и лотереи были строго преслѣдуемы въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ съ аачностью бросаются на нихъ уже не записные игроки и шулера, а толпы дѣтей и крестьянъ, впервые узнающихъ на ярмаркѣ о существованіи этихъ игръ и не имѣющихъ понятія о связанныхъ съ ними мошенническихъ продѣлкахъ. Соблазнительныя картинки преслѣдуются въ самыхъ аристократическихъ магазинахъ, куда пойдуть покупать ихъ только утонченные развратники; между тѣмъ картинки несравненно болѣе циническія показываются въ райкахъ, на площади, тысячамъ простаго народа всякаго возраста и всякаго пола. Подчинивъ каждый шагъ общества опека, —хотя и ограничивающейся обыкновенно одною бездушною бюрократическою формой и буквой закона, но тѣмъ не менѣе весьма стѣснительною, —мы не требуемъ одной изъ тѣхъ необходимыхъ для общества охранъ, именно охраны отъ противозаконнаго обмана, отъ противозаконныхъ нарушеній общественнаго довѣрія. Но и эта охрана наилучшимъ образомъ можетъ быть достигнута не путемъ опеки надъ публикой, подвергающейся обману, а преслѣдованіемъ обнаружившагося обмана законою силой власти. Здѣсь между прочимъ мы обратимъ особенное вниманіе на одно обстоятельство, которое у насъ постоянно упускается изъ вида: у насъ всякая вещь и всякій поступокъ могутъ избѣгнуть дѣйствія относящагося къ нимъ закона, *единственно назвавшись именовъ, по закону иль не принадлежащимъ.* Такъ, напримѣръ, подъ названіемъ трактирныхъ заведеній и со всеми законными правами присвоенными такимъ заведеніямъ существуютъ публичныя заведенія, принадлежація совершенно къ иной категоріи и подчиненныя

по закону совсѣмъ иной системѣ. То же самое можно сказать и о такъ-называемыхъ танцевальныхъ вечерахъ. А это явленіе не малозначительно у насъ, и между прочимъ на Нижегородской ярмаркѣ; оно разомъ уничтожаетъ всю разумную предусмотрительность закона. Между тѣмъ, сосредоточивъ усилія на томъ только, чтобы кабакъ назывался кабакомъ, а не штофною лавочкой, танцевальные вечера, предназначенные исключительно для холостыхъ людей, не назывались семейными вечерами, развратный домъ не назывался трактиромъ, и т. д., уже однимъ этимъ вы дадите публикѣ гораздо болѣе охраны отъ посягательства на ея нравы нежели когда будете регламентировать тѣлодвиженія на танцевальныхъ вечерахъ посредствомъ жандармовъ, раздающихъ на нихъ билеты, или когда будете, посредствомъ запрещенія не совсѣмъ приличныхъ п'есенъ въ развратныхъ домахъ; охранять добрые нравы ихъ жительницъ.

Но мы не любимъ подобной системы дѣйствій: насъ гораздо болѣе интересуетъ крѣпость вина употребляемаго горькими пьяницами, и мы заботливо наблюдаемъ за тѣмъ чтобы эта крѣпость была никакъ не слабѣе того градуса, который мы признали необходимымъ. Мы заботливо охраняемъ всеми правительственными способами каждый уголокъ обширной Россіи отъ недостатка или дороговизны этого благодѣтельного напитка, и заготовляемъ казенные винные запасы. Все это интересуетъ насъ гораздо болѣе нежели то, чтобы подъ наименованіемъ штофныхъ лавочекъ не заводились кабаки, или чтобы сельскія общества и землевладѣльцы были охранены отъ насильственнаго навязыванія услугъ ховяевами всѣхъ этихъ общепольныхъ заведеній. Не проявляется ли во всемъ этомъ то что мы замѣтили выше: чрезвычайная заботливость о людяхъ творящихъ общественный соблазнъ и полная безвѣность о публикѣ подверженной соблазну.

То или другое направленіе полицейской дѣятельности, какъ бы оно ни было желательно, не зависитъ однако отъ одного произволенія власти законодательной или административной: самыя лучшія намѣренія власти обусловлены окружающими обстоятельствами, и между прочимъ зависятъ въ своемъ осуществленіи отъ орудій по-

попленія. Это въ особенности примѣнимо къ полиціи, которая, чтобы выполнить какую-либо задачу, должна существенно проникнуться ею во всемъ своемъ составѣ, д. послѣдняго будочника и сторожа. Всякій знаетъ въ какой степени это у насъ удобоисполнимо. Такое затрудненіе болѣе чѣмъ гдѣ-либо замѣтно, для самаго поверхностнаго взгляда, на Нижегородской ярмаркѣ, гдѣ къ обыкновенному еврейскому элементу состава нашихъ низшихъ полицейскихъ чиновъ присоединяется еще новый — *азіатскій*. Этотъ *азіатскій* элементъ (Оренбургское казачье войско, составленное изъ Башкиръ, Тентеряковъ и т. д.) господствуетъ въ сомнѣ блюстителей порядка и благочинія на ярмаркѣ: по странной волѣ судебъ, призваніе водворять европейское государственное благоустройство на этомъ сходбищѣ Азіи, посвящаемомъ Россіей, выпало нынѣ на долю самихъ Азіатцевъ. Эти истые Азіатцы, только-что введенные Россіей въ семью европейскихъ народовъ, едва получившіе первое государственное клеймо, — казенный военный мундиръ ихъ есть единственный европейскій признакъ, — являются охранителями европейской нравственности, поставлены налагать узду цивилизаціи на страсти. Не глубокая ли провія судьбы въ этомъ явленіи?

Надо вообще замѣтить, что низшій личный составъ полицейской службы находится у насъ въ полномъ небреженіи: а между тѣмъ на самыхъ низшихъ исполнителяхъ полицейской власти, на самомъ послѣднемъ стражикѣ, солдатѣ, будочникѣ, часовомъ, подчаскѣ, даже разсылномъ, — на всѣхъ этихъ людяхъ доставляющихъ гражданамъ полицейскую охрану не на бумагѣ только, а въ дѣйствительности, — *зидется вся система полиціи*. Если гдѣ возможенъ порядокъ при хорошихъ исполнителяхъ и плохихъ распорядителяхъ и невозможенъ въ обратномъ случаѣ, то это именно въ полицейской службѣ. Какъ бы ни проста казалась, однако, эта истина, она нисколько у насъ не сознается. Мы постоянно видимъ, что всякаго рода заботы, прилагаемыя у насъ къ улучшенію полиціи, обращены преимущественно, если даже не исключительно, на устройство высшихъ полицейскихъ властей. Это направленіе весьма рельефно отразилось въ послѣднее время въ преобразованіи уѣздной полиціи. Сколько упований было соединено съ переименованіемъ земскихъ исправниковъ и городничихъ въ уѣздныхъ исправниковъ, а меж-

ду тѣмъ въ низшихъ полицейскихъ этажахъ, тамъ гдѣ эти исправники являются уже не въ видѣ гладкой бумаги или подписанной и измѣняющей положеніе вещей только въ казенныхъ шкапахъ, а гдѣ они являются дѣйствующею силой (какъ напримѣръ въ лицѣ инвалидной команды и сотскихъ),— все осталось неизмѣнно, въ прежнемъ положеніи. Законъ тщательно опредѣлялъ права и обязанности власти исправника, правительство употребило всѣ старанія къ возможно-лучшему выбору лицъ облеченныхъ ею, но для проявленія своихъ правъ и обязанностей у этой власти нѣтъ въ полномъ и неотъемлемомъ распоряженіи ни одного полицейскаго стражника, даже не вооруженнаго; чтобъ исполнять добросовѣстно полицейскую охрану, уѣзднымъ исправникамъ ничего не остается больше дѣлать какъ буквально дѣйствовать *собственными руками*, какъ нѣкоторые изъ нихъ сами выражались намъ. Думали усилить полицейскую дѣятельность уѣздныхъ исправниковъ, переименовавъ ихъ въ уѣздныхъ начальниковъ, и это лучше всего характеризуетъ направленіе нашихъ полицейскихъ мѣропріятій. При заботахъ о возвышеніи званія главной уѣздной полицейской власти, мы не слыхали ни о какихъ серьезныхъ соображеніяхъ относительно устройства полицейской стражи, которая у насъ, можно сказать, не существуетъ и безъ которой нѣтъ настоящей полиціи. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что если дѣйствительно случается, что одно присутствіе генералъ-губернаторской власти водворяетъ нѣкоторый порядокъ и усиливаетъ полицейскую охрану, то это происходитъ собственно потому что эта власть обладаетъ, болѣе всякой другой, возможностью увеличивать численный составъ низшей полицейской службы и въ случаѣ надобности призываетъ для этой дѣла строевые воинскіе чины. Такъ было и на Нижегородской ярмаркѣ. У насъ составилось издавна удивительное понятіе, что для низшей полицейской службы всякій годень, что для этого дѣла даже нѣтъ негоднаго человѣка. И такое понятіе живетъ рядомъ съ противоположнымъ понятіемъ, связывающимъ особенный государственный почетъ съ высшими полицейскими должностями. У насъ, какъ-то по преданію, составъ полицейскихъ командъ обыкновенно пополнялся всякимъ военнымъ сбродомъ, тогда какъ наоборотъ для этой службы слѣдовало бы брать только лучшихъ и отборныхъ людей.

Еще одно и последнее замѣчаніе относительно полиціи, съ которою намъ давно пора покончить. Одна особенная черта свойственна у насъ всѣмъ видамъ администраціи и всѣмъ сортамъ административныхъ дѣятелей: они чрезвычайно любятъ заниматься чужимъ дѣломъ. Отъ этой наклонности происходятъ, въ лучшемъ случаѣ, разсѣяніе силъ администраціи и отвлеченіе ихъ отъ исполненія прямыхъ обязанностей къ косвеннымъ и даже большею частію къ совершенно постороннимъ. Такъ, представители полицейской власти нерѣдко сосредоточиваютъ у насъ гораздо болѣе усилій и любви на покровительствѣ промышленности, торговлѣ, даже художествамъ и наукамъ, нежели на полицейскомъ порядкѣ. Въ полицейской сферѣ Нижегородской ярмарки намъ случилось не разъ быть свидѣтелями высшихъ соображеній о споспѣшествованіи торговлѣ и промышленности, о разныхъ финансовыхъ мѣрахъ, о таможенной политикѣ государства, о статистическомъ изслѣдованіи ярмарки, объ устройствѣ ея художественныхъ увеселеній, о театрѣ и музыкѣ и т. д., и всего менѣе приходилось слышать предположеній объ улучшеніи полицейскаго надзора, и вообще даже разговоръ о такихъ вещахъ какъ охрана собственности и личности, необходимость которой представляется нѣкоторымъ изъ нашихъ полицейскихъ дѣятелей какою-то мечтательною теоріей праздныхъ мыслителей.

Невольно припоминаемъ при этомъ, какъ одинъ изъ полицейскихъ дѣятелей, показывавшій по наружности, въ слѣдствіе необходимостей новѣйшаго прогрессивнаго времени, свое пренебреженіе къ полиціи, былъ чрезвычайно удивленъ и въ то же время восхищенъ, когда узналъ отъ насъ, что не только мы, по нашему слабому разумѣнію, но и знаменитѣйшіе политическіе мыслители западной Европы не признаютъ возможнымъ упразднить полицію въ государствѣ. Впечатлѣніе, какое произвела въ этомъ случаѣ наша бесѣда, мы можемъ сравнить съ изумленіемъ и восторгомъ, какіе ощутилъ одинъ молодой раскольникъ,—котораго рьяные прогрессисты успѣли убѣдить, что всѣ его понятія—грубѣйшее невѣжество, и что нынѣ вѣтъ ни одного образованнаго чело-вѣка, вѣрующаго въ Бога,—когда узналъ отъ насъ, что не всѣ образованные и ученые люди держатся такого мнѣнія. Надо сознаться, что у насъ вошло въ обычай между полицейскими

служителями всѣхъ категорій какъ будто стыдиться своихъ полицейскихъ обязанностей; они всячески заботятся о томъ, чтобы публика позабыла что на нихъ лежатъ эти обязанности, и особенно любятъ внушать всѣмъ и каждому, а тѣмъ болѣе людямъ, которыхъ уважаютъ, убѣжденіе, что они занимаются полиціей нехотя, кое-какъ, скрѣпя сердце, спустя рукава, что въ сущности они заняты совсѣмъ другимъ, болѣе благороднымъ дѣломъ. Какъ все это должно дѣйствовать успокоительно и на публику, и на нарушителей общественного порядка!

Болѣе благородное дѣло полицейскихъ властей заключается напримѣръ въ *регулированіи* торговли, о которомъ мы такъ много слышали и у Макарія, и въ другихъ мѣстахъ. Это регулированіе, то-есть „направленіе торговли, вопреки своекорыстнымъ интересамъ торгующихъ, къ высшимъ государственнымъ дѣламъ,“ занимало между прочимъ умы на Нижегородской ярмаркѣ 1864 г., когда купечество выразило желаніе пріобрѣсти въ свою собственность казенныя лавки. Какъ ни очевидно выгодно была бы эта операція для казны, которая освободилась бы отъ весьма дорогаго ремонта, отъ разваливающагося ярмарочнаго гостинаго двора и также отъ горькихъ жалобъ на него со стороны купечества; какъ ни значительна была бы помощь, которую правительство могло бы посредствомъ этой прибыльной для себя операціи оказать ярмарочной торговлѣ, страдающей отъ плохихъ помѣщеній,—несмотря на все это, мы слышали однако (и не на одной Нижегородской ярмаркѣ) глубокомысленныя разсужденія о необходимости удержанія гостинаго двора въ рукахъ казны для „регулированія“ производящейся въ немъ торговли. Къ счастью, это регулированіе остается мечтой, и въ дѣйствительности ограничивается только зависимостію торгующихъ отъ ярмарочной конторы, при ежегодной раздачѣ лавокъ. Нельзя не пожелать, чтобы и эта зависимость прекратилась, чтобы съ отчужденіемъ лавокъ изъ казны насталъ болѣе правильный и болѣе свободный экономическій порядокъ въ пользованіи этою собственностію, и чтобы, наконецъ, она не утратила съ удержаніемъ ея въ распоряженіи казны всякую цѣнность. Но, къ несчастію, подобное содѣйствіе успѣхамъ торговли и береженію народнаго богатства мало пользуется у насъ сочувствіемъ, и не только въ бюрократическихъ, но даже въ коммер-

ческих сферах. Наши коммерсанты, сами того не понимая, готовы усердно помогать тому утѣсненію торговли, которое такъ характеристически называется въ некоторыми ея регулированіемъ. Въмѣсто того чтобы настойчиво стремиться къ столь полезной мѣрѣ какъ продажа имъ казеннаго гостинаго двора, * коммерсанты уже позабыли о своемъ столь недавнемъ и столь горячемъ желаніи, и предпочитаютъ вести на Нижегородской ярмаркѣ агитацію въ пользу усиленія таможенныхъ тарифовъ.

Мы слишкомъ бы удалились отъ нашего предмета, еслибы стали говорить здѣсь подробно о протекціонистскомъ движеніи, которое никакъ не покидаетъ нѣкоторыхъ слоевъ нашего коммерческаго класса и можетъ - быть заслуживаетъ особое вниманіе, какъ единственное пока въ этой средѣ движеніе соприкасающееся съ государственными вопросами и съ политической нашею жизнью. Купечество не разъ, и довольно шумно, ** заявляло себя на Нижегородской ярмаркѣ въ пользу усиленія таможеннаго покровительства, и потому для нравственной характеристики ярмарочнаго міра необходимо, хотя вскользь, выставить здѣсь самыя крупныя черты этого движенія. Движеніе это, какъ и все на Нижегородской ярмаркѣ, — московское, но надо признаться, что ему недостаетъ того что, въ глазахъ русскаго человѣка, придаетъ столько почтеннаго и столько политически существеннаго во всемъ московскимъ движеніямъ: ему недостаетъ почвы и жизненности, этого полновѣснаго элемента общественныхъ движеній нашей первопрестольной столицы. Это движеніе можно назвать до нѣкоторой степени даже опаснымъ для купечества, и вотъ почему. Вопервыхъ, оно способно внести смущеніе въ умы какъ въ коммерческихъ сферахъ, такъ и въ правительственныхъ. Смущеніе умовъ неизбежно, потому что все это движеніе на ярмаркѣ, — въ значительной степени *напускное*, а не натуральное, — не чистый и ясный голосъ дѣйствительныхъ и практическихъ потребностей торговли, а голосъ идей искусственно ей навязанныхъ. Вся эта агитація напущена на торговый людъ дѣя-

* Продажа гостинаго двора можетъ быть произведена въ разныхъ видахъ, и не въ пользу одного только ярмарочнаго купечества, а напротивъ, его можетъ приобрести городъ. Къ кому бы ни перешло это имущество, всякое въ немъ хозяйство будетъ лучше казеннаго.

** См. между прочимъ *Ярмарочный листокъ* за 1864 и 1866 годы.

тельностию лицъ стремящихся удовлетворить посредствомъ ея гораздо болѣе своимъ литературнымъ, уметственнымъ и всякимъ инымъ потребностямъ, нежели потребностямъ промышленнымъ и коммерческимъ, которыхъ она или вовсе чужды, или которыя сказываются въ нихъ весьма слабо. Между тѣмъ понятно, что подобныя домогательства со стороны промышленныхъ классовъ могутъ имѣть цѣну и значеніе только въ томъ случаѣ, если они дѣйствительно суть голосъ самой жизни, самихъ промышленныхъ интересовъ; въ такомъ голосѣ, какъ бы онъ ни былъ подъ часъ одностороннею и своекорыстною, дѣйствительно нуждается наша бюрократія, не приобмакнувшая и не долюбившаяся справляться въ своихъ смѣлыхъ мѣропріятіяхъ съ интересами жизни. Такой голосъ былъ бы для всѣхъ насъ истинною благодатью, хотя бы онъ и исходилъ изъ сферы весьма одностороннихъ интересовъ. Но въ таможенной агитатаціи преобладали на ярмаркѣ голоса литературствующихъ коммерсантовъ, проповѣдующихъ о нуждахъ русскаго народного хозяйства по книжкамъ Листа и Керн, и столь же мало представляющихъ собою интересы науки какъ и интересы торговаго міра. Нѣтъ надобности прибавлять, что и эти книжки изучены ими самымъ поверхностнымъ образомъ, на досугѣ, между дѣломъ. Но такими голосами мы преизобилуемъ и безъ макарьевскихъ таможенныхъ агитацій; ими переполненъ нашъ журнальный міръ, и они имѣютъ единственнымъ вѣрнымъ своимъ результатомъ — смущеніе общественнаго мнѣнія. Таковъ результатъ и всѣхъ бывшихъ на Нижегородской ярмаркѣ движеній въ пользу усиленія таможенной запретительной и покровительственной системы: * не намъ, конечно, невозможно судить чего желаютъ и къ чему стремится нашъ торговый и фабричный міръ, но точно также невозможно судить и чего желаютъ общественные интересы, чуждые таможеннымъ. Купечеству между прочимъ и потому неудобно признавать ярмарочныя таможенныя демонстраціи за выраженіе своихъ мнѣній и чувствъ, что къ этимъ демонстраціямъ примѣшиваются элементы, не соответствую-

* Чтобы возвратить справедливость нашимъ словамъ о таможенной агитатаціи на Нижегородской ярмаркѣ, мы предлагаемъ просмотрѣть *Ярмарочный листокъ* за 1864 и 1865 гг., и между прочимъ, въ особенности циркуляры, рѣчи и статьи предсѣдателя ярмарочнаго биржеваго комитета, преимущественно отличающіеся своимъ не практическимъ и не коммерческимъ характеромъ.

съ достоинствомъ и независимостію, подобающими какъ всему купеческому сословію, такъ и въ особенности столь обширной его отрасли каково купечество торгующее на Нижегородской ярмаркѣ. Языкъ * глашатаевъ этихъ движеній преисполненъ лести и подобострастія передъ официальнымъ міромъ: это какъ бы условная фраза, которая, по общепринатымъ у насъ понятіямъ, ничего собою не выражаютъ и ни къ чему не обязываютъ. Еслибы онъ былъ скромнѣе, то пришлось бы призвать представителей цѣлой почтенной корпораціи лишенными способности произносить независимое сужденіе какъ о публичныхъ дѣлахъ и дѣятеляхъ, такъ и о собственныхъ своихъ интересахъ. Тѣмъ официальной лести, не вынужденной къ тому же никакими исключительными обстоятельствами, не можетъ не уничтожать, и передъ общественнымъ мнѣніемъ, и передъ правительствомъ, силу заявленій со стороны какихъ бы то ни было интересовъ. Но пока довольно объ этомъ.

Какіе бы любопытные нравственные и государственные вопросы ни связывались съ купеческимъ весельемъ и разгуломъ, съ полиціей, таможенными движеніями и проч. на Нижегородской ярмаркѣ, — во всемъ этомъ еще не главный ея интересъ. Онъ даже не въ ея торговыхъ оборотахъ, какъ ни громадно ихъ вліяніе на народное хозяйство всего государства. Всеобъемлющее значеніе этой ярмарки, зачатой въ доисторическія времена нашего государства и развивавшейся рука объ руку со всеми историческими судьбами нашего народа, — опредѣляется именно тѣмъ выраженіемъ, которое уже не разъ было прилагаемо къ ярмаркѣ: здѣсь *столкнута* людей и народовъ.

На Макарьевской ярмаркѣ съ давнихъ поръ встрѣчаются; *какъ нигдѣ на Русской землѣ*, люди и понятія, племена, вѣрованія и цивилизаціи, какъ вошедшія въ составъ нашей народности, нашей государственно-этнографической единицы, такъ и обуславливавшія собою наше историческое развитіе. Здѣсь, на макарьевскомъ сходбищѣ, одинъ изъ самыхъ горячихъ моментовъ того тренія племенныхъ и бытовыхъ стихій, изъ которыхъ складывается историческое развитіе народной жизни. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе стихіи племенъ и цивилизацій во-

* Въ видѣ примѣра укажемъ на записку 25-го іюля 1865 года (*Ярмарочный Листокъ*, № 10).

шедших въ составъ историческаго быта народа, тѣмъ, кажется, могущественнѣе его историческій ростъ, и тѣмъ благороднѣе его національный типъ, переработавшій въ себя и претворившій въ себя всю разнородную смѣсь племенныхъ элементовъ. Поэтому такъ и важны сходбища подобныя Макарьевскому торгу; въ особенности же они важны для народа, который долженъ былъ воспринять и объединить столько племенныхъ элементовъ, и претворить ихъ въ народный типъ изумляющій своею *однородностью*, на государственной территоріи, на имѣющей, къ тому же, по своей величинѣ, ничего себя подобнаго. Для такого колоссальнаго историческаго и этнографическаго процесса слиянія народностей были, можетъ-статься, особенно необходимы временныя и мѣстные толчки, ускоряющіе его движеніе.

Поводъ, по которому происходитъ макарьевское сходбище, — торгъ, коммерческая сдѣлка, — обладаетъ свойствами *по преимуществу соединяющими и примиряющими* различія и противоположности племенъ и обычаевъ; этотъ поводъ примиряетъ быстрѣе и повиднѣе всакаго иного случая встрѣчи: нужно во что бы то ни стало продать и купить. Здѣсь повелѣтъ, за стаканомъ чая, за бутылкою вина, подъ шумъ трактирнаго веселья, приравниваются другъ къ другу высокочѣрный московскій первоустатейный кувецъ и не менѣе высокочѣрный у себя дома и неизмѣнный здѣсь Бухарецъ; по цѣлымъ часамъ тягаются они между собою, выдвигая каждый всѣ баттарыи своихъ коммерческихъ хитростей, запугивая одинъ другаго крайними послѣдствіями несовершенія сдѣлки: съ одной стороны, обратное шествіе по среднеазіатскимъ степямъ, съ грузомъ ни на что негоднаго для соплеменниковъ хлопка и безъ наличныхъ денегъ, безъ которыхъ не сдѣлаешь ни шагу въ части свѣта еще не познавшей кредита и банковъ, въ заключеніе, можетъ-статься палочное наказаніе на площади въ награду отъ начальства за плохую торговлю, а съ другой стороны, обратный путь по рельсамъ, хотя и несравненно болѣе краткій и усовершенствованный, но также съ не совсѣмъ приятными ощущеніями, при мысли о фабрикѣ безъ сыраго матеріала и съ запасами сработаннаго товара, годнаго лишь для чужой части свѣта, и о карманѣ безъ наличной денежной помощи, не совсѣмъ издѣланной какъ подспорье къ массамъ процентныхъ бумагъ, не идущихъ съ рукъ, и къ коммерческимъ оборотамъ,

замышленным внутри отечества. Съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ въ торгующихся головахъ свои неудобства и стѣсненія отъ несостоявшейся сдѣлки, борются между собою, прилаживаются, и наконецъ обѣ стороны что-нибудь уступаютъ другъ другу; одна сторона обыкновенно уступаетъ больше: ея обратный путь несравненно длиннѣе, и коммерческія обстоятельства гораздо круче; Европа осидываетъ Азію. Какъ ни стоишь Бухарець, Москвичъ сможетъ выдержать борьбу долѣе, и обѣ стороны все-таки сходятся, и *по русскому обычаю* бьютъ по рукамъ, хотя Бухарцу и придется захватить еще разъ на поклонъ и за деньгами въ Москву. *

Самая крупная противоположность этнографическихъ элементовъ, властвовавшая доселѣ на Макарьевской ярмаркѣ, проявляется, разумѣется, между Азіей и Европой, изъ встрѣчи коихъ и образовался этотъ торгъ; борьба этихъ двухъ элементовъ составляла, конечно, важнѣйшее историческое содержаніе Макарьевского сходбища. Который изъ двухъ элементовъ одолеваетъ, это слишкомъ ясно по всѣмъ даже наружнымъ признакамъ историческаго и географическаго развитія ярмарки. Хотя нынѣ значеніе Нижегородской ярмарки для внутренней торговли Россіи далеко преобладаетъ, какъ мы говорили (въ IV главѣ), надъ ея ролью въ нашей азіатской торговлѣ, встрѣча народовъ Азіи и Европы все-таки здѣсь продолжается. вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе полного господства здѣсь русской, европейской стихіи, нигдѣ, можетъ-статься, не обнаруживается сильнѣе чѣмъ здѣсь нравственное и умственное вліяніе Россіи на Азіатцевъ. На всѣхъ другихъ окраинахъ и пограничныхъ пунктахъ, куда распространилась торговля наша съ Азіей, русскіе элементы еще пришлые и слишкомъ слабые.

Другой, болѣе органическій, процессъ борьбы и сліянія племенъ происходилъ съ особенною живостью именно въ той области и на томъ пути, по которымъ шло развитіе Макарьевского торговаго центра. Мы говоримъ о сліяніи племенъ финскихъ и славянскихъ. Внутреннее развитіе ярмарки, конечно, не могло оставаться чуждымъ и этому этнографическому процессу, столь важному въ нашей исторіи, но отношеніе его къ ярмаркѣ было, повидимому, косвенное, по крайней мѣрѣ въ бли-

* Мы были свидѣтелями такихъ переговоровъ, продолжавшихся въ теченіе нѣсколькихъ дней.

жайшемъ историческомъ прошедшемъ: финскія племена, и доселѣ еще сохранившіяся во всей чистотѣ на Волгѣ и въ близкихъ къ ярмаркѣ мѣстахъ (въ Нижегородской, Казанской, Рязанской губ.), уже давно чужды коммерческому и промышленному духу, воодушевишаему съ особенною силою русскую народность, именно въ этой области. Нынѣ участие въ ярмарочной торговлѣ всѣхъ этихъ финскихъ обрывковъ — Черемись, Чувашъ, Мордвы — вовсе даже не замѣтно. Присутствіе финскихъ племенъ въ географической области Макарьевской ярмарки скорѣе важно въ томъ отношеніи, что взаимодействіемъ и сліяніемъ ихъ съ славянскими племенами возростае здѣсь мощь русской стихіи для ея борьбы съ Азіей, если только можно вообще допустить ту справедливую, какъ намъ кажется, мысль, что поглещеніе въ русскую стихію финскихъ племенъ славянскими было явленіемъ чрезвычайно благоприятнымъ для развитія русской стихіи (въ такъ-называемой велико-россійской ея области). Макарьевская ярмарка, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовала ходу этого этнографическаго процесса: здѣсь русскій народъ изъяслялъ рѣшительное господство своего коммерческаго и промышленнаго духа надъ всѣми первобытными племенами своей территоріи, въ томъ числѣ и надъ финскими, которыя, если вѣрять историческимъ извѣстіямъ, играли первостепенную роль въ первобытномъ Макарьевскомъ торжищѣ, въ Прикамской области, въ Болгарскомъ царствѣ.* Въ тѣ времена финскія племена представляли собою Западъ и Европу наизпротивъ Востока и Азій, а нынѣ они опизозапи передъ русско-славяною стихіей до того подчиненнаго положенія, какое занимаетъ въ бассейнѣ Волги городъ Чебоксары, въ насмѣлку именуемый столицей Черемись, передъ Нижнимъ-Новгородомъ и Москвой.

Въ средѣ самой русской народности ярмарка является по преимуществу и даже исключительно средоточіемъ для великороссіянъ и остается чуждою (теперь, можетъ-быть, даже болѣе чѣмъ прежде) южной (лучше юго-западной) и западной Россіи. Это обстоятельство, нынѣ устранившее встрѣчу на ярмаркѣ малороссійскаго и бѣлорусскаго нарѣчій съ великороссійскимъ, можетъ измѣниться съ проведеніемъ свѣти желѣзныхъ дорогъ. Теперь же группа украинскихъ ярмарокъ, возникшихъ вслѣдствіе недостатка путей сообщенія, совер-

* См. ссылки въ 1-й главѣ.

шенно разъединила малороссійскій рынокъ съ великороссійскимъ.

Но не одни только племенные различія и противобожности встрѣчаются на Нижегородской ярмаркѣ; на ней сталкиваются разнообразныя нравственныя и умственныя теченія русской жизни, воззрѣнія, нравы и обычаи всѣхъ слоевъ и географическихъ группъ русскаго общества. Въ этомъ отношеніи уже не мало было сдѣлано нами указаній: читателя могли достаточно судить по разнымъ разбросаннымъ въ нашихъ очеркахъ фактамъ, какія крайности понятій и вкусовъ русскихъ людей ищутъ для себя удовлетворенія въ ярмарочномъ мірѣ, какой оживленный обмѣнъ чувствъ и мыслей происходитъ здѣсь рядомъ съ обиліемъ товаровъ. И этотъ обмѣнъ понятій играетъ здѣсь не одну только подчиненную роль, но необходима только сопровождающая коммерческое движеніе: Макаріи служитъ сборнымъ мѣстомъ для двигателей многихъ идей, вращающихся въ нашемъ народномъ быту, и средствомъ пропаганды, для которой прямо и называетъ сюда всякій людъ изъ разныхъ краевъ Россіи. Между умственными движеніями, сосредоточивающимися у Макаріи, въ особенности важна дѣятельность раскольничьихъ толковъ. Какъ бы ни хотѣлось намъ сообщить здѣсь въкоторыя наблюденія по этому предмету, но затрогивать мимоходомъ такую важную сторону духовной жизни нашего народа было бы легкомысленно. Именно здѣсь на Нижегородской ярмаркѣ раскрылась для насъ та важная роль, которую играетъ расколъ въ умственныхъ движеніяхъ нашего народа.

Тутъ, посреди искреннихъ бесѣдъ и почти уличныхъ прерій, сказались намъ органическія, нравственныя и бытовыя связи раскола съ народною жизнью; тутъ особенно ощутильнѣе сдѣлалось для насъ, посреди пропаганды, производящейся кинѣ всѣми видами нашихъ сектаторовъ, отсутствіе свободной дѣятельности православнаго духовенства, непосредственно встрѣчающагося съ расколомъ лишь въ качествѣ представителя государственной и принудительной его власти.

Дворянство принимаетъ самое ничтожное участіе въ оборотахъ Нижегородской ярмарки, и даже сѣзды сосѣдняго дворянства на ярмарку значительно сократились въ послѣднее время. Поэтому это сходбище сотенъ тысячъ людей всего

меньше имѣть значенія для умственныхъ движеній въ высшемъ и образованномъ нашемъ классѣ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одной характеристической особенноти новѣйшаго времени, — о нѣсколькихъ дворянахъ, сидящихъ въ разныхъ рядахъ ярмарки и собственноручно продающихъ въ лавкахъ свои товары. Всѣ эти лица принадлежали не къ числу какихъ нибудь исхудалыхъ представителей нашего высшаго сословія, нѣрѣдко послѣ разоренія бросающихся на разные общественныя поприща; напротивъ, это люди состоятельные и даже съ видными родовыми связями. Они затѣяли сами торговать, просто, чтобы дѣлать это лучше нежели чрезъ посредство прикащиковъ; можетъ-быть они это затѣяли, сами того не сознавая, отчасти и ради угожденія духу времени, въ видахъ сліянія сословій. Не беремся сказать, въ какой степени эта затѣя коммерчески удалась, знаемъ только, что ловкіе купцы далеко не прочь торговать съ дворянами. Такіе хозяева даже пріятнѣе купцамъ чѣмъ господскіе прикащики, хотя и съ послѣдними торговать удобнѣе чѣмъ съ своимъ братомъ купцомъ. При этомъ мы вспоминаемъ подобный случай на ярмаркѣ 1860 года, когда на горизонтѣ показались первыя тучи эманципации, и когда съ ними связывались во многихъ умахъ ожиданія превращенія дворянъ въ людей обывательныхъ, по нашимъ законамъ, *избрать для себя родъ жизни*. Нѣсколько дворянъ-фабрикантовъ поспѣшили тогда упредить угрожавшій прогрессъ и появились съ своимъ товаромъ въ ярмарочныхъ палаткахъ; нѣкоторые изъ нихъ забѣжали отъ стужи (вслѣдствіе воспрепятствованія топить ярмарочныя строения) и бѣжали съ ярмарки, кинувъ товаръ на произволъ судьбы. Это случилось именно на той ярмаркѣ, на которой въ послѣдній уже разъ продавался особенный дворянскій товаръ, и въ послѣдній разъ раздавались звуки оркестра, составленнаго помѣщикомъ изъ крѣпостныхъ людей. Желаемъ, чтобы нынѣшняя дворянская попытка была удачнѣе, хотя и знаемъ какъ важна въ торговлѣ, особенно русской, извѣстная унаслѣдованная коммерческая рутинѣ.

Чрезвычайное разнообразіе понятій, нравовъ и обычаевъ было для насъ самымъ любопытнымъ предметомъ наблюденія на Нижегородской ярмаркѣ. На всякомъ шагѣ можно встрѣтить здѣсь крайнія противоположности человѣческой цивилизаціи, изумительнымъ образомъ уживаться одна подлѣ другой. Таковы въ особенноти контрасты появ-

тій христіанскаго міра и мусульманскаго, имѣющаго здѣсь столь многочисленныхъ представителей. „Женщина не человекъ, женщина не имѣетъ никакихъ высшихъ человѣческихъ побужденій, а только скотскіе и плотскіе инстинкты,“ говорилъ намъ образованный Татаринъ и старался доказать свою варварскую тему разсужденіями, изобличавшими нѣкоторое умственное развитіе и знакомство съ требованіями европейской цивилизаціи. „Мы не признаемъ въ женщинѣ чело-вѣческой души, и потому не допускаемъ ее въ наши храмы,“ продолжалъ онъ. А въ христіанской семьѣ, обокъ живущей съ палаткой этого Татарина, не разъ приходилось намъ видѣть женщину уже однимъ 'только присутствіемъ своимъ воздерживающую мужа отъ ярмарочнаго разврата; приходи-лось также не разъ видѣть въ ней единственную хра-нительницу вѣрованій и обрядовъ отцовъ, посреди коцун-ства мужской половины семьи, потрясенной въ своихъ ре-лигіозныхъ понятіяхъ пропагандой нигилизма и бросившей-ся, подобно всѣмъ новообращеннымъ, во всѣ крайности но-ваго ученія. Въ то время какъ мусульмане, покидая всякія дѣла на ярмаркѣ, съ необыкновеннымъ усердіемъ наполняли мечеть въ часы назначенные для общественныхъ молитвъ, и ихъ женщины могли въ эти часы приближаться къ мечети лишь на нѣкоторое разстояніе, — въ это время православный соборъ посѣщался по преимуществу жен-щинами, такъ какъ мужчины были отвлекаемы коммер-ческими дѣлами. Но женщину молящуюся, женщину—хра-нительницу чистоты семейныхъ нравовъ, всего менѣе ви-дитъ Татаринъ на ярмаркѣ, и потому не удивительно весь-ма характеристическое возраженіе, сдѣланное намъ тѣмъ же образованнымъ мусульманиномъ, когда мы выражали ему наше негодованіе противъ его взглядовъ на женщину. „Не доказываютъ ли ваши женщины лучше всего справедливость нашихъ понятій, что онѣ не люди и не могутъ пользоваться свободой людей? Неужели мы не видимъ здѣсь на всѣхъ этихъ маскарадахъ и въ разныхъ заведеніяхъ каковы ваши женщины, и неужели, посмотрѣвъ на нихъ, намъ не убѣ-диться, какъ хорошо мы дѣлаемъ, что запираемъ ихъ и не даемъ имъ воли?“ Таково было отвѣтъ мусульманина, и отвѣтъ совершенно искренній. Наши русскіе Татары еще могутъ получить, если только захотятъ, чинныя понятія о нашей женщинѣ и вообще нашемъ христіанскомъ и евро-

нейскомъ бытѣ. Но каково же положеніе Среднеазіятцевъ, знакомящихся съ нашею цивилизаціей единственно въ ярмарочныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они проводятъ всѣ свои досуги на ярмаркѣ? Представьте себѣ Бухарцевъ и Коканцевъ попавшихъ прямо изъ своихъ степей на ярмарочные мабилы и съ нихъ возвращающихся прямо въ степи. Каковы должны быть впечатлѣнія этихъ дикарей посреди невѣдомаго имъ дотола европейскаго міра! Не мало занималъ насъ на ярмаркѣ вопросъ объ этихъ впечатлѣніяхъ и ихъ послѣдствіяхъ. Какъ бы ни были однако прискорбны для нашего европейскаго самолюбія представленія о цивилизаціи, увозимыя съ ярмарки Среднеазіятцами, мы можемъ утѣшиться тѣмъ, что ихъ поселяетъ на этотъ разъ въ воображеніи дикарей именно та иноземная струя уточненнаго макарьевскаго веселья, которую мы выше отличили отъ настоящей русской его стихіи; русское веселіе неспособно, при всѣхъ своихъ грязныхъ разливахъ, произвести на Азіятцевъ впечатлѣнія столь унижительныя для европейской цивилизаціи какъ весь этотъ парижскій развратъ, переложенный на русскіе нравы.

Но не менѣе противоположностей и неожиданныхъ встрѣчъ понятій заключаетъ внутри себя и сама русская цивилизація на ярмаркѣ. Съ одной стороны, старообрядцы отплеиваются отъ балета и обзываютъ пляскою Иродіады спектакль, покровительствуемый властями въ видахъ облагораживанія русскихъ нравовъ; съ другой стороны, фельетоны мѣстной печати пускаются въ сентиментальности по поводу погибшихъ, но милыхъ созданій ярмарки, и возводятъ ихъ даже, по рецептамъ преподааннымъ прогрессивною столичною прессою, въ социальный идеалъ! * Трудно представить себѣ болѣе рѣзкій контрастъ понятій... А между тѣмъ этотъ контрастъ не какой-нибудь исключительный фактъ; напротивъ того, съ каждою его стороною связанъ рядъ возрѣній и влеченій, носящихся въ нравственной атмосферѣ на огромныхъ пространствахъ нашего отечества и въ цѣлыхъ слояхъ нашего общества. Такъ или иначе всѣ будущіе наши успѣхи обусловлены этими возрѣніями, изъ которыхъ одни поднимаютъ въ нашемъ воображеніи всю картину до-петровской и даже до-иконовской русской старины, а другія рисуютъ намъ всю

* См. *Ярмарочный Листокъ* 1864 г.

современную, мнимо-передовую нашу новизну, всё это наносы прибитые къ нашему берегу. Молодець изъ Ножевой ланги Московскаго гостянаго двора, проникнувшись до глубины сердца сказаніями объ эманципаціи женщины, перешедшими къ нему изъ устъ пріятеля знакомаго съ умными людьми, даже съ литераторами, убѣждается наконецъ, что настоящая эманципація осуществляется вполнѣ только на мабилѣ Нижегородской армарки, и съ восприимчивостью русскаго человѣка краснорѣчиво доказываетъ вамъ, что отношенія между полами, возникающія на мабилѣ, самыя нормальныя и естественныя отношенія (sic). Послѣ такихъ слышанныхъ нами рѣчей, сближающихъ прогрессиста съ нашимъ Татаринцомъ, вамъ было еще труднѣе убѣдить послѣдняго, что армарочныя увеселительныя заведенія еще не даютъ понятія о положеніи женщины въ нашемъ европейскомъ обществѣ; до него уже доходила слава о прогрессистахъ, именно доказывавшихъ, что подобная женская эманципація есть самое послѣднее слово прогресса.

Не станемъ однако слишкомъ долго останавливаться на подобныхъ явленіяхъ: отдѣльный фактъ, вырванный изъ всей совокупности, можетъ вести къ весьма одностороннимъ заключеніямъ. Чтобы судить объ историческомъ и народномъ значеніи великой „встрѣчи“ русскіихъ людей, какую представляетъ собою нижегородское сходбище, необходимо стать на нѣкоторое отъ нея разстояніе; необходимо, чтобы на этомъ разстояніи исчезло въ крупныхъ очертахъ общей идеи все безобразіе нравственныхъ и умственныхъ явленій, замѣтное лишь вблизи, и замолкли всѣ дразги текущаго времени, оцутительныя лишь для слуха наблюдателя-современника, взволнованнаго тревогами дня. Въ общей исторической идеѣ макарьевскаго сходбища народовъ безслѣдно пропадаетъ все это безобразіе и всѣ эти дразги.

Идея, которая представляется вамъ здѣсь господствующею, есть преобладаніе русской народной стихіи на этой встрѣчѣ народовъ Востока и Запада. Въ этой встрѣчѣ понятій и людей самыхъ противоположныхъ міровъ и цивилизацій выходитъ торжествующею надъ всѣмъ и надъ всеми русская цивилизація, которая и накладываетъ окончательно на всѣ явленія свою печать, свой тапъ. Подъ этимъ русскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ европейскимъ типомъ и всѣ азіатскіе, пришлые элементы мало-по-малу претворяются

въ русскіе и европейскіе. И самъ этотъ типъ, находясь какъ всякій живой народный типъ въ непрерывномъ движеніи, вырабатывается и крѣпнеть въ этой встрѣчѣ и въ этомъ треніи безконечно разнообразныхъ, иноплеменныхъ и областныхъ элементовъ, мало-по-малу слагающихся подъ русскимъ началомъ въ одну народную стихію. Какъ нѣкоторое олицетвореніе этой идеи осталась у насъ въ памяти одна живая картинка изъ армарочной жизни. Въ грязной харчевнѣ мальчикъ Татаринъ, въ своемъ мусульманскомъ колпачкѣ, бойко наигрываетъ на скрипкѣ русскія плясовые пѣсни, и подъ эту музыку пляшетъ по-русски Польшка; и Татаринъ, и Польшка всячески стараются своимъ подпѣваньемъ русскихъ словъ и всеми своими ухватками доказать засѣдающей въ харчевнѣ компаніи, что они вполне прониклись духомъ русской пѣсни и пляски, что и они, несмотря на свою татарщину и свою польщизну, способны выкинуть настоящее русское колѣнцо. Дѣйствительно, это имъ и удается, и компанія, состоящая изъ торгашей низшаго сорта, всякихъ племенъ и нарѣчій (въ томъ числѣ даже Нѣмцевъ и Французовъ), и какъ всякая компанія у Макарія, старающаяся во что бы то ни стало быть или казаться русскою, приходитъ въ неописанный восторгъ. Мы долго любовались этою картиною, въ которой, несмотря на всю грязь декорацій, пробивался наружу внутренній смыслъ народныхъ движеній подобныхъ макарьевскому сходбищу.

Позволяемъ себѣ думать, что этою сценою, которая выхвачена нами изъ самаго вихря армарочнаго разгула, и изъ которой каждое дѣйствующее лицо, каково бы ни было его племя, религія и языкъ, вышло съ однимъ и тѣмъ же русскимъ припѣвомъ на устахъ, съ русскимъ мотивомъ въ душѣ и съ русскимъ настроеніемъ чувствъ и мыслей,—этою сценою мы могли нагляднѣе всего выразить идею, господствующую въ настоящемъ послѣднемъ нашемъ *Очеркѣ Нижнегородской армарки*.

Мы можемъ сожалѣть обо многихъ мрачныхъ явленіяхъ на нашихъ народныхъ сходбищахъ, о томъ что въ качествѣ представителей просвѣтительныхъ европейскихъ началъ являются здѣсь съ одной стороны Башкиры-казаки, блюстители полицейскаго порядка, съ другой—создатели мабелей и маивные толкователи Бюля и Дарвина, но не можемъ отрицать, что русская жизнь движется впередъ на этихъ

великихъ сходбищахъ и коммерческихъ перепутьяхъ, и того движенія не могутъ остановить никакіе представители нашихъ *новшествъ*. На этихъ сходбищахъ вырабатывается *единство* русскаго быта и духа,—единство, которое уже само по себѣ составляетъ силу, хотя эта сила и могла бы до безконечности увеличиться отъ сочетанія съ другою силой, съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Пока успѣхи нашего научнаго и школьнаго образованія еще такъ слабы, и пока, съ другой стороны, недостатокъ матеріальныхъ удобствъ жизни и усовершенствованныхъ путей сообщенія еще не позволяетъ всѣмъ областямъ Россіи обмѣниваться между собою товарами и понятіями и поддерживать свое русское единство иначе какъ посредствомъ подобныхъ *встрѣчъ*,—будемъ радоваться, что это великое единство, безъ котораго ничто остальное немислимо, сохраняется и преуспѣваетъ, хотя бы посредствомъ подобныхъ *встрѣчъ* и движеній.
